

ТРУДЫ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

1895.

М А Й.

- I. Блаженного Иеронима (въ русскомъ переводѣ). Три книги толкованій на пророка Амоса. (*Продолженіе*) 85
- II. Проповѣди св. Ефрема Сиріина. (*Продолженіе*). П. Смирнова. 3
- III. Сужденія преосв. Теофана, бывшаго епископа владимірскаго, о греко-болгарскомъ вопросѣ и о состояніи православной церкви на Востокѣ. (Съ предисловіемъ). **Θ. И. Титова**. 33
- IV. Слово въ Великій Цытокъ. **В. П. Рыбинскаго**. 68
- V. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. (*Продолженіе*). **Θ. И. Титова**. 77
- VI. Педагогика Джона Локка. **Н. К. Манкавейснаго**. 134
- VII. Изъ заграничной религіозной жизни. **Z**. 159

Въ приложеніи:

- VIII. Извлеченіе изъ Протоколовъ Совѣта Кіевской духовной Академіи 19 декабря 1894 г. и 31 января 1895 г. 65
- IX. Извѣстія Церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за м. ноябрь и декабрь 1894 г. **Н. И. Петрова** . . 1
- X. Объявленіе.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

1895.

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

въ 1895 году выходятъ по прежней программѣ *ежемесячно* книгами *отъ 10 до 12 листовъ*.

Цѣна за годовое изданіе **7 р.**, за границу—**8 р.** съ перес.

Въ журналѣ помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по изложенію доступнымъ большинству читателей, а также **переводы твореній блж. Іеронима и бл. Августина**, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „**Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ**“.

Указомъ св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ“, рекомендована для духовныхъ семинарій, шгатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

За прежніе годы „Труды Киевской дух. Академіи“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 г.г. по **5 р.**, за 1879—1883 г.г. по **6 р.**, за 1885—1893 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по **7 р.** съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1884 г. распроданы всѣ.

Въ редакціи журнала „Труды“ продаются также слѣдующія изданія и книги:

„**Воскресное Чтеніе**“, журналъ назидательнаго характера, за 1837/38 г. (т. I), 1841/42 (V), 1847/48 (XI), 1848/49 (XII), 1851/52 (XV), 1853/54 (XVII), 1854/55 (XVIII), 1855/56 (XIX), 1856/57 (XX), 1857/58 (XXI). 1860/61 (XXIV), 1861/62 (XXV), 1863/64 (XXVII), 1865/66 (XXIX), 1866/67 (XXX), 1867/68 (XXXI), 1868/69 (XXXII), 1869/70 (XXXIII), 1870/71 (XXXIV) и за 1879, 1880, 1881, 1882, 1883 гг. Цѣна за каждый годъ по **4 р.** съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ „Воскреснаго Чтенія“. (Одобрена Учебнымъ Комитетомъ). Цѣна **30 к.** съ перес.

Владимірскій Сборникъ въ память девятистолѣтія крещенія Россіи. (Сказаніе о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. *И. И. Малышевскаго*. Владимиръ св., какъ политическій дѣятель. *В. З. Зивитневича*. Древнія изображенія св. Владимира. *Н. И. Петрова*. Чествованіе памяти св. Владимира на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. *Елюже*. Слово, сказанное 10 іюля 1888 г. *В. Θ. Пвѣницкаго*). Ц. **2 р.** съ пер.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ. (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. **2 р. 50 к.**, на лучшей бумагѣ—**3 р. 50 к.** съ перес

Арсеній м. кіев. Изъясненіе Божеств. литургіи. (450 стр.). Ц. **2 р.**

— — Толкованіе на первые 26 псалмовъ. (634, 8-о). Ц. **2 р.**

Они превратили сладость суда въ горечь полыни, составляющей родъ весьма горькаго растенія, такъ что оставили правду и слѣдовали беззаконію. Какая же эта правда, это показываетъ слѣдующій стихъ: *сотворившаго Арктуръ и Орионъ, и превращающаго мракъ въ утро и обращающаго день въ ночь*. О комъ выше сказалъ: *который образуетъ горы, и творитъ вѣтеръ и возвышаетъ человеку слово Свое, производитъ утреннюю мглу и шествуетъ по высотамъ земнымъ; Господь Богъ воинствъ—имя Ему* (гл. 4, ст. 13), тотъ есть творецъ *Арктура*, что по-еврейски называется *chima* и что Симмахомъ и Θεοδοτίονомъ переводится чрезъ *πλειάδα* (плеяды), а вульгарно называется *Bootes* (Волонасомъ). Что же касается слѣдующаго затѣмъ слова *Орионъ*, который по-еврейски называется *chasil*, то Симмахъ перевелъ вообще чрезъ *звѣзды*, Θεοδοτίονъ чрезъ *вечернюю звѣзду*; но еврей, который былъ нашимъ учителемъ въ Священныхъ Писаніяхъ, полагаетъ, что *chasil* означаетъ *блескъ* и указываетъ вообще на *сіяющія звѣзды*. Слыша *Арктуръ* и *Орионъ*, мы не должны слѣдовать баснословіямъ поэтовъ и смѣшнымъ и чудовищнымъ вымысламъ, чрезъ которые они стараются опозорить даже небо и представить превращеніе въ звѣзды вознагражденіемъ за преступныя связи, говоря:

Арктуръ, и дождевыя Гіады, двойные Тріоны
Онъ наблюдаетъ, и вмѣстѣ Орионъ, какъ золото свѣтлый ¹⁾.

Но мы должны знать, что еврейскія, совсѣмъ другія имена были переведены на нашъ языкъ чрезъ названія, заимствованныя изъ языческой мифологіи, потому что мы не можемъ понять сказаннаго иначе, какъ только подъ условіемъ употребленія тѣхъ названій, которыми мы научились и съ которыми свывлились вслѣдствіе практики и заблужденія. Поэтому и въ книгѣ Царей еврейское слово *raphaim* греки перевели чрезъ *титановъ* (2 Цар. 5, 18), служащихъ у языч-

¹⁾ Vergil. Aeneid. lib. III, vers. 516—517.

никовъ предметомъ столь извѣстнаго міѳа, на основаніи котораго они пишутъ въ честь боговъ произведенія о борьбѣ гигантовъ (γυγαντομαχία), объ оружій Тифея и о горѣ Этнѣ, наваленной на Энкелада, отъ движенія котораго содрогается Тринакрія¹⁾. Богъ же, творецъ всего, есть тотъ, который создалъ Арктуръ и Оріонъ, ночь превращаетъ въ день и день въ ночь, и очищаетъ горькія морскія воды, держаціясяверху вслѣдствіе теплоты воздуха, и изливаетъ ихъ въ видѣ пріятныхъ на вкусъ дождей, подобно медицинской кровесосной банкѣ, которая, вслѣдствіе теплоты верховнаго круга, привлекаетъ влагу и кровь вверхъ. Отсюда мы узнаемъ, какимъ образомъ происходятъ дожди. Въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *Онъ посмѣвается надъ опустошеніемъ сильнаго*, [пророкъ] возвращается къ настоящему времени, и порядокъ [мыслей] здѣсь слѣдующій: кто есть творецъ всего, тотъ угрожаетъ также плѣненіемъ Самаріи и причиняетъ разореніе сильному, потому что они превращаютъ судъ въ полынь и оставляютъ правду на землѣ. Гдѣ мы сказали: *Онъ посмѣвается*, тамъ Акила перевелъ: ὁ μειδίωυ. Но μειδίαρὰ собственно называется то, что мы можемъ назвать *усмѣшкою* (subrisio), являющеюся тогда, когда кто либо гнѣвается и, открывъ немного губы, показываетъ видъ, что онъ усмѣхается, чтобы выразить сильную степенъ раздраженія. Скажемъ и о переводѣ LXX. Богъ совершаетъ судъ въ высотѣ, когда судить по правдѣ и воздаетъ каждому по дѣламъ его. Также и всякій, кто желаетъ подражать Ему и быть сыномъ Его и совершеннымъ, какъ совершенъ Отецъ его на небесахъ (Матѳ. гл. 5), совершаетъ судъ въ высотѣ и не подражаетъ тому судѣ, который Бога не боялся и человѣка не стыдился (Лук. гл. 18) и, вслѣдствіе извращеннаго суда, не возвышалъ свои рѣшенія къ небу, а низводилъ долу. Слѣдующія затѣмъ слова: *и правду вселилъ на землѣ* мы должны по-

¹⁾ Сицилія.

нимать въ томъ смыслѣ, что Онъ далъ намъ правду Свою, Христа, и не повергъ ее, но вселилъ на землѣ, чѣ бы, чрезъ побѣду надъ всякою неправдою, изъ земныхъ содѣлать насъ небесными. Я полагаю, что изъ этого мѣста сдѣлалъ заимствование даже языческій поэтъ, который, говоря о простой и счастливой жизни сельскихъ жителей, сказалъ:

У нихъ лишь

Слѣдъ свой послѣдній оставила правда, съ земли удаляясь ¹⁾.

Говоря: *Онъ творитъ все и преобразуетъ*, они ²⁾ однимъ словомъ обнимаютъ Арктуръ и Оріонъ, пренебрегши переводомъ собственнаго значенія словъ на греческій языкъ. Преобразуетъ же все Богъ, когда Онъ изъ земнаго содѣлываетъ небесное и даруетъ людямъ подобіе ангеловъ, когда луна будетъ свѣтить, какъ солнце, а свѣтъ солнца будетъ свѣтлѣе всемеро, когда душевный, слабый и тлѣнный человекъ преобразуется въ духовнаго, сильнаго и нетлѣннаго, избѣня славу, а не природу, когда разумные будутъ сіять, какъ свѣтила на тверди, и исполнится написанное: *ина слава солнцу, ина слава лунѣ, ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славу; такожде и воскресеніе мертвыхъ* (1 Кор. 15, 41—42), когда вся тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ. Это тотъ Богъ, который все преобразуетъ, да же тѣнь смертную превращаетъ въ свѣтъ, когда сидѣвшіе во тьмѣ и тѣни смертной увидѣли великій свѣтъ и бывшіе сынами ночи и тьмы содѣлались сынами свѣта и сынами дня. Это тотъ Богъ который даже день превращаетъ въ тьму, — день тѣхъ, которые говорили: *распи, распи Его* (Іоанн. 19, 6), возьми такового съ земли, когда съ шестаго часа день превратился въ ночь, какъ образъ іудейскаго ослабле-

¹⁾ *Vergil. Georg. lib. II, vers. 473—474.*

²⁾ LXX толковниковъ.

нія. И не только въ буквальному, но и въ болѣе высокому смыслу свѣтъ, восходившій для нихъ въ законѣ и пророкахъ, превратился для нихъ въ тьму, и они не знаютъ, что читаютъ, что слышать, во исполненіе написаннаго о нихъ: *да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцы* (Псал. 68, 24). Этотъ Богъ призываетъ къ Себѣ воду морскую и разливаетъ ее по лицу земли, изъ грѣшниковъ содѣлывая праведниковъ. Для объясненія этого мы для краткости представимъ только одинъ примѣръ. Апостолъ Павелъ, подобно бурному вихрю и жестокой бурѣ и пучинѣ бушующаго моря, преслѣдовалъ и старался угнетать Церковь Божию. Бывъ призванъ Господомъ, онъ распространилъ [свою дѣятельность] по лицу всей земли, чтобы проповѣдывать отъ Іерусалима до Иллирика и не соиздать на чужомъ основаніи, гдѣ уже было проповѣдуемо (Рим. гл. 15), доходилъ до Испаніи и совершалъ путь отъ Чермнаго моря или, скорѣе, отъ океана до океана, подражая своему Господу и солнцу правды, о которомъ мы читаемъ: *отъ края небесе исходъ Его, и срътеніе Его до края небесе* (Псал. 18, 7), такъ что скорѣе недоставало ему земли, нежели рвенія къ проповѣди. Этотъ Богъ сокрушаетъ также силу, чтобы содѣлать слабыми тѣхъ, которые были сильны для зла, и чтобы они могли сказать подобно апостолу: *егда немоуствуую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. 12, 10). Ибо и сынове вѣка сего мудрѣиши нѣче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть (Лук. 16, 8). Сила тѣлесная производитъ слабость душевную и, наоборотъ, сила душевная производитъ слабость тѣлесную. Поэтому Господь, все устрояющій разумно и надъ всѣмъ совершающій судъ по правдѣ, сокрушаетъ сильнаго врага и наводитъ бѣду на твердыню, возстающую противъ божественнаго вѣдѣнія. Объ этомъ и въ Притчахъ мы читаемъ: *во грады крѣпки вниде премудрый, и разруши утвержденіе, на неже надъяшася нечестивѣи* (Притч. 21, 22). Такъ дѣйствуетъ Онъ и по отношенію ко всякой мірской

силѣ, а въ особенности противъ еретиковъ, которые посредствомъ аргументовъ, софизмовъ и діалектическаго искусства стараются утвердить лжеученія. Но ихъ разрушаетъ мудрый мужъ и, при содѣйствіи Божіей помощи, обнаруживаетъ всю тщетность этой твердыни, наводя на нихъ бѣду, чтобы они, оставивъ высокомеріе, могли сказать съ апостоломъ: *окаяненъ азъ человекъ: кто мя избавитъ отъ тѣли смерти сея* (Рим. 7, 24)?

Ст. 10. *Они возненавидѣли обличающаго въ воротахъ и возмущались тѣмъ, кто говоритъ правдиво (perfecte).* LXX: *Они возненавидѣли обличающаго въ воротахъ и возмущались словомъ святымъ.* Тѣ, коихъ Богъ, посмѣваясь, опустошаетъ и подвергаетъ разоренію, кои сильны въ злѣ и могущественны въ угнетеніи, возненавидѣли обличающаго въ воротахъ, то есть на судѣ,—или меня, или другихъ пророковъ, посылавшихся къ нимъ, и того, кто говоритъ *правдиво*, или *слово непорочное*, какъ перевелъ Симмахъ, или же *слово святое*, какъ перевели Θεодотіонъ и LXX. Въ воротахъ же, по древнему обычаю іудейскаго народа, производился судъ, и это, какъ мы часто читаемъ и часто объясняли, для того, чтобы и сельскій житель, приходя для разбора дѣла, не пугался городского многочисленія и новаго для него зрѣлища, и городской житель изъ отдаленной части города не имѣлъ нужды снѣшиться и заботиться о средствахъ переѣзда. Это мы сказали примѣнительно къ буквальному смыслу. Но великій грѣхъ—ненавидѣть обличающаго, въ особенности если онъ обличаетъ тебя не изъ ненависти, а по любви, если [сначала обличаетъ] одинъ наединѣ, если [затѣмъ] въ присутствіи другаго брата и если послѣ того предъ церковію (Матѣ. 18, 15—17), обвиняя, очевидно, не по наклонности къ злословію, а для твоего исправленія. О двоякихъ воротахъ—смерти и жизни, пороковъ и добродѣтелей, мы часто читаемъ въ Писаніяхъ, какъ напримѣръ въ Псалмахъ: *возносяй мя отъ вратъ смертныхъ, яко да возвышу вся*

хвалы Твоя во вратѣхъ дщере Сіони (Псал. 9, 14—15). Высокая гора Сіонъ, безъ сомнѣнія, означаетъ церковь и градъ Бога живаго, небесный Іерусалимъ, и множество ангеловъ и церковь первенцевъ, написанныхъ на небесахъ. Вознесенный въ воротахъ Сіона не можетъ бояться воротъ смерти, о которыхъ Господь говоритъ Петру: *на семъ камени созижду церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18). О воротахъ добродѣтели ясно говорится въ другомъ псалмѣ: *отверзите мнѣ врата правды: вшедъ въ нѣя исповѣмся Господеву. Сія врата Господня, праведніи внидутъ въ нѣя* (Псал. 117, 19—20). Также и премудрость съ увѣренностью при воротахъ города говорила: „доколѣ невинные будутъ соблюдать правду, они не будутъ посрамлены (Прем. Сол. гл. 6)“. Я полагаю, что ворота города, то есть души, вѣрующей во Христа, означаютъ добродѣтели, чрезъ которыя Христосъ входитъ къ вѣрующимъ. И такъ какъ не написано, въ какихъ воротахъ ненавидѣли обличающаго, въ [воротахъ] ли добра или зла, то мы можемъ относить это къ тѣмъ и другимъ. Пророкъ обличаетъ грѣшниковъ, стоящихъ въ воротахъ зла, и поѣтому они гнушаются имъ. Или, можетъ быть, самъ пророкъ стоитъ въ воротахъ и начинаніяхъ добродѣтелей, и его ненавидятъ тѣ, которыхъ онъ обличаетъ, и не ограничиваются грѣшники ненавистью къ обличающему или укоряющему въ воротахъ, но и гнушаются словомъ святымъ, исходящимъ изъ устъ его. Ибо кто не принимаетъ пророка, тотъ не принимаетъ пославшаго его (Матѳ. гл. 10). Если же они возгнушались словомъ святымъ или тѣмъ, кто говоритъ правдиво (ибо слово святое есть Господь Іисусъ, о которомъ говорится: *не даси святому Твоему видѣти истинныя*, Псал. 15, 10), то всѣ іудеи, произносившіе анаѳемы на Іисуса, гнушаются словомъ Божіимъ, которое и совершенно, и свято, и непорочно. Ибо благочестіе служитъ предметомъ отвращенія для грѣшника. Но все то,

что мы сказали объ іудеяхъ, можно отнести какъ къ язычникамъ, такъ къ еретикамъ, изъ которыхъ одни гнушаются всѣми Священными Писаніями, содержащими въ себѣ слово Божіе, а другіе, превратно понимая читаемое, вносятъ гнусности въ домъ Божій.

Ст. 11—13. *Итакъ за то, что вы разоряли бѣднаго и брали избранную добычу отъ него, вы построите дома изъ квадратнаго камня, но жить не будете въ нихъ; разведете прекрасные виноградники, а вина изъ нихъ не будете пить. Ибо Я знаю многочисленныя преступленія ваши и тяжкіе грѣхи ваши: вы враги правого, берете подарки и притѣсняете бѣдныхъ въ воротахъ. Поэтому благоразумный будетъ безмолвствовать въ то время, ибо время худое.* LXX: *Итакъ за то, что вы били бѣдныхъ кулакомъ и получали отъ нихъ избранные подарки, вы построили дома изъ тесаныхъ камней, но жить не будете въ нихъ; развели воздѣланные виноградники, а вина изъ нихъ не будете пить. Ибо Я знаю многочисленныя беззаконія ваши и тяжкіе грѣхи ваши: вы попираете правого, берете мзду (commutationes) и уклоняетесь отъ бѣдныхъ въ воротахъ. Поэтому разумный будетъ безмолвствовать въ то время, ибо время худое.* Для того, чтобы Израиль не могъ подумать, что онъ преданъ врагамъ для наказанія за одно только идолослуженіе, присоединяется и прочее, что онъ совершалъ по оставленіи истинной религіи. Вы, говорить, разоряли бѣднаго и брали [добычу] отъ того, кто едва имѣлъ необходимое для жизни, и все то, что вы видѣли, какъ цѣнное и красивое, обращали въ свою собственность. Поэтому вы на деньги, полученные посредствомъ хищеній и взятокъ отъ бѣднаго, строили дома изъ квадратнаго камня и, грабя людей, обкладывали стѣны мраморомъ, и такъ какъ вы устраивали ихъ не только для помѣщенія и крова, требуемаго брѣнностью человѣческою, но также

ради красоты и наслажденія, то, подвергшись внезапному плѣну или смерти, вы не будете жить въ нихъ. Вы разводили также прекрасные виноградники, имѣя въ виду будущіе пиры, но вина изъ нихъ не будете пить, потому что Я знаю всѣ преступленія ваши и грѣхи, и грѣхи тяжкіе, которые вызвали Мой гнѣвъ. Вы враги правды или всякаго праваго и получаете подарки и притѣсняете бѣднаго на судѣ. По этому кто бѣденъ и благоразуменъ, тотъ, видя подкупленнаго судью, будетъ молчать въ то время, потому что это время худое. Или же, можете быть, такъ слѣдуетъ понимать: какая польза теперь, при приближеніи плѣна, перечислять ваши грѣхи, когда уже нѣтъ никакого средства врачеванія и когда стѣны городовъ вашихъ окружаетъ непріятельское войско? Мы можемъ отнести это самое также къ еретикамъ, которые грабятъ бѣднаго и кулакомъ бьютъ его по головѣ, ибо это означаетъ греческое слово *κατεκονδύλιζον*, согласно съ тѣмъ, что мы выше читали: *они кулакомъ били бѣднаго по голову* (Амос. 2, 7). Ибо еретики бьютъ только бѣднаго, который не можетъ устоять противъ угрозы, и [направляютъ удары] не на другіе члены, а на то, что главенствуетъ надъ сердцемъ, и на истинную вѣру. Подъ бѣдными я разумѣю тѣхъ, которые, довольствуясь простою вѣрою, не могутъ отвѣчать на коварство еретиковъ. Они во время борьбы и состязанія утратятъ также всѣ добрыя дѣла, уготованныя ими въ даръ Богу, если не устоятъ противъ враговъ. Эти враги чрезъ свои искусно построенныя рѣчи строятъ себѣ дома, чтобы жить въ нихъ безопасно и спокойно, но не будутъ жить въ нихъ, потому что они будутъ разрушены и уничтожены членами Церкви. И они не только строятъ дома, но и разводятъ также прекрасные и вождельные виноградники для ложнаго подражанія таинствамъ Христовымъ; но они не будутъ пить изъ нихъ другаго вина, кромѣ заключающаго въ себѣ ярость драконовъ неисцѣльную (Второз. 32, 32). Ибо Господь ждалъ, чтобы эти виноградники

принесли плоды, но они принесли не грозды, а тернія и кислыя ягоды, и не правду, а крикъ, чрезъ который они безумными устами хулятъ Бога своего. Не будутъ же они жить въ домахъ своихъ и пить вина изъ разведенныхъ ими виноградниковъ потому, что Господь знаетъ многочисленныя беззаконія ихъ. Это знаніе слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится: *позна Господь сущія Своя* (2 Тим. 2, 19), а въ томъ, что нѣтъ ничего сокрытаго отъ Бога и что Онъ знаетъ всѣ тайны грѣшниковъ. *Я знаю*, говоритъ Онъ, *многочисленныя беззаконія*, которыя не только многочисленны, но и тяжки; они состоятъ въ притѣсненіяхъ и поправіи самой правды или того, кто правъ. *И берете*, говоритъ, *мзду*¹⁾, вмѣсто чего всѣ одинаково перевели *ἐξίλασμα*, то есть *умилостивленіе*, а мы выразили это чрезъ *подарокъ* (*munus*); *ἄλλαγμα* же на языкѣ Писаній означаетъ *плату* (*pretium*)²⁾, какъ мы читаемъ также въ Евангеліи: *что дастъ человекъ измѣну за душу свою* (Матѳ. 16, 26)? Они также *уклонялись* отъ бѣдныхъ въ воротахъ или, какъ перевелъ Симмахъ, *притѣсняли* [ихъ], продавая рѣшенія, вопреки истинному правосудію, за деньги и оправдывая на себѣ слова Писанія: *дары ослѣпляютъ очи даже мудрыхъ* (Второз. 16, 19). Эти [дары] берутъ *еретики*, чтобы измѣнять строгость Писаній, возвѣщающихъ наказанія, въ [общенія] благоденствія и, общая богатымъ всякаго рода благополучія, они въ отношеніи только къ бѣднымъ бываютъ строгими и суровыми. Поэтому, когда членъ церкви, благоумный и разсудительный, увидитъ многочисленныя беззаконія въ домѣ, который называется Божиимъ, и не только многочисленныя, но также тяжкія и могущія притѣснить правосудіе; [когда онъ увидитъ], что неистовство учителей дошло до того, что они берутъ мзду на судѣ и все дѣлаютъ

¹⁾ Собственно *обмѣнъ* или *замѣнъ* (*commutationem*).

²⁾ *ἄλλαγμα* означаетъ все то, что получается въ замѣнъ чего либо.

за подарки, что они также избѣгаютъ бѣдныхъ въ воротахъ и не хотятъ выслушивать ихъ: то пусть онъ безмолвствуетъ въ то время, чтобы не давать святыни псамъ и не бросать жемчуга свиньямъ, который онъ, обратившись, могли бы попать ногами (Матѳ. 7, 6), и пусть подражаетъ Іереміи, который говоритъ: *на единъ съдѣхъ, яко горести исполнихся* (Іерем. 15, 17), и тому, что говорится въ Псалмахъ: *единъ есмь азъ, дондеже перейду* (Псал. 140, 10).

Ст. 14—15. *Ищите добра, а не зла, чтобы вамъ остаться въ живыхъ, и Господь Богъ воинствъ будетъ съ вами, какъ вы говорили. Возненавидѣте зло, и возлюбите добро и возстановите въ воротахъ правосудіе; можетъ быть, Господь Богъ воинствъ помилуетъ остатокъ Іосифовъ.* LXX: *Ищите добра, а не зла, чтобы вамъ остаться въ живыхъ, и тогда Господь Богъ всемогущій будетъ съ вами, какъ вы говорили: мы возненавидѣли зло, и возлюбили добро, и возстановите правосудіе въ воротахъ, чтобы Господь Богъ помиловалъ оставшихся отъ Іосифа.* Вы говорите, что Богъ съ вами, потому что вы дѣти Авраама; выслушайте то, что далѣе слѣдуетъ: „если вы дѣти Авраама, то дѣлайте дѣла отца вашего (Іоанн. 8, 39)“. Какія же дѣла отца вашего, Авраама? Любите добро, а не зло. Великій грѣхъ не только дѣлать, но и любить зло. Многіе грѣшатъ и, по утоленіи пыла страстей, испытываютъ угрызенія совѣсти и раскаяваются въ своемъ грѣхѣ. Но кто не только не сокрушается о томъ, что онъ дѣлалъ зло, но хвастается своимъ преступленіемъ, на томъ исполняется написанное: *егда прійдетъ грѣшникъ во глубину золъ, не радитъ* (Притч. 18, 3). Итакъ, ищите добра, а не зла. Ибо если вы будете искать добра, то уже чрезъ то, что вы ищете добра, вы немедленно отвергаете зло. И никогда вы не искали бы добра, если бы напередъ не отвергли зла, исполняя слова псалмопѣвца: *уклонися отъ зла, и сотвори благо* (Псал. 36, 27). И когда вы будете искать добра и

избѣгать зла, тогда вы будете жить въ томъ, Кто говоритъ: *Азъ есмь животъ* (Іоанн. 14, 6). Добра ищетъ тотъ, кто вѣруеть въ говорящаго въ Евангеліи: *Азъ есмь пастырь добрый* (Іоанн. 10, 11). Зло отвергаетъ, кто избѣгаетъ того, о которомъ написано: *міръ во зло лежитъ* (1 Іоанн. V, 19). И въ молитвѣ Господней говорится: *избави насъ отъ лукаваго* (Матѣ. 6, 13). И когда, говоритъ, вы будете искать добра, а не зла, и останетесь въ живыхъ, тогда Господь Богъ воинствъ будетъ съ вами, какъ вы говорили, что Онъ потому съ вами, что вы родились отъ Авраама. Но недостаточно искать добра и не искать зла, если вы не будете имѣть *ἐπείτησον*¹⁾ въ томъ и другомъ отношеніи, такъ что вы должны сначала возненавидѣть зло и потомъ возлюбить добро. Ненавидитъ зло тотъ, кто не только не побѣждается похотью, но ненавидитъ дѣла похоти, а любить добро тотъ, кто дѣлаетъ добро не вопреки желанію, не по необходимости или по страху предъ законами, а потому, что это добро, и для того, чтобы имѣть награду за доброе дѣло въ своей совѣсти и въ своей любви къ добру. Поэтому и апостолъ говоритъ: *доброхотна датель любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7). Ибо не всякая милостыня угодна Богу, но та, которая приносится съ радостію. И когда вы возненавидите зло и возлюбите добро, то возстановите въ воротахъ правосудіе, о которомъ выше сказано, чтобы, по удаленіи беззаконія, возвратилась истина. И если вы будете дѣлать это, то, можетъ быть, Господь Богъ всемогущій помилуетъ остатокъ Іосифовъ изъ колѣна Ефремова и десяти колѣнъ, и они, можетъ быть, избѣгнуть плѣна. Все это можно относить и къ еретикамъ въ томъ смыслѣ, что они, оставивъ заблужденіе, измышленное ими, должны возвратиться въ церковь и воз-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: *то есть благочестія* (*id est pietatem*).

ненавидѣть прежнія ученія, и возлюбить истину въ Церкви Господней, и возстановить правосудіе въ воротахъ пороковъ и добродѣтелей, оставивъ первые и перешедши ко вторымъ, и тѣ, которые будутъ въ состояніи избавиться отъ пасти діавола, могутъ надѣяться на помилованіе. Примѣнительно же къ переводу LXX можно, измѣнивъ порядокъ, слѣдующимъ образомъ сдѣлать чтеніе этого мѣста болѣе яснымъ: такъ какъ вы сказали: мы возненавидѣли зло и возлюбили добро, то ищите добра, а не зла, чтобы вамъ быть живыми, и такъ какъ Господь Богъ всемогущій съ вами, то возстановите правосудіе въ воротахъ, чтобы Господь Богъ всемогущій помиловалъ остатокъ Іосифовъ.

Ст. 16—17. *Поэтому такъ говоритъ Господь Богъ воинствъ Владыка: на всѣхъ улицахъ плачъ, и на всѣхъ [мѣстахъ], которыя вѣнъ, будутъ говорить: горе, горе! И призовутъ земледѣльца стновать и знающихъ плачевныя тѣсни (plangere)—плакать. И во всѣхъ виноградникахъ будетъ плачъ, ибо Я пройду среди тебя, говоритъ Господь. LXX: Поэтому такъ говоритъ Господь Богъ всемогущій: на всѣхъ улицахъ плачъ, и на всѣхъ дорогахъ будутъ говорить: увы, увы! Призовутъ земледѣльца къ плачу и знающихъ оплакиваніе—къ плачу. И на всѣхъ дорогахъ плачъ, ибо Я пройду среди тебя, говоритъ Господь. Я заповѣдалъ вамъ искать добра, а не зла, чтобы вамъ остаться въ живыхъ, и чтобы Господь былъ съ вами. И Я еще прибавилъ (чтобы вы не сказали, что васъ одинъ только разъ предупредили): возненавидьте зло, и возлюбите добро, и возстановите правосудіе въ воротахъ, вы, возненавидѣвшіе обличающаго въ воротахъ, чтобы Господь помиловалъ остатокъ Іосифовъ. Но такъ какъ вы не хотѣли этого дѣлать, попирали Мои заповѣди и обратились спиною ко Мнѣ, удаляющемуся; то такъ говоритъ Господь Богъ всемогущій, который есть Господь воинствъ: повсюду плачъ, повсюду скорбь. Призовутъ земледѣль-*

щевъ для плача и призовуть тѣхъ, которые умѣють по обычаю страны вызывать слезы чрезъ свое пѣніе ¹⁾, чтобы не на всѣхъ улицахъ, какъ выше сказано, но въ виноградникахъ были плачь и сѣтованіе, и чтобы то, что служило поводомъ къ радости, было источникомъ слезъ. И все это будетъ, говорить, потому, что Я пройду среди тебя. Всякій разъ, какъ въ Священныхъ Писаніяхъ отъ лица Бога произносится слово *пройду*, которое на еврейскомъ языкѣ называется *eebor*, оно должно быть понимаемо въ смыслѣ наказанія,—въ томъ смыслѣ, что Онъ не остается у нихъ, но проходитъ и оставляетъ ихъ. Поэтому и въ другихъ мѣстахъ, по переводу Авилы, когда Богъ гнѣвается, то Онъ называетъ Свой гнѣвъ и ярость *ἀνοπερθεσία* ²⁾ Все это можно относить къ еретикамъ: такъ какъ они не хотѣли поступать должнымъ образомъ въ томъ или другомъ отношеніи, то на всѣхъ улицахъ ихъ будетъ плачь. Ибо широкъ и пространенъ путь, ведущій къ смерти (Матѳ. гл. 7), и такъ какъ всѣ еретики и язычники имѣють въ томъ, что [ими построено] на пескѣ и измышлено, улицы, то соответственно этому прибавлено: *и на всѣхъ [мѣстахъ], которыя вы, будете говорить: горе, горе!* Ибо тѣ, которые пребываютъ въ церкви, не слышать: *горе*, что случить крайнимъ изъ наказаній; но если согрѣшати, то будутъ оплакиваемы. Будутъ же говорить вы или на всѣхъ дорогахъ *горе, горе!* потому, что они не имѣють единственнаго пути, ведущаго къ жизни, и именно пути царскаго, но [имѣють] пути непрямыя, извращенныя и уклоняющіеся вправо и влево, потому что они не внимають Господу, говорящему: *не буди правдивъ велми* (Еккл. 7, 17), и: *пути развращени суть, иже ошуюю* (Притч. 4, 28). И они подвергаются двойному горю: по отношенію къ плоти и духу,

1) То есть плакальщикомъ и плакальщицею.

2) Собственно: *неотложность*.

настоящему вѣку и будущему, между тѣмъ какъ члены церкви, наоборотъ, слышать: *радуйтесь, и паки реку, радуйтесь* Филипп. 4, 4) Также земледѣлецъ призывается къ сѣтованію (ибо еретики имѣютъ своихъ земледѣльцевъ, у которыхъ на поляхъ вырастаютъ тернія и волчцы), равно какъ призываются къ плачу тѣ, которые умѣютъ плакать—или о своихъ, или о чужихъ грѣхахъ, хотя и это можно толковать въ хорошую сторону,—въ томъ смыслѣ, чтобы членъ церкви, могущій призывать къ покаянію, подражалъ своему Господу, говорящему: *рыдаюмъ вамъ, и не плакасте* (Лук. 7, 32), и плакалъ о еретикахъ, подобно тому, какъ Самуилъ нѣкогда плакалъ о Саулѣ, царѣ Израильскомъ (1 Цар. гл. 15). И апостолъ говорить, что онъ оплакивалъ тѣхъ, которые не покаялись (2 Кор. 12, 21). Также во вѣсѣхъ виноградникахъ будетъ плачь, потому что виноградники ихъ—виноградники содомлянъ, и вмѣсто вина радости, веселящаго сердце человѣка (Псал. 103, 15), они принесли вино драконовъ и неисцѣльную ярость аспидовъ (Второз. 32, 32). Они подвергнутся всему этому потому, что Господь пройдетъ среди ихъ, но не для того, чтобы вселиться въ нихъ и сказать: *вселюся въ нихъ и похожу* (2 Кор. 6, 16), и: *се Азъ съ вами есмь во вся дни, до скончанія вѣка* (Матѹ. 28, 20).

Ст. 18—20. *Горе желающимъ дня Господня!* для чего онъ вамъ? Этотъ день Господень—тѣма, а не свѣтъ: то же, какъ если бы человѣкъ (*vir*) убѣгалъ отъ льва и встрѣтился бы съ медвѣдемъ, или если бы вошелъ въ домъ и оперся рукою своею о стѣну, и змѣя ужалила бы его. Развѣ день Господень не тѣма, а свѣтъ? Развѣ онъ не мракъ, въ которомъ нѣтъ сіянія? LXX: *Горе желающимъ дня Господня!* Для чего вамъ этотъ день Господень? Онъ тѣма, а не свѣтъ: то же, какъ если бы человѣкъ убѣгалъ отъ льва, и на него напалъ бы медвѣдь, или если бы вошелъ въ домъ и оперся руками своими о

стну, и змѣя ужалила бы его. Развѣ день Господень не тма, а свѣтъ? Развѣ онъ не мракъ, не имѣющій сіянія? Чтобы не казалось, что пророкъ, который былъ изъ Оекуи, въ колѣнѣ Іудиномъ, совсѣмъ оставляетъ безъ вниманія жителей своего колѣна и обращается съ рѣчью только къ десяти колѣнамъ, онъ теперь направляетъ свою пророческую рѣчь къ обоимъ царствамъ, то есть къ Іудейскому и Израильскому, какъ это можно видѣть и изъ многого другаго, а въ особенности изъ того, что далѣе слѣдуетъ: *горе богатымъ на Сіонѣ и надбьющимся на гору Самарійскую* (гл. 6, ст. 1). Итакъ горе Іудѣ, и Израилю, которые говорятъ: пусть настанетъ день, пусть настанетъ плѣнь, лишь бы только послѣдовало то, что обѣщано пророкомъ, и время возстановленія, потому что нѣтъ столько зла въ бѣдствіяхъ плѣна, сколько добра въ томъ, что Господь обѣщаетъ, [какъ имѣющее быть] въ слѣдъ за плѣномъ. Пророкъ отвѣчаетъ имъ, что они напрасно то, что послѣдуетъ послѣ долгаго времени, по пришествіи Сына Божія, ожидаютъ послѣ семидесяти лѣтъ плѣненія Вавилонскаго, за которыми послѣдуетъ разореніе, обѣдненіе и безчисленные бѣдствія. Ибо когда вы будете убѣгать отъ Навуходоносора, льва, вамъ попадетъ навстрѣчу Ассуръ¹⁾, ко времени царствованія котораго относится исторія Есеири, или, по разрушеніи государства ассиріяны и халдеевъ, возстанутъ мидяне и персы. И когда, въ царствованіе Кира, вы возвратитесь и, по повелѣнію Дарія, начнете строить домъ Господень и всю надежду будете имѣть въ храмѣ, такъ что найдете успокоеніе въ немъ и склоните утомленные руки на стѣны; тогда придетъ Александръ, царь македонскій, или Антиохъ, именуемый Епифаномъ (Ἐπιφανής), который остановится въ храмѣ и ужалитъ васъ подобно змѣю, и не виѣ, въ Вавилонѣ или Сузахъ,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ добавлено: *медвѣдь (ursus)*.

а въ предѣлахъ святой (или вашей) земли. Это показываетъ, что день, котораго вы желаете, есть [день] не свѣта и радости, а тьмы и печали. Это мы вкратцѣ сказали примѣнительно къ исторіи, чтобы не обойти вполне молчаніемъ мифіи іудеевъ. Но никто не сомнѣвается въ томъ, что всѣ наши подъ днемъ тьмы разумѣютъ день суда, о которомъ и Софонія пишетъ: *близъ день Господень великій, близъ и скоръ зѣло: гласъ дне Господня горекъ и жестокъ* (Соф. 1, 14), и Исаія: *се день Господень грядетъ неисцѣльный ярости и гнѣва, положити вселенную пусту и грѣшники погубити отъ нея* (Исаія 13, 9). Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушается также надежда гордыхъ, которые, желая казаться праведными предъ людьми, обыкновенно ожидаютъ дня суда и говорятъ: о еслибы пришелъ Господь, о еслибы намъ можно было разрѣшиться и быть со Христомъ! (Филипп. гл. 1), подражая фарисею, который говорилъ въ Евангеліи: *Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи чело-вѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе или якоже сей мытарь. Пощуся дважды въ субботу, десятину даю всего, елико притяжу* (Лук. 18, 11—12). Ибо чрезъ то самое, что они желаютъ, а не боятся дня Господня, они признаются достойными наказанія, потому что нѣтъ ни одного чело-вѣка безъ грѣха, и звѣзды нечисты предъ Нимъ (Іов. гл. 25). И Онъ все заключилъ подъ грѣхомъ, чтобы всѣхъ помиловать (Галат. гл. 3). Итакъ, такъ какъ никто не можетъ судить о судѣ Божиѣмъ, и за каждое праздное слово мы должны будемъ дать отвѣтъ (Матѹ. 12, 36), и Іовъ ежедневно приносилъ жертвы за своихъ сыновей, [говоря], что они, можетъ быть, имѣли въ мысляхъ что либо худое противъ Бога (Іов. 1, 5); то какъ безразсудны тѣ, которымъ говорится вмѣстѣ съ коринѣянами: *безъ насъ воцаристеса, и о дабы воцарилися есте, да и мы быхомъ съ вами царствовали* (1 Кор. 4, 8)!

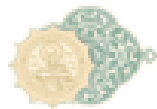
ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ.

1895.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

К І Е В Ъ.

Гинографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4-й.
1895.

Печатать дозволяется 29 марта 1895 г.

Ректоръ Киевской Духовной Академіи,

Епископъ Сильвестръ

ПРОПОВѢДИ СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

(Продолженіе *).

III. Содержаніе нравоучительныхъ проповѣдей св. Ефрема.

Переходя къ изложенію содержанія нравоучительной проповѣди св. Ефрема, мы предварительно сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ общемъ характерѣ нравственныхъ воззрѣній св. Ефрема, на сколько они отразились въ его нравоучительной проповѣди ¹⁾).

Мораль св. Ефрема *аскетическая*. И для жизни въ гражданскомъ обществѣ такъ же, какъ и для жизни монашеской, у него одинъ и тотъ же *аскетическій идеалъ*. Жизнь всѣхъ христіанъ, въ томъ числѣ и мірянъ, живущихъ въ гражданскомъ обществѣ, въ его идеалѣ представляется, какъ постоянное оплакиваніе собственныхъ и чужихъ грѣховъ. Онъ не зналъ ниче́го болѣе высокаго, какъ отреченіе отъ міра и яже въ мірѣ, отреченіе отъ собственной воли, крайнее самоуничтоженіе, посвященіе дней своихъ на молитву въ уединеніи, плачъ и воздыханія, уста, открытыя только для славословія и гимновъ, и вообще такая жизнь, которая только по тѣлу

*) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. мартъ 1895 г.

¹⁾ При этомъ мы будемъ имѣть въ виду проповѣди, обращенныя къ мірянамъ или, по крайней мѣрѣ, не исключительно къ монахамъ, такъ какъ проповѣди къ людямъ, поставленнымъ въ исключительныя условія жизни, естественно, не могутъ быть отраженіемъ цѣлостнаго воззрѣнія автора на нравственную жизнь человѣка.

связана съ землею ¹⁾.—Но, характеризуя такъ мораль св. Ефрема, мы не хотимъ сказать, что св. Ефремъ требовалъ безусловнаго презрѣнія міра и безусловнаго игнорированія всякихъ потребностей и условій плотской жизни человѣка,—что онъ считалъ невозможнымъ спасеніе въ мірѣ и проповѣдывалъ безусловную обязательность для всѣхъ уединенія и пустыни, изможденія тѣла и т. п. Этого мы не имѣемъ права сказать, потому что во многихъ мѣстахъ своихъ проповѣдей св. Ефремъ показываетъ, что умѣренныя попеченія о земномъ онъ допускаетъ, что естественныя потребности плотской человѣческой природы онъ не требуетъ убивать, такъ какъ и тѣло человѣческое есть созданіе Божіе ²⁾. Св. Ефремъ осуждаетъ только преобладаніе тѣла надъ душою и грѣхъ, требуетъ „не подавлять ума многими попеченіемъ о житейскомъ“, „заботиться о необходимомъ, а не о роскоши“, „не тратитъ всего своего времени на попеченіе о тѣлѣ“ ³⁾, потому что „такъ поступаютъ лишь язычники, не имѣющіе упованія жизни вѣчной“ ⁴⁾,—„душѣ давать душевныя снѣди, и тѣлу—тѣлесныя, а не одно тѣло свое питать, оставляя душу свою нуждающуюся во всемъ и голодную“ ⁵⁾. Апостолъ,—говоритъ св. Ефремъ,—пишетъ: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5)... не Божіе созданіе оуждаетъ онъ, не сказалъ просто: умертвите тѣлесные члены, но *уды, яже на земли*. Какіе же—это?—Блудъ, обманъ, зависть, злоба, любостыжаніе и все тому подобное... Всѣмъ подобнымъ сему уловляется человѣкъ плотской, унижаемый грѣхомъ и въ томъ, что естественно... Такъ природа вмѣсто довольства предается ненасытности, вмѣсто утоленія жажды питіемъ—піанству, вмѣсто брака—блуду... Апо-

¹⁾ Ср. Paniel'a „Pragmatische Geschichte d. christl. Bereds. und d. Homilet“. В. I, Abth. I, S. 445.

²⁾ См. „Наставленіе братіямъ; часть IV, стр. 287—9.

³⁾ См. всѣ эти выраженія въ „словѣ умилятельномъ“; ч. I, стр. 60—61

⁴⁾ Ibid., стр. 66.

⁵⁾ Ibid., стр. 61.

столъ самъ предписалъ имѣть *довольство* (2 Кор. 9, 8); но сказалъ, что *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. 5, 6)... И такъ не иное сказалъ, а то, что должно мертвымъ содѣлать грѣхъ, который умертвить—дѣло необыкновенныхъ усилій¹⁾. Св. Ефремъ признаетъ бракъ и утверждаетъ, что чистое супружество наравнѣ съ дѣвствомъ возводитъ на небо²⁾; даже о богатствѣ выражается такъ, что оно опредѣлено Самимъ Богомъ на пользу человѣку. „Въ мірѣ и женятся, и ѣдятъ и пьютъ,—говоритъ св. Ефремъ,—употребляютъ въ свою пользу и золото, и серебро, и торговлю, и искусства и богатство, такъ какъ Богъ все назначилъ для человѣка, подпадашаго грѣху. Ибо не утверждаемъ, чтобы изъ опредѣленнаго на пользу человѣку было что нибудь не отъ Бога“³⁾.

Таково, такъ сказать, принципиальное убѣжденіе св. Ефрема: міръ и мірское должно существовать; радости и удовольствія міра сами по себѣ не заключаютъ ничего грѣховнаго, и человѣкъ можетъ пользоваться ими, только не долженъ злоупотреблять. Однако жъ, на ряду съ этимъ въ проповѣдяхъ св. Ефрема весьма часто проглядываетъ другая, *задушевная* мысль св. учителя: лучше всетаки оставить удобства и радости міра сего, лучше и живя въ мірѣ презирать міръ, изнурять тѣло свое, пребывать въ непрестанной молитвѣ и п. Хотя пользованіе благами міра и позволительно человѣку, но стоитъ ли дорожить этими непрочными и скоропреходящими благами въ виду благъ небесныхъ, которыя вѣчны и нескончаемы. Что значать земныя блага въ сравненіи съ тѣми неизреченными радостями, которыя переживаютъ святые и праведные въ вѣчныхъ райскихъ обителяхъ Отца Небеснаго? Нужно заботиться лишь о томъ одномъ, чтобы не

¹⁾ Часть IV, стр. 287—9.

²⁾ См., напр., слово „о братскомъ врагуженіи другъ друга“, ч. VII, стр. 32 и ми. др. Святость брака св. Ефремъ даже защищалъ, какъ мы видѣли, противъ дуалистически-брезгливаго отношенія къ нему гностиковъ.

³⁾ Слово „о вѣрѣ“, часть III, стр. 169.

встрѣтилось какихъ либо препятствій къ достиженію этихъ неизреченныхъ небесныхъ благъ: а между тѣмъ, міръ легко можетъ увлечь человѣка и поставить ему такія препятствія. Зачѣмъ всѣ прочіе расчеты и заботы, когда человѣка въ скоромъ времени ждутъ эти безпредѣльныя радости небесныхъ обителей? Это послѣднее направленіе мысли св. Ефрема было отраженіемъ его личнаго характера. Суровый аскетъ и восторженный отшельникъ, сердце котораго непрестанно наполнялось восторженнымъ умиленіемъ при созерцаніи блаженныхъ обителей райскихъ и ихъ вѣчныхъ радостей, онъ, хотя теоретически и допускалъ возможность пользованія для человѣка благами міра, но въ душѣ своей не могъ понять, какъ можно думать и заниматься этими ничтожными радостями мірскими тому, кого ожидаютъ вѣчныя и неизреченныя блага небесныя. Эту завѣтную мысль души своей онъ, конечно, не могъ не высказывать и передъ слушателями своими. И вотъ, въ его проповѣднической морали получается нѣкоторое раздвоеніе. Когда онъ хочетъ высказать убѣжденіе своего ума, свой разсудочный взглядъ на міръ и отношеніе къ нему человѣка, тогда онъ говоритъ, что „мы не утверждаемъ, чтобы изъ опредѣленнаго человѣку на пользу было что нибудь не отъ Бога“, что міръ и пользованіе его благами не исключаютъ для человѣка возможности спасенія и п. Но когда говоритъ непосредственное чувство св. Ефрема, когда онъ высказываетъ завѣтную мысль сердца своего, тогда рѣчь его принимаетъ такой видъ и характеръ, какъ будто онъ всѣхъ и своихъ слушателей хотѣлъ бы сдѣлать монахами, и какъ будто добродѣтели всѣхъ людей кажутся ему имѣющими цѣну лишь по столько, по сколько онѣ носятъ на себѣ монашески-аскетическій колоритъ; словомъ, тогда ясно проглядываетъ склонность св. автора праведность человѣка видѣть въ аскетизмѣ. И нужно сказать, что съ такимъ направленіемъ морали встрѣчается проповѣдей у св. Ефрема гораздо больше, чѣмъ такихъ проповѣдей, въ которыхъ онъ

проводить иной, указанный нами, взглядъ на нравственность мірскую. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ проповѣдяхъ св. Ефрема, вообще, больше говорило непосредственное чувство, нежели рефлексія и разсудокъ, въ чемъ, какъ мы видѣли, заключается видное отличительное свойство его проповѣдничества. Говорить, напр., св. Ефремъ въ проповѣди своей о смертномъ часѣ челоуѣка, изображаетъ ужасъ этого часа для грѣшника, сердце котораго терзается позднимъ раскаяніемъ о своемъ нерадѣніи и нравственной безпечности въ протекшее время жизни,—мучительному душевному состоянію грѣшника онъ противопоставляетъ радостное состояніе праведниковъ, имѣющихъ предъ очами своими совершенныя ими въ земной жизни добродѣтели и ожидающихъ блаженнаго упокоенія въ вѣчныхъ райскихъ обителяхъ. Но этими праведниками, которыхъ онъ противопоставляетъ грѣшникамъ, являются у него никто иные, какъ подвижники, и добродѣтели, которыя предъ очами своими будутъ имѣть праведники въ страшный часъ разлученія души съ тѣломъ, суть труды подвижничества: „бдѣнія, молитвы, посты, слезы, возлежанія на голой землѣ и вретища“¹⁾. Равнымъ образомъ, подъ грѣшниками онъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ разумѣетъ „людей слабыхъ, которые не заботятся о чистотѣ жизни въ суетномъ мірѣ“²⁾. Или, напр., въ словѣ о второмъ пришествіи Господа нашего Иисуса Христа“, напоминая слушателямъ своимъ о близости дня Господня великаго и страшнаго и увѣщевая ихъ „свергнуть съ себя бесполезную заботу“, „облегчить себя отъ бремени земныхъ вещей“ и вести добродѣтельную жизнь, св. Ефремъ говоритъ, что Богъ любитъ праведныхъ, „нестыжательныхъ, добровольно ради Христа подвергшихъ себя скорбямъ, въ подвигѣ, во бдѣніи и во многомъ злостраданіи, и приуготовившихъ себя къ тому, чтобы

¹⁾ Слово „о сердечномъ сокрушеніи“; часть I, стр. 273—4.

²⁾ Ibid., стр. 274.

увидѣть во славѣ безсмертнаго Жениха. Таковыя наслѣдуютъ небесное царство“¹⁾. „И такъ, зная все сіе, ничего не будемъ приобрѣтать себѣ на землѣ, братія мои возлюбленные“²⁾... Въ другомъ словѣ о томъ же предметѣ, изображая радостное состояніе тѣхъ, которыхъ Господь Іисусъ Христосъ называетъ „благословенными Отца Своего“, св. Ефремъ подъ этими „благословенными Отца Небеснаго“ разумѣетъ опять подвижниковъ и изображаетъ, какъ тогда Ангелы съ великою радостію приступать славить ихъ и повѣдаютъ имъ ихъ „житіе, подвиги, воздержаніе, бдѣнія и молитвы, произвольную нищету, совершенную нестяжательность, терпѣніе въ жаждѣ, твердость въ алчбѣ, постоянное пребываніе въ молитвахъ, радость о наготѣ ради совершенной о Христѣ любви,— о всемъ этомъ съ великою радостію скажутъ подвижникамъ“³⁾. Или, напр., въ словѣ „о блаженныхъ мѣстахъ“, перечисляя обитателей блаженныхъ небесныхъ обителей, пребывающихъ тамъ въ несравненной радости, о которой устами человѣческимъ и сказать не возможно, онъ первое мѣсто послѣ ангеловъ, апостоловъ, пророковъ, патріарховъ и мучениковъ отводитъ „шествовавшимъ путемъ тѣснымъ и узкимъ“; здѣсь у него представляются ликующими съ Архангелами „изиуряшіе себя постами, бдѣніями, слезами, въ пустыняхъ, горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ“⁴⁾.

Это раздвоеніе проповѣднической морали св. Ефрема иногда можно встрѣтить даже въ одной и той же проповѣди. Нерѣдко въ той самой проповѣди, въ которой онъ допускаетъ и цѣнитъ праведность мірскую, нѣсколько ниже или выше онъ уже явно обнаруживаетъ наклонность къ аскетическому пониманію праведности и, увѣщевая къ добродѣтели, вы-

¹⁾ Ibid., стр. 294.

²⁾ Ibid., стр. 297.

³⁾ „Слово о судѣ и объ умиленіи“; ч. II, стр. 166—167.

⁴⁾ Часть III, стр. 299—300.

ставляетъ на видъ аскетическіе подвиги, презрѣніе міра и п., мірскую жизнь чрезмѣрно унижаетъ предъ монашествомъ, или даже отождествляетъ мірскаго человѣка съ нравственно-немоощнымъ, въ противоположность монаху, человѣку нравственно-совершенному. Напр., въ цитованномъ нами „словѣ умилительномъ“, требуя отъ мірскаго человѣка не тратить лишь всего времени на попеченіе о тѣлѣ и не гоняться за роскошью, онъ, далѣе, противопоставляя роскошнымъ и разсѣяннымъ воздержныхъ, ублажаетъ „для Христа отрекшихся отъ сего міра“, дѣвственниковъ, „имущихъ жены, яко не имущихъ (1 Кор. 7, 29)“ и т. д. ¹⁾, а въ концѣ проповѣди даже прямо увѣщаетъ „презрѣть всякую радость міра сего; потому что издѣвается онъ надъ всѣми любящими его“ ²⁾. Равнымъ образомъ, въ словѣ „о вѣрѣ“, допуская пользованіе пособіями медицинской науки, а также богатствомъ и пр. под., такъ какъ все это дано и предустроено Самимъ Богомъ, св. Ефремъ, однакожъ, пользованіе всѣмъ этимъ представляетъ въ нѣкоторой степени признакомъ нравственнаго несовершенства и допускаетъ его лишь для внѣшнихъ, для людей міра сего, „неспособныхъ еще всецѣло ввѣрить себя Богу“. Но монахъ долженъ стать выше этого. „Если и разсуждаетъ и чувствуетъ одинаково съ міромъ; то подобенъ онъ уже людямъ мірскимъ, и также невѣренъ, хотя почитаетъ себя вѣрнымъ и своимъ Христу“ ³⁾.

Какъ бы то ни было, изъ сказаннаго нами о характерѣ проповѣдническаго нравоученія св. Ефрема видно, что мораль его—мораль аскетическая, какъ мы охарактеризовали ее и раньше, приступая къ настоящему разсужденію; но аскетизмъ св. Ефрема умѣренный, чуждый ригоризма. Онъ признаетъ праведность мірскую; но высшій идеалъ праведности есть, по нему,

¹⁾ Часть I, стр. 62.

²⁾ Стр. 67.

³⁾ Часть III, стр. 168—9.

идеаль аскетическій, и его долженъ осуществлять по мѣрѣ силъ и мірянинъ, живущій въ гражданскомъ обществѣ.

Теперь перейдемъ къ изложенію содержанія правоучительныхъ проповѣдей св. Ефрема.—По содержанію и направленію проповѣднической мысли автора, изъ общаго состава правоучительныхъ проповѣдей св. Ефрема замѣтно выдѣляются 1) проповѣди къ монахамъ¹⁾ и 2) похвальные слова святымъ. Поэтому, содержаніе этихъ проповѣдей мы должны будемъ разсмотрѣть отдѣльно, послѣ общаго обозрѣнія содержанія всѣхъ прочихъ правоучительныхъ проповѣдей.

А) Правоучительная проповѣдь св. Ефрема, какъ мы видѣли, отличается теоретическимъ характеромъ, т. е. исходнымъ пунктомъ его проповѣдническаго слова служатъ не явленія наблюдаемой имъ современной религіозно-нравственной жизни, а собственныя душевныя состоянія. Въ силу этого и содержаніе правоучительной проповѣди св. Ефрема такъ же, какъ и другія ея стороны, вполне объясняется изъ личности св. автора. Онъ говоритъ здѣсь о тѣхъ предметахъ, которыми болѣе всего занята была собственная душа его. Смерть, блаженныя обители праведныхъ и, въ особенности, второе пришествіе и страшный судъ,—вотъ тѣ предметы, изображеніемъ которыхъ чаще всего занимается его проповѣдь, и эти предметы даютъ ходъ и направленіе всему его проповѣдническому правоученію. Какъ въ собственной его личности непрестанное размышленіе объ этихъ предметахъ возбуждало покаянное чувство сокрушенія о грѣхахъ своихъ, такъ, равнымъ образомъ, и въ проповѣди изображеніе этихъ предметовъ всегда сопровождается у него увѣщаніемъ къ покаянію и сокрушенію о грѣхахъ.

Вотъ, благоговѣйною мыслію своею увлекается онъ къ изображенію послѣднихъ судебъ міра и человѣка, втораго при-

¹⁾ Мы разумѣемъ проповѣди, имѣющія въ виду исключительно монаховъ.

шествія Господня и страшнаго суда: чувствительная душа его поражается страхомъ при воспоминаніи объ этихъ великихъ и страшныхъ событіяхъ и, въ особенности, объ ужасной судьбѣ грѣшниковъ, отвергнутыхъ Нелицепріятнымъ Судією, и онъ невольно обращаетъ духовныя взоры свои къ современной дѣйствительности, къ религіозно-нравственной жизни окружающаго его общества, видитъ здѣсь несоотвѣтствіе съ требованіями нравственнаго закона христіанскаго и въ великой скорби и сокрушеніи съ истинно-отеческою заботливостью начинаетъ увѣщевать, просить, умолять принести искреннее сердечное покаяніе,—спѣшить, пока еще есть время, пока день Господень страшный и великій не наступилъ и пока еще милосердіе Божіе терпитъ неправды людскія и т. п. Св. Ефремъ вѣрилъ, что пришествіе Христово близко ¹⁾, и боялся, какъ бы страшный часъ Господень не засталъ слушателей его нравственно неподготовленными. Эти два предмета—страшный судъ и покаяніе—любимѣйшія темы св. Ефрема въ его правоучительной проповѣди. О чемъ бы онъ ни говорилъ, слово его какъ бы невольно склонялось къ этимъ предметамъ. Весьма рѣдкую проповѣдь можно встрѣтить между правоучительными проповѣдями св. Ефрема, въ которой бы онъ такъ или иначе не касался ихъ. Даже въ проповѣдяхъ, посвященныхъ спеціальному раскрытію какой либо частной добродѣтели и озаглавливающихся: „о любви“, „о молитвѣ“ и т. п.,—весьма часто, между прочимъ, говорится и о судѣ и о покаяніи. Но, кромѣ того, есть въ сочиненіяхъ св. Ефрема не мало словъ, которыя посвящены нарочито и исключительно раскрытію этихъ предметовъ и озаглавливаются прямо „о покаяніи“ ²⁾, „о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа“ и т. п., ³⁾

¹⁾ См., напр., ч. V, стра. 10, 102—3; ч. II, стр. 24 и др.

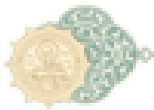
²⁾ См. напр., часть I. стр. 259; ч. IV, стр. 38, 42; ч. V, стр. 173 и мн. др.

³⁾ См., напр., ч. I. стр. 292; ч. II, стр. 160, 380; ч. IV, стр. 130 и др.

и такихъ словъ очень много. Св. Ефремъ обыкновенно начинается свою рѣчь или съ увѣщанія къ покаянію и въ концѣ концовъ приходитъ къ мысли о страшномъ судѣ, которая представляется у него въ качествѣ мотива, побуждающаго къ покаянію ¹⁾; или чаще, наоборотъ, начинается съ изображенія ужасовъ страшнаго суда, и это изображеніе наводитъ его на увѣщаніе къ покаянію, какъ мы уже видѣли сейчасъ ²⁾. Иногда, какъ бы въ качествѣ посредствующаго члена между этими двумя главными предметами, въ проповѣди св. Ефрема является изображеніе безпредѣльнаго милосердія Божія. Когда св. Ефремъ пламенными чертами изображаетъ ужасы суда, когда онъ влечетъ съ собою грѣшника въ страшныя врата вѣчности, показываетъ ему безконечныя мученія осужденныхъ и безутѣшность отверженныхъ, тогда слово его въ душѣ человѣка вѣрующаго производитъ мрачное, безотрадное состояніе и способно ввергнуть его въ отчаяніе. „Что дѣлать мнѣ несчастному и грѣшному!“ „Куда дѣваться мнѣ бѣдному, такъ какъ нелицепріятный судъ Господень со всѣми его ужасами неизбѣженъ!“—таковыя или подобныя восклицанія часто прерываютъ эти поразительныя картины св. Ефрема, и въ нихъ прекрасно изображаются тѣ чувства, которыя возбуждаются въ каждомъ религіозномъ сердцѣ этими страшными картинами. И вотъ, чтобы уничтожить эту безнадежность пораженныхъ ужасомъ слушателей, чтобы смягчить ихъ сердце и расположить къ покаянной молитвѣ къ Богу о прощеніи грѣховъ своихъ, св. Ефремъ вслѣдъ за этими, поражающими страхомъ, изображеніями начинаетъ, подобно сердобольной матери, утѣшать грѣшника безконечною милостію Божіею и, этимъ изображеніемъ неизреченнаго милосердія Божія исцѣливъ раны его души и разрушивъ безнадежность, напоминаетъ ему о покаяніи, и тогда ободрен-

¹⁾ Напр. „слово умиленное“, ч. I, стр. 49—67; ч. IV, стр. 130—141; ч. V, стр. 97—9, 99—106 и др.

²⁾ Напр. ч. V, стр. 86—7; ч. I, стр. 292—299 и др.

ный грѣшникъ съ сокрушеніемъ и покаяніемъ повергается предъ Тѣмъ, Который не хочетъ смерти грѣшника, но что бы онъ обратился отъ пути своего и живъ былъ (Іезек. XXXIII, 11).

Съ этою же цѣлію возбужденія въ своихъ слушателямъ покаянныхъ чувствъ св. Ефремъ часто въ проповѣдяхъ о страшномъ судѣ напоминаетъ о томъ стыдѣ, который обметъ грѣшниковъ на судѣ, когда откроются ихъ гнусныя дѣла предъ глазами ихъ друзей и родныхъ и всѣхъ знавшихъ ихъ въ одеждѣ благочестія. Представленіе объ этомъ стыдѣ онъ выставляетъ въ качествѣ мотива къ нравственному исправленію и сердечному покаянію¹⁾. Мотивъ невысокій въ нравственномъ смыслѣ; и св. Ефремъ признавалъ это и иногда высказывалъ²⁾, однакожъ, какъ мы сказали, часто ссылается на него.

Рисуя предъ своими слушателями потрясающія картины всеобщаго суда и кончины міра, св. Ефремъ иногда увѣщаетъ ихъ чаще вспоминать и размышлять объ этихъ событіяхъ и этими воспоминаніями очищать душу свою отъ грѣха и пристрастія къ земному. „Бесѣда ваша пусть будетъ о судѣ и объ оправданіи вашемъ. Дѣло ли какое дѣлаете, или идете путемъ, и во время трапезы, и на ложахъ своихъ, и чѣмъ бы другимъ ни занимались вы, непрестанно съ заботливостію думайте о судѣ и о пришествіи праведнаго Судіи; помышляйте въ сердцахъ своихъ и говорите другъ другу: какая эта кромѣшная тьма! Какой это неугасимый огонь и неусыпающій червь! Какой этотъ скрежетъ зубовъ! О томъ бесѣдуйте другъ

¹⁾ Напр., часть VI, стр. 239; часть I, стр. 88.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Да не обнаружены будутъ вины мои предъ ближними моими въ день тотъ! Впрочемъ, это сдѣлало бы меня, Господи, еще болѣе презрѣннымъ. Если вины мои извѣстны Тебѣ, то отъ кого мнѣ скрывать ихъ? Стыдъ сдѣлалъ я идоломъ для себя. Даруй мнѣ, Господи, имѣть страхъ предъ однимъ Тобою всемогущимъ, и стыдиться единаго Тебя милосердаго“. Часть VII, стр. 86.

съ другомъ непрестанно, день и ночь, какъ течетъ огненная рѣка, и очищаетъ землю отъ беззаконій, какія есть на ней, какъ свивается небо, *аки свитокъ* (Ис. 24, 4)¹⁾... и т. д. Отсюда видно, что къ этимъ поразительнымъ изображеніямъ событій страшнаго суда, столь часто встрѣчающимся въ проповѣдяхъ св. Ефрема, не всегда увлекало его одно безотчетное религіозное чувство и поэтическая фантазія, но иногда и разумное убѣжденіе въ пользѣ воспоминанія объ этихъ страшныхъ событіяхъ для нравственной жизни человѣка. Это убѣжденіе выработалось у него на основаніи собственнаго личнаго опыта. Душа его непрестанно занята была мыслями о страшномъ судѣ, ужасной участи осужденныхъ и т. п., и онъ видѣлъ пользу этихъ размышленій, такъ какъ они сокрушали его сердце и возбуждали въ немъ покаянныя чувства о грѣхахъ своихъ; и вотъ это нравственно-врачующее средство, пользу котораго онъ самъ опытно извѣдалъ, онъ рекомендуетъ и слушателямъ своимъ, напоминая имъ, что недостатокъ попеченія о жизни добродѣтельной въ значительной степени объясняется рѣдкимъ приведеніемъ на память „опаго страшнаго и нестерпимаго суда“²⁾.

Но какъ мы уже имѣли случай замѣтить, страшный судъ есть лишь одинъ изъ главныхъ предметовъ правоучительной проповѣди св. Ефрема. Мѣсто картинъ страшнаго суда здѣсь весьма часто занимаютъ столь же поразительныя изображенія смертнаго часа человѣка³⁾ или вѣчныхъ райскихъ обитателей праведниковъ и адскихъ мученій грѣшниковъ⁴⁾. Но ходъ мысли св. автора и въ такихъ случаяхъ тотъ же самый. И здѣсь тѣ же художественныя картины, и точно такимъ же образомъ

¹⁾ „Слово умилительное“, часть I, стр. 65—66.

²⁾ Слово „на слова, сказанныя Господомъ. въ міръ семъ скорби будете (Іоан. 16, 33)“; часть VI, стр. 343.

³⁾ Напр., слово „о памятованіи смерти, о добродѣтели и о богатствѣ“; часть IV, стр. 87—95; часть V, стр. 77—80 и др.

⁴⁾ Напр., слово „о блаженныхъ мѣстахъ“, часть III, стр. 298 и др.

онѣ соединяются съ увѣщаніями къ покаянію, всегда составляющему конечную цѣль проповѣди св. Ефрема. Такъ, употребляя всѣ краски къ тому, чтобы какъ можно рельефнѣе отгнѣнить неизреченность райскаго блаженства праведниковъ и нестерпимость ужасныхъ мученій грѣшниковъ, св. Ефремъ посредствомъ этихъ изображеній всегда имѣетъ въ виду возбуждать въ сердцахъ своихъ слушателей покаянное чувство сокрушенія о грѣхахъ своихъ и обыкновенно заключаетъ эти изображенія такъ же, какъ и изображенія страшнаго суда, призывомъ и увѣщаніемъ къ покаянію¹⁾.

То же самое и въ проповѣдяхъ о смертномъ часѣ чловека. Здѣсь св. Ефремъ обыкновенно въ живыхъ и поразительныхъ чертахъ представляетъ весь ужасъ душевнаго состоянія грѣшника на смертномъ одрѣ, его безпомощность и отчаяніе при мысли, что раскаяніе въ бесплодно потраченномъ времени уже поздно и насталъ часъ неготовому предсватъ предъ лицо нелицемѣрнаго Судіи²⁾. По представленію св. Ефрема, лежащаго на смертномъ одрѣ умирающаго окружають добрые и злые духи, зримые только для него одного и готовые отвести его или на небо или въ бездну, какъ скоро совершится великое таинство разлученія души отъ тѣла. Видъ ихъ еще болѣе усиливаетъ ужасъ умирающаго грѣшника. Этому мрачному душевному состоянію грѣшника въ часъ смертный св. Ефремъ противопоставляетъ иногда свѣтлое лицо умирающаго праведника, оканчивающаго тяжелый путь странствованія и готовящагося пристать къ возжелѣнной при-

¹⁾ Не смотря, однакожь, на такую отчасти тенденціозность этихъ изображеній, какъ и многихъ другихъ художественныхъ изображеній, встрѣчающихся въ проповѣдяхъ св. Ефрема, они чужды всякой дѣланности и искусственности, такъ какъ, служа по намѣренію автора извѣстной нравственно-практической цѣли, въ то же время служатъ выраженіемъ личнаго его душевнаго настроенія и, потому, дышатъ искренностію и неподдѣльностію благочестиваго воодушевленія.

²⁾ См. выше цитов. слова.

стани вѣчнаго отечества¹⁾. Для нагляднаго представленія мы приведемъ образецъ этихъ, весьма часто встрѣчающихся у св. Ефрема, изображеній смертнаго часа человѣка. „Великое дѣло, говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей св. Ефремъ, видѣть, какъ душа разлучается съ тѣломъ. Великъ часъ этой необходимой для всѣхъ минуты, когда голосъ изнемогаетъ, когда языкъ не въ состояніи чисто выговорить слово. Туда и сюда непрестанно обращаемъ мы взоры, и не узнаемъ стоящихъ предъ нами друзей или братьевъ. А если и узнаемъ, то не можемъ побесѣдовать съ ними. Видимъ сѣтующихъ дѣтей своихъ, и съ этою скорбію отправляемся въ путь. Въ этотъ часъ нѣтъ у насъ попеченія ни о житейскихъ дѣлахъ, ни о друзьяхъ, ничто не занимаетъ насъ, кромѣ заботы о нашихъ грѣхопаденіяхъ и о томъ, какъ предстанемъ Судіи, что скажемъ въ свое оправданіе, и какое мѣсто ожидаетъ насъ? Когда же размышляемъ о семъ, внезапно предстаютъ намъ не милостивые Ангелы, посланные Богомъ. Тогда, видя ихъ предъ собой и ужасаясь пришествія ихъ, если окажемся неготовыми, въ какомъ будемъ смятеніи, пытаюсь бѣжать съ одра, и не имѣя къ тому силъ? Тогда съ печальнымъ лицомъ обращаемъ къ нимъ умиленные взоры, умолая, убѣждая, прося колѣнопреклоненно и униженно и вопія: „Помилуйте насъ, человѣколюбивые, святые Ангелы, помилуйте! Не отводите къ Творцу меня бесплоднаго и нечистаго, не разлучайте съ тѣломъ меня грѣшнаго! Нѣтъ; прошу и умоляю, дайте мнѣ нѣсколько времени покаяться, воздохнуть, пролить слезы, сотворить милостыню. Умоляю васъ, будьте милостивы; потому что худо расточилъ и растратилъ я время жизни своей“. И Ангелы, слыша отъ насъ это, скажутъ намъ. „Жалкая душа! Низкая душа! Всѣ дни свои прожила ты въ нерадѣніи, и хочешь теперь покаяться? Солнце зашло уже, душа; время твое уже кончилось, при-

¹⁾ Слово „о сердечномъ сокрушеніи“; часть I, стр. 273—374.

спѣлъ часть посѣщенія. Богъ повелѣлъ тебѣ, душа бѣдная, выйти во врата вѣчныя по дѣламъ твоимъ. Нѣтъ уже тебѣ надежды; нѣтъ уже тебѣ спасенія; но предстоитъ вѣчная казнь“ ¹⁾). Изобразивъ эту страшную картину, св. Ефремъ начинаетъ затѣмъ свое обычное увѣщаніе къ покаянію и нравственной трезвенности, необходимымъ для того, чтобы имѣть возможность избѣжать ужасной участи изображеннаго умирающаго грѣшника. Нерѣдко, при этомъ, онъ увѣщаетъ своихъ слушателей чаще приводить себѣ на память смертный часъ,—этотъ страшный, но неизбежный удѣлъ каждого человѣка, выставляя на видъ нравственную пользу этого воспоминанія ²⁾). Но не такъ нужно воспоминать о смерти, прибавляетъ иногда св. Ефремъ, какъ воспоминаютъ о ней нѣкоторые люди, ослѣпленные неумѣренною и неразумною приязанностію къ мірскому, думающіе при этомъ и печалащіеся лишь о томъ, что имъ придется разстаться съ своимъ богатствомъ и удовольствіями, которыми они улаждаются. Мысль о смерти не служить для такихъ лицъ побужденіемъ къ нравственной трезвенности и къ добродѣтельной жизни ³⁾).

Итакъ, мы указали главныя побужденія, которыми св. Ефремъ располагаетъ своихъ слушателей къ покаянію и добродѣтельной жизни,—это 1, страхъ всеобщаго суда, 2, радости райскихъ обитателей и скорби ада и 3, ужасъ смертнаго часа грѣшника. Эти побужденія особенно часто раскрываются въ проповѣдяхъ св. Ефрема ⁴⁾). Но на ряду съ этими, доселѣ ука-

¹⁾ „Слово о суетѣ жизни и о покаяніи“; ч. V, стр. 11—12.

²⁾ См. выше цитов. слова.

³⁾ Слово „о памятованіи смерти, о добродѣтели и о богатствѣ“; часть IV, стр. 90—92

⁴⁾ Страшный судъ, загробная жизнь праведниковъ и грѣшниковъ—предметы, собственно, догматическаго характера. Но тѣмъ не менѣе проповѣди, въ которыхъ они раскрываются, мы называемъ правоучительными,—по той практической тенденціи, которая ихъ проникаетъ. Раскрывая эти предметы, св. Ефремъ не имѣетъ въ виду дать своимъ слушателямъ догматическое ученіе о нихъ, а чрезъ сильное изображеніе воздѣйствуетъ на религиозное чувство ихъ и побуждаетъ къ покаянію.

заннѣми нами, главнѣйшими побужденіями къ покаянію св. Ефремъ выставляетъ иногда и другія, уже не такъ часто встрѣчающіяся въ его проповѣдяхъ, побужденія, какъ напр., безконечныя благодѣянія Божіи человѣку и любовь Его, по которой Онъ не пощадилъ за насъ Сына Своего Единороднаго: воспоминаніе объ этой безпредѣльной любви Божіей должно возбуждать въ насъ раскаяніе въ грѣхахъ своихъ, которыми мы неблагодарно оскорбляемъ Бога¹⁾. Иногда св. Ефремъ старается расположить своихъ слушателей къ покаянію примѣрами изъ священной исторіи, изъ которыхъ открывается сила чистосердечнаго покаянія или гибельныя слѣдствія упорной нераскаянности. „Такъ нѣкогда спасся мытарь Закхей, говоритъ въ одной проповѣди св. Ефремъ. Такъ Матѳеемъ сдѣлался рабомъ Христовымъ. Такъ и жена блудница... изведена изъ пагубнаго рва беззаконій. Посмотри на города Содомъ и Гоморру, какъ этихъ людей жестокихъ, свирѣпыхъ, ненавистныхъ, нечистыхъ, непотребныхъ..., одождивъ на нихъ жупель и огонь, Господь истребилъ всѣхъ до единого. Посмотри на градъ Ниневію, пышный и украшенный, цвѣтущій грѣхами, изобильный пороками. Богъ угрожалъ сокрушить и внезапно поразить совершеннымъ ниспроверженіемъ и паденіемъ городъ; но увидѣвъ опять, что предавшіеся похоти, во вретѣхъ и пеплѣхъ, въ гладѣхъ и постѣхъ, съ плачемъ и слезами, отложили всякую пышность, блѣдны, уstraшены, приведены въ трепетъ и измѣнились, стали сами на себя не похожи..., Господь умилился, помиловалъ, спасъ, пощадилъ, отмѣнивъ наказаніе, какимъ угрожалъ... Такъ наказываетъ онъ непреклонныхъ грѣшниковъ, и не попускаетъ нещадно погибать благопокорнымъ. Поспѣшайте, молитесь, спасайтесь, оберегайте себя. Господь готовъ на милость, готовъ къ врачеванію“²⁾.

¹⁾ Напр., ч. VI, стр. 231: слово „на слова Исаіи: да возметь нечестивый, да не видитъ славы Господни (Ис. 26, 10)“.

²⁾ Слово „на тѣхъ, которые ежедневно грѣшатъ и ежедневно каются“;

Мы намѣтили общее теченіе мысли въ правоучительной проповѣди св. Ефрема и указали главные и основные элементы его проповѣдническаго ученія, къ которымъ сводятся всѣ его разсужденія въ отдѣльныхъ проповѣдяхъ. Въ однихъ изъ его проповѣдей раскрываются, преимущественно, одни изъ указанныхъ главныхъ предметовъ его проповѣдническаго міросозерцанія, напр., ужасъ смерти и ничтожество земного и т. п., въ другихъ—другіе, въ нѣкоторыхъ, и въ большинствѣ, болѣе или менѣе всѣ совокупно по намѣченной схемѣ. Теперь мы разовьемъ подробности нравственнаго ученія св. Ефрема о покаяніи, составляющемъ конечную цѣль его проповѣди.

Проповѣдую покаяніе, св. Ефремъ требуетъ покаянія искренняго и чистосердечнаго, сопровождающагося дѣйствительнымъ нравственнымъ исправленіемъ. Если грѣшникъ, получившій отпущеніе грѣховъ, снова грѣшитъ по прежнему, то покаяніе не приноситъ ему пользы.

Врачевство для грѣшника всегда готово, но это не даетъ ему права быть нравственно бездѣятельнымъ. „Дождь и роса ниспосылаются даромъ, но земледѣлецъ не долженъ поэтому спать и прекращать сѣяніе и воздѣлываніе земли... Не будь сегодня кающимся, а на утро грѣшникомъ“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Ефремъ кающагося и потомъ опять согрѣшающаго сравниваетъ съ человѣкомъ строящимъ и разоряющимъ или сплетающимъ и распускающимъ ²⁾.

Истинное покаяніе всегда сопровождается, по св. Ефрему, сердечнымъ сокрушеніемъ и искренними слезами о грѣхахъ

часть III, стр. 307—309.—Богѣе художественное изображеніе покаянія Ниневитянъ, какъ примѣра для подражанія слушателямъ, см. въ словѣ „на слова пророчества Іоны: *Востани и иди въ Ниневію...* (3, 2. 2)“; часть VI, стр. 247—289.

¹⁾ „О покаяніи“ слово 2-е; часть V, стр. 184—5.

²⁾ Слово „на тѣхъ, которые ежедневно грѣшаютъ и ежедневно каются“ часть III, стр. 307.

своихъ. Раньше, при изображеніи характеристическихъ особенностей нравоучительной проповѣди св. Ефрема, мы говорили, что болѣе или менѣе всѣ его проповѣди проникнуты грустнымъ тономъ сокрушенія сердечнаго, и наглядно показали это на примѣрахъ. Теперь мы должны сказать, что сокрушеніе сердечное составляетъ не только внутреннее свойство проповѣди Св. Ефрема, но и весьма видный элементъ въ ея содержаніи. Св. Ефремъ не только говоритъ въ *тонѣ* сокрушенія сердечнаго, но и прямо *поучаетъ* слушателей своихъ сердечному сокрушенію и непрестанному плачу о грѣхахъ, и—такъ часто и настойчиво, что по справедливости называется у одного ученаго „проповѣдникомъ сокрушенія сердечнаго“¹⁾. Вотъ, напр., какъ св. Ефремъ увѣщаетъ своихъ слушателей къ сокрушенію и плачу. „Умоляю единомысліе ваше, возлюбленные мои братія; постарайтесь благоугождать Богу, пока есть время; плачьте предъ Нимъ день и ночь въ молитвѣхъ и псалмопѣніи вашемъ, чтобы избавилъ Онъ насъ отъ онаго нескончаемаго плача, и отъ скрежета зубовъ, и отъ огня геенскаго и отъ червя неусыпающаго.... Небезнаменно къ Нему приступи, припади, вздохни, восплать и скажи Ему: „Господь мой, Спаситель мой! Почему ты оставилъ меня? Умилосердись ко мнѣ, потому что Ты одинъ человеколюбивъ; спаси меня грѣшнаго, потому что Ты одинъ безгрѣшенъ; укрой меня отъ тины беззаконій моихъ, чтобы не погрязнуть мнѣ на вѣки въ ковъ“²⁾... Или, вотъ, въ другой проповѣди, напоминая, что всѣ праведники шли тѣснымъ путемъ скорбей и лишеній, св. Ефремъ слѣдующимъ образомъ убѣждаетъ своихъ слушателей заботиться не объ удобствахъ жизни, а о слезномъ покаяніи. „Итакъ, пока есть еще время, отъ всего сердца своего обратимся къ Богу, и съ плачемъ, съ умиленіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ, будемъ умолять Господа, какъ го-

¹⁾ См. Прибавл. къ твор. свв. отцовъ: Жизнь св. Ефрема Сирина“, — статья Соколова; 1848; часть VII, стр. 91

²⁾ „Слово подвижническое“; ч. I, стр. 59, 95.

ворить Пророкъ: *приидите, поклонимся и припадемъ Ему, и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ* (Пс. 94, 6), чтобы избавилъ онъ насъ отъ сказанныхъ выше золъ, и сподобилъ пренебеснаго Своего царствія. Да, возлюбленные, припадемъ къ Нему со слезами, неотступно прося спасенія душъ нашихъ. Здѣсь полезны слезы, и угашаютъ грѣховный пламень. Пока мы еще здѣсь, и обращаемся къ Нему, прие́млетъ Онъ насъ, и допускаетъ къ Себѣ, и спасаетъ и удостоиваетъ вѣчныхъ своихъ благъ. А тамъ уже не прие́млетъ; тамъ правосудіе и воздаяніе за дѣла. Нынѣ только дѣйствительны слезныя воды, а тогда огонь искуситъ дѣла человѣческія. Здѣсь благодѣтельно смиряться и плакать; а тамъ, отшедшимъ отсюда, бесполезны будутъ слезы; будемъ горько вздыхать, плакать, и скрежетать зубами, и не будетъ милующаго насъ¹⁾. Но особенно слѣдующее мѣсто прекрасно характеризуетъ эти увѣщанія св. Ефрема къ сокрушенію сердечному. „Приидите, братія мои, приидите, отцы, приидите, рабы Христовы; сокрушимъ сердца свои, и будемъ день и ночь плакать предъ Господомъ. Приидите, напомнимъ себѣ оный часъ и неотвратимую нужду, и въ сокрушеніи прольемъ слезы. Приидите, воспомянемъ неизреченныя и неописанныя оныя блага, и сокрушимся. Приидите, воспомянемъ оный страшный и въ ужасъ приводящій престолъ и тотъ стыдъ, какой ожидаетъ насъ предъ онымъ, и восплачемъ о себѣ. Приидите, напомнимъ себѣ, братія, какъ праведники *кросвѣтятся, яко солнце* (Мѡ. 13, 43), а грѣшники окажутся подобными пригари на горшкѣ, и сокрушившись сердцемъ, возревнуемъ о добрыхъ дѣлахъ. Приидите, братія мои, и любовію утвердимъ себя въ страхъ Божіемъ, чтобы сподобиться намъ вѣчныхъ благъ. Приидите, въ сокрушеніи и въ простотѣ сердца припа-

¹⁾ Слово „ча слова, сказанныя Господомъ: въ міръ семъ скорбыи будетъ (Іоан. 16, 33)“; часть IV, стр. 323 — 9.

демъ къ Богу; потому что Онъ благъ и милосердъ, и спасаетъ кающихся“¹⁾).

Увѣщавая къ плачу и сокрушенію о грѣхахъ своихъ, св. Ефремъ нерѣдко доказываетъ силу сокрушенныхъ слезъ въ очахъ Божіихъ историческими примѣрами кающихся грѣшниковъ,—въ особенности, блудницы, слезами своими омывшей ноги Спасителя²⁾. „Пролей, грѣшникъ, токи слезъ о подавляющемъ тебя грѣхѣ, и рыдая, какъ мертвеца, предай его погребенію; и грѣхъ бѣжитъ отъ тебя. Если не согласишься грѣшникъ, и неусиленно домогаешься объ исцѣленіи своемъ, то и Врачъ не приступитъ, чтобы насильно уврачевать твои язвы, и возвратитъ тебѣ здравіе. Если одинъ обычай влечетъ тебя ко Врачу; то не получишь здравія. Слезами только и сокрушеніемъ врачуются болѣзни твоя. Обрати взоръ и посмотри на блудницу; горько стала она плакать о болѣзненномъ состояніи своемъ; многогнойный, грѣховный струпу ея отекъ и началъ мучить, и за сѣтованіе свое, за слезы очей своихъ снова получила она здравіе. Однѣ слезы принесла она въ даръ Врачу, исцѣлившему ея немощь,—и Онъ даровалъ ей здравіе прощеніемъ ея грѣховъ... Поелику слезы, лившіяся изъ очей ея, доказывали сокрушеніе и любовь; то Милосердый, какъ скоро замѣтилъ ихъ, сострадательно воззрѣлъ на грѣхи“³⁾.

Сокрушеніе сердечное было, какъ мы видѣли, господствующимъ настроеніемъ собственной души св. Ефрема. Постоянно полный сокрушенныхъ чувствъ, онъ не могъ не видѣть, сколь спасительны плоды сокрушенія и слезъ въ нравственной жизни человѣка. Его умиленное сердце опытно изъ-

¹⁾ „Слово умилительное“ 2-е; часть I, стр. 288; см. также ч. V, стр. 91—9 и мн. др.

²⁾ На примѣръ послѣдней, вообще, весьма часто ссылается св. Ефремъ въ своихъ проповѣдяхъ, въ доказательство разнообразныхъ нравственно-назидательныхъ положеній.

³⁾ „О покаяніи“ слово 4-е; часть V, стр. 208.

вѣдало духовную сладость слезъ по Богу; онъ ощущалъ, какъ онѣ обновляютъ и просвѣщаютъ душу, наполняютъ ее какою то неземною радостью и возвышаютъ надъ всѣмъ плотскимъ и грѣховнымъ. И вотъ, по опыту зная нравственно-обновляющую силу сокрушенія и слезъ, св. Ефремъ и предъ слушателями своими часто выставляетъ на видъ нравственную пользу спасительнаго плача, показывая, что начало плача есть познаніе себя самого¹⁾, что слезы воскрешаютъ и возвращаютъ къ жизни умершую во грѣхѣ душу²⁾, что плачь рождаетъ цѣломудріе, уничтожаетъ пристрастіе къ плотскому и т. п.³⁾. Особенно замѣчательны въ данномъ отношеніи слѣдующія слова св. Ефрема, въ которыхъ онъ, очевидно, высказываетъ самыя задушевныя свои мысли: „Если кто сознаетъ въ себѣ, что согрѣшилъ онъ предъ Богомъ.., то, пока есть время, пусть съ усердіемъ проливаетъ слезы и непрестанно плачетъ, чтобы слезами привлечь благодать въ сердце свое. Велика сила слезъ, братія... Хочу, возлюбленные, изобразить вамъ силу слезъ... Умиленіе, братія, вселяетъ въ насъ Единороднаго Сына, когда вождедѣваемъ Его. Умиленіе, братія, привлекаетъ въ душу Духа Святаго. Удостоверьтесь, братія, что на землѣ нѣтъ радости сладостнѣе той, какая бываетъ отъ умиленія. Извѣдали ли опытно вы, братія, силу слезъ? Озарялся ли кто изъ васъ этою радостію слезъ по Богу? Если кто изъ васъ, испытавъ это и усладившись этимъ, во время усердной молитвы возносился надъ землею; то въ этотъ часъ бывалъ онъ весь внѣ тѣла своего, внѣ цѣлаго этого вѣка, и уже не на землѣ. Таковъ съ Богомъ бесѣдуетъ, во Христѣ просвѣщается. Великое чудо, братія,—человѣкъ перстный съ Богомъ бесѣдуетъ въ молитвѣ своей. Святая и чистая слезы по Богу всегда омываютъ душу отъ грѣховъ, очищаютъ ее отъ боззаконій.. Нечистые помы-

¹⁾ Часть I, стр. 431.

²⁾ Часть VI, стр. 227, 229.

³⁾ Часть I, стр. 431.

слы никакъ не могутъ приблизиться къ душѣ, которая имѣетъ всегдашнее умиленіе по Богу“¹⁾...

Проповѣдую своимъ слушателямъ сокрушеніе, плачъ и непрестанныя слезы о грѣхахъ своихъ, св. Ефремъ, однакоже, не хотѣлъ вводить ихъ въ горькое, безотрадное состояніе нравственной безнадежности. Напротивъ, онъ говорилъ имъ: „послѣднее изъ всѣхъ золъ есть отчаяніе“²⁾. То сокрушеніе, какое проповѣдывалъ св. Ефремъ, имѣло цѣлю нравственное обновленіе души человѣка, уничтоженіе нравственной безпечности и огрубѣлости и возбужденіе живой нравственной чувствительности и энергіи³⁾; Между тѣмъ, отчаяніе и безнадежность въ нравственной жизни, какъ и вездѣ, сопровождается всегда совершенно противоположными результатами,—разслабленіемъ, потерей энергіи и притупленіемъ всякой чувствительности къ окружающимъ явленіямъ. Вотъ почему увѣщанія св. Ефрема къ плачу и сокрушенію о грѣхахъ своихъ почти вездѣ сопровождаются предостереженіями отъ безнадежнаго отчаянія. „Для чего плакать плачемъ, въ которомъ нѣтъ пользы? Сатана злоумышленно старается опечалить многихъ, чтобы взять, и чрезъ отчаяніе ввергнуть ихъ въ геенну... У сквернаго врага все стараніе о томъ, чтобы ввергнуть тебя въ безнадежность“⁴⁾. Въ особенности, сильно и впечатлительно св. Ефремъ говоритъ противъ отчаянія въ словѣ къ „нерадивой душѣ“: „Не угадай, душа, не скорби, не произноси надъ собою рѣшительнаго суда по множеству грѣховъ, не привлекай на себя огня, не говори: отринулъ меня Господь отъ лица Своего. Богу не угодно слово сіе; потому что самъ вызываетъ къ тебѣ, говоря: *людіе Мои, что сотворишъ вамъ? или чимъ оскорбихъ васъ? или чимъ стужихъ вамъ*

¹⁾ „Слово о судѣ и объ умиленіи“; часть II, стр. 167—8.

²⁾ Поученіе „о духовномъ состояніи“, часть III, стр. 228.

³⁾ Слово „о молитвѣ“; часть V, стр. 146.

⁴⁾ Слово „о покаяніи“; ч IV, стр. 39, 41.

(Мал. 6, 3.)? Развѣ кто цаль, тотъ не можетъ востать? или кто отвратился, тотъ не можетъ обратиться? Слышишь ли, душа, какова благодѣнь Господа? Не въ руки князю, или военачальнику предана ты, какъ осужденная. Не скорби, что не стало у тебя богатства. Не стыдись обратиться, но скажи лучше: *востаю, иду ко Отцу Моему* (Лук. 15, 18). Встань, иди.—Онъ пріемлетъ тебя, и не укоряетъ, а паче радуется твоему обращенію. Онъ ждетъ тебя, только не стыдись, какъ Адамъ, и не скрывайся отъ лица Божія. Ради тебя Христосъ распялся, и отринетъ ли тебя? Да не будетъ сего! Онъ знаетъ, кто утѣсняетъ насъ; знаетъ, что нѣтъ у насъ другаго помощника, кромѣ Его одного. Христосъ знаетъ, что человѣкъ бѣденъ.. Христу нѣтъ нужды ввергать въ огонь, не пріобрѣтеніе для Него—послать насъ въ мученіе¹⁾).

Проповѣдуя покаяніе и сокрушеніе о грѣхахъ, св. Ефремъ часто и настойчиво убѣждаетъ своихъ слушателей не откладывать покаянія,—спѣшить, пока есть еще время, чтобы не быть осужденнымъ во тьму вѣчную²⁾. Объясненіе подобнаго рода увѣщаній нужно видѣть, прежде всего, въ томъ уже упомянутомъ нами представленіи св. Ефрема, что второе пришествіе Христова близко. Но помимо этого, подобныя увѣщанія вызывались потребностями современной нравственно-религіозной жизни. Современники св. Ефрема, дѣйствительно, страдали этимъ недугомъ отсрочиванія христіанскаго долга покаянія во грѣхахъ. Молодые разсуждали, что будетъ еще старость на то, чтобы каяться и думать о своемъ спасеніи; а пока юность и здоровье, слѣдуетъ пользоваться благами міра. Старики ссылались, какъ на извиняющее обстоятельство своего перадѣвія о спасеніи, на свою старческую немощь для строгой жизни и на милосердіе Божіе. Св. Ефремъ напоминаетъ такимъ перадивцамъ, что Богъ милостивъ и человѣко-

¹⁾ Часть V, стр. 150—151.

²⁾ Напр. слово „о покаяніи“, ч. IV, стр. 41. Ср. ч. V, стр. 9.

любить, но въ то же время и правосуденъ, и караетъ нераскаяннаго грѣшника ¹⁾).

Нравоученіе св. Ефрема, разумѣется, не могло ограничиться одними лишь увѣщаніями къ покаянію. Искреннее покаяніе всегда сопровождается добродѣтельной жизнью. Поэтому и въ проповѣдяхъ св. Ефрема за увѣщаніями къ покаянію и сокрушенію часто слѣдуютъ или иногда замѣняютъ ихъ увѣщанія къ добродѣтельной жизни ²⁾. Здѣсь св. Ефремъ, обыкновенно, или даетъ общес наставленіе дѣлать добро или избѣгать зла, или иногда поучаетъ тѣмъ или другимъ частнымъ добродѣтелямъ, иногда рекомендуетъ узкій путь скорбей и лишеній, какимъ шли праведники и аскеты ³⁾,— оставленіе пристрастія къ мірскому, къ земнымъ благамъ и удовольствіямъ ⁴⁾ и т. п. Когда св. Ефремъ убѣждаетъ оставить пристрастіе къ мірскому, то, кромѣ главныхъ мотивовъ, которые служатъ основаніемъ всѣхъ вообще его нравственныхъ увѣщаній, т. е. представленій страшнаго суда, блаженствъ рая и мученій ада и т. п., онъ, обыкновенно, выставляетъ на видъ ничтожество всего земнаго, кратковременность, непрочность и суетность земныхъ благъ и мірскихъ привязанностей человѣка: въ этомъ мірѣ радость постоянно смѣняется скорбію, съ счастіемъ и здоровьемъ соединяются бѣдствія и болѣзни, а смерть кладетъ конецъ всему ⁵⁾. „Размысли,—поучаетъ св. Ефремъ,—что жизнь ничего не имѣетъ въ себѣ, кромѣ слезъ, укоризнъ, злословія, лѣности, трудовъ, болѣзней, старости, грѣха и смерти; и не возлюбишь міра. Смотри, чтобы этотъ міръ не обольстилъ тебя своими пріятностями, и не запнулъ, и въ вѣкъ будущій не препроводилъ

¹⁾ „Слово о внушеніяхъ ненавистника добру демона“; ч. V, стр. 87—9.

²⁾ Напр. „слово о судѣ и воскресеніи“: ч. IV, стр. 121—8; ч. V, стр. 97—9, 135—9; ч. IV, стр. 295—308 и др.

³⁾ Напр. ч. V, стр. 135—9, ч. IV, стр. 325—68, и др.

⁴⁾ Напр. ч. I, стр. 259—68, 292—9; ч. III, стр. 332 и др.; ч. V, 5—13, ч. VI, 430—8 и др.

⁵⁾ Напр., ч. V, стр. 430—8, и мн. др.

отъ себя обнаженнымъ“ ¹⁾). Нужно замѣтить, что св. Ефремъ много и сильно говорить о ничтожествѣ и суетности земнаго. Мы передали здѣсь лишь главныя мысли разсужденій его объ этомъ предметѣ, и этимъ ограничимся въ настоящемъ мѣстѣ, такъ какъ буквальные извлеченія изъ его проповѣдей на эту тему будемъ приводить ниже въ главѣ объ особенностяхъ изложенія въ проповѣдяхъ св. Ефрема.

Какъ мы сказали, св. Ефремъ въ своихъ проповѣдяхъ касается иногда тѣхъ или другихъ частныхъ добродѣтелей и пороковъ: нерѣдко у него даже цѣлыя проповѣди посвящены специальному раскрытію той или другой добродѣтели или нѣсколькихъ добродѣтелей ²⁾). Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе ученія св. Ефрема о всѣхъ частныхъ добродѣтеляхъ, а отмѣтимъ лишь существенные пункты въ его ученіи о добродѣтели вообще и о нѣкоторыхъ главныхъ добродѣтеляхъ, въ частности, и вообще укажемъ лишь то, что въ его разсужденіяхъ о добродѣтели представляется наиболѣе интереснымъ.

По ученію св. Ефрема, всѣ частныя добродѣтели находятся между собою въ тѣсной связи, и, въ силу этого, истинно совершеннымъ можетъ назваться себя лишь тотъ, кто пріобрѣлъ „одноличную добродѣтель“, т. е. такую, въ которой сосредоточиваются всѣ добродѣтели и не отсутствуетъ ни одна. Если же отсутствуетъ хотя одна частная добродѣтель, тогда понижается значеніе и другихъ въ силу общей тѣсной связи между отдѣльными частными добродѣтелями ³⁾). Въ своихъ проповѣдяхъ св. Ефремъ нерѣдко показываетъ, какъ та или другая добродѣтель стоитъ въ тѣсной связи со многими другими добродѣтелями и влечетъ ихъ за собою, и какъ осуще-

¹⁾ „Слово умилительное“; часть I, стр. 63—4.

²⁾ Особенно характерно въ этомъ отношеніи его „слово о добродѣтеляхъ и о порокахъ“; здѣсь говорится о страхѣ Божиѣмъ и о безстрашіи, о любви, о терпѣніи, о гнѣвѣ, о зависти, о злорѣчіи и т. д. Часть I, стр. 5—31.

³⁾ „Слово подвижническое“; часть I, стр. 100—1—1.

ствляющій въ своей жизни эту добродѣтель, осуществляет и много других, находящіеся съ ней въ неразрывной связи. Таково въ особенности, названное нами слово св. Ефрема „о добродѣтеляхъ и порокахъ“, гдѣ онъ такимъ именно способомъ раскрываетъ ученіе объ отдѣльныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, отчасти уже перечисленныхъ нами. Въ качествѣ образца приведемъ здѣсь разсужденіе о страхѣ Божіемъ: „Блаженъ тотъ чловѣкъ, который имѣетъ въ себѣ страхъ Божій. Онъ явно убожается и Святымъ Духомъ. *Блаженъ мужъ, бояйся Господа* (Пс. 111, 1). Кто боится Господа, тотъ, подлинно, внѣ всякаго вражескаго ухищренія и избѣжалъ всѣхъ козней врага... Врагъ ни въ чемъ не уловляетъ его, потому что онъ изъ страха не допускаетъ до себя плотскихъ удовольствій. Кто боится, тотъ не паритъ умомъ туда и сюда; потому что ждетъ своего Владыку, да не придетъ *внезапу* и *обращетъ* его лѣнивымъ, и *растешетъ* его *полма* (Марк. 13, 36. Мѡ. 24, 21). Въ комъ есть страхъ Божій, тотъ не бываетъ безпеченъ; потому что всегда трезвится. Кто боится, тотъ не предается сну безъ мѣры; потому что бодрствуетъ и ждетъ пришествія Господа своего. Кто боится, тотъ не лѣнится.. Кто боится, тотъ всегда предпочитаетъ угодное Господу его, и приуготовляетъ это. Такъ страхъ Господень для пріобрѣтшихъ оный дѣлается причиною многихъ благъ!“¹⁾.

Другая интересная сторона въ общемъ понятіи св. Ефрема о добродѣтели заключается въ томъ, что главное нравственное значеніе онъ признаетъ не за внѣшнею стороною добраго дѣла, а за внутренними мотивами. Въ силу этого, помышленіе у него представляется нравственно-равносильнымъ слову и дѣлу²⁾, а внѣшніе подвиги, какъ постъ, молитва и п., являются лишь орудіями добродѣтели, имѣющими нравственное значеніе по столько, по сколько съ ними соединяется

¹⁾ Часть 1, стр. 7—8.

²⁾ Напр., часть III, стр. 94 и др.

внутреннее благочестивое расположеніе ¹⁾). Намѣреніе,—вотъ что выше всего цѣнить св. Ефремъ, и, по его воззрѣнію, если человѣкъ сдѣлалъ и немного въ нравственномъ отношеніи, воля его можетъ сдѣлать весьма цѣннымъ и это немногое, по скольку она *желаетъ* сдѣлать многое ²⁾).

Любовь и смиренномудріе—двѣ добродѣтели, о которыхъ особенно часто и хорошо говорить св. Ефремъ, и которыя представляются у него высшими въ ряду частныхъ добродѣтелей, равно какъ противоположные имъ пороки,—ненависть, гордость,—самыми тяжкими въ ряду пороковъ.

„Любовь, по св. Ефрему, есть соль добродѣтелей“ ³⁾. Безъ любви въ очахъ Божіихъ не имѣетъ значенія никакая добродѣтель, и не угоденъ Ему никакой даръ и приношеніе такъ какъ кто не любитъ ближняго, тотъ не можетъ любить и Бога. „Если,—говоритъ св. Ефремъ,—кто сдѣлаетъ большой обѣдъ, чтобъ позвать царя и князей, все приготовить богато, чтобы ни въ чемъ не было у него недостатка, но нѣтъ у него соли; можно ли будетъ вкусить такого обѣда? Безъ сомнѣнія, невозможно. Напротивъ того, и траты напрасны, и трудъ погубилъ онъ, и навлекъ себѣ непріятность отъ приглашенныхъ имъ. То же и здѣсь. Что пользы трудиться на вѣтеръ, если нѣтъ любви? А безъ нея всякое дѣло, всякій поступокъ нечисты. Приобрѣлъ ли кто дѣвство, постится ли, пребываетъ ли во бдѣніи, молится ли, даетъ ли пріютъ бѣднымъ, думаетъ приносить даръ, или начатки, или плоды, строитъ ли церкви, другое ли что дѣлаетъ, безъ любви все это ни во что не вѣнится у Бога“ ⁴⁾. Доказывая такимъ образомъ значеніе любви

¹⁾ Это увидимъ ниже.

²⁾ Слово „объ Адамъ и Еnochъ“; часть VI, стр. 418.

³⁾ См. „слово о всеобщемъ воскресеніи, о покаяніи и любви, и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа“; часть III, стр. 6.

⁴⁾ См. слово „о любви“; ч. III стр. 275—6, 277. Ср. выше цитов. „слово о всеобщ. воскресеніи, о покаяніи и любви“; *ibid*, стр. 5—7; также слово „о добродѣтеляхъ и порокахъ“; ч. I, стр. 8—10 и др.

въ нравственной жизни челоѣка, св. Ефремъ часто и убѣдительно просить своихъ слушателей украшаться этою добродѣтелью и, въ частности, проповѣдуетъ милосердіе и любовь къ бѣднымъ, увѣщавая оказывать имъ посильное вспомошествованіе, разыскивать тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ прити сами, и давать имъ пріютъ въ домѣ своемъ ¹⁾). Богатый челоѣкъ, говоритъ св. Ефремъ, не господинъ, а лишь приставникъ своего богатства, дарованнаго ему отъ Бога для того, чтобы поддерживать ближняго въ бѣдности его ²⁾). Высшее проявленіе любви, по св. Ефрему, состоитъ въ самоотверженномъ прощеніи обидъ и грѣховъ ближнему своему ³⁾).

Равнымъ образомъ, и смиренномудріе, по св. Ефрему, есть „начало и конецъ добраго, какъ высокоуміе начало и конецъ худаго“ ⁴⁾). Безъ смиренномудрія такъ же, какъ и безъ любви, всякая добродѣтель теряетъ свою цѣну ⁵⁾). Смиренномудріе грѣшниковъ дѣлаетъ угодными Богу, тогда какъ гордость низвергаетъ праведниковъ. Сатана, разбойникъ, блудница—тому примѣры. Праведники всѣхъ временъ были смиренны. Изъ всѣхъ оружій (т. е. добродѣтелей) смиреніе—самое надежное въ борьбѣ съ діаволомъ ⁶⁾).

Въ нравственномъ ученіи св. Ефрема о вѣрѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія тотъ способъ, которымъ онъ выражаетъ отношеніе между вѣрою и добрыми дѣлами; по воззрѣнію св. Ефрема, „вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. 2, 10), но и дѣла безъ вѣры мертвы ⁷⁾).

Въ ряду другихъ добродѣтелей св. Ефремъ чаще всего

¹⁾ „Слово о любви къ бѣднымъ“; ч. III, стр. 287—8.

²⁾ „Слово о воскресеніи мертвыхъ“; часть IV, стр. 95—6.

³⁾ Слово „о любви“; *idib.*, стр. 274—5, 280.

⁴⁾ Слово „въ низложеніе гордыни“; ч. I, стр. 40.

⁵⁾ *Ibid.*

⁶⁾ Слово „о смиреніи и гордости“; ч. IV, стр. 317—325; ср. слово „о смиренномудріи“; ч. V, стр. 131—2.

⁷⁾ Часть V, стр. 88.

говорить о страхѣ Божиѣмъ. Мы видѣли, какъ онъ доказываетъ значеніе страха Божія въ нравственной жизни человека.

Въ качествѣ средствъ къ воспитанію въ себѣ добродѣтельнаго настроенія и къ отраженію козней діавола, всегда готоваго склонить человека на путь порока и нечестія, св. Ефремъ рекомендуетъ: молитву, чтеніе и размышленіе надъ Свящ. Писаніемъ, постъ и нѣкоторыя другія. Чрезъ чтеніе Св. Писанія человекъ научается мудрости Божіей и воспитываетъ въ себѣ тотъ страхъ Божій, который служитъ началомъ многихъ добродѣтелей. „Чтеніе божественныхъ писаній приводитъ въ собранность блуждающій умъ“¹⁾. Читая, нужно запечатлѣвать въ сердцѣ своемъ прочитанное²⁾.—Псалмопѣніе есть также прекрасное средство къ охраненію души отъ забвенія благочестивыхъ дѣлъ. Нужно непрестанно имѣть псаломъ въ устахъ своихъ, во время работы, путешествія, предъ сномъ и послѣ сна нужно призывать имя Божіе устами псалмопѣвца. Псаломъ прогоняетъ бѣсовъ³⁾.—Равнымъ образомъ, нужно *непрестанно* молиться. Но молитва дѣйствenna лишь тогда, когда она исходитъ отъ искренняго сердца и соединяется съ сердечнымъ сокрушеніемъ и смиреніемъ, какъ молитва мытаря⁴⁾.—Рекомендуя постъ и доказывая великую силу его въ борьбѣ съ діаволомъ, св. Ефремъ учитъ, что постъ долженъ состоять не въ одномъ лишь воздержаніи отъ пищи, но вмѣстѣ и въ молитвенномъ покаянномъ настроеніи и сопровождаться добрыми дѣлами. Поститься должны даже ма-

¹⁾ Слово „о терпѣніи, о кончинѣ вѣка и о второмъ пришествіи, о прилежномъ чтеніи божественныхъ писаній и пользѣ безмолвія“; часть IV, стр. 65—70. Ср. ч. V, стр. 92, 425 и др.

²⁾ Часть IV, стр. 69.

³⁾ Слово „о псалмѣ“; ч. III, стр. 281—3, Ср. часть I, стр. 64; ч. IV, стр. 335 и др.

⁴⁾ Слово „о молитвѣ“; часть V, стр. 145—50; ср. ч. III, стр. 284—6.

лыя дѣти ¹⁾). Равнымъ образомъ, св. Ефремъ рекомендуетъ самое строгое самонаблюденіе, ежедневный нравственный отчетъ себѣ. „Веди въ совѣсти запись,—говорить онъ,—и замѣчай въ ней ежедневно грѣхи свои, и пусть эта записная книжка каждый день будетъ раскрыта предъ тобой; взвѣшывай самъ въ себѣ, что добраго и лукаваго тобою сдѣлано“ ²⁾). Рекомендуетъ св. Ефремъ и нѣкоторыя другія предохранительныя средства отъ грѣха, но уже не столь важныя, какъ упомянутыя нами.

Порфирій Смирновъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Слово „о постѣ“; часть IV, стр. 309—317, Ср. ч. III, стр. 290—91 и др.

²⁾ Часть стр. 96.

СУЖДЕНІЯ ПРЕОСВ. ТЕОФАНА,

бывшаго епископа владимірскаго,

о греко-болгарскомъ вопросѣ и о состояніи православной
церкви на Востокѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Свои сужденія о греко-болгарской распрѣ и о состояніи православной Церкви на Востокѣ преосв. Теофанъ высказалъ въ письмѣ къ архіеп. Иннокентію (Борисову) отъ 9 марта 1857 года. Письмо это мы и предлагаемъ вниманію нашихъ читателей. Считаемъ необходимымъ здѣсь сообщить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о происхожденіи настоящаго письма.

Извѣстно, что 21 мая 1856 года архим. Теофанъ (въ то время ректоръ олонеккой духовной семинаріи) былъ назначенъ на должность настоятеля нашей посольской церкви въ Константинополь. Выборъ архим. Теофана на столь важный и отвѣтственный (особенно въ то время) постъ обусловливался, несомнѣнно, тѣмъ обстоятельствомъ, что архим. Теофанъ былъ хорошо знакомъ съ православнымъ Востокомъ. Незадолго предъ тѣмъ онъ провелъ на Востокѣ около 7 лѣтъ (1847—1854 г.) въ качествѣ члена нашей первой миссіи въ Іерусалимѣ. Миссія эта имѣла поклонническій характеръ. Члены миссіи, въ томъ числѣ и архим. Теофанъ, во все время пребыванія на востокѣ ограничивали свою дѣятельность поклонническимъ подвижничествомъ и всестороннимъ ознакомленіемъ

съ состояніемъ православія на Востокѣ. Въ это время архим. Теофанъ посѣтилъ Константинополь, Аѳонъ, Іерусалимъ, Сирію и Египетъ. Плодомъ этого путешествія было всестороннее знакомство съ состояніемъ единовѣрныхъ намъ народовъ Востока. 3 мая 1854 года, вслѣдствіе начавшейся крымской войны, наша Іерусалимская миссія была отозвана. Въ числѣ другихъ ея членовъ возвратился въ Россію на этотъ разъ уже черезъ Западную Европу и архим. Теофанъ. По возвращеніи въ Россію, архим. Теофанъ нѣкоторое время былъ баккалавромъ С.-Петербургской духовной Академіи и ректоромъ олопецкой семинаріи, а 21 мая 1856 года, какъ сказано, снова получилъ назначеніе на Востокъ. На этотъ разъ архим. Теофану, какъ знакомому уже съ Востокомъ, былъ порученъ самостоятельный и весьма отвѣтственный постъ. Важность служенія въ должности настоятеля посольской церкви въ Константинополѣ, которое было поручено архим. Теофану, обусловливалась тогдашними политическими и церковными событіями, происходившими на православномъ Востокѣ.

Съ одной стороны, наше правительство въ то время было серіозно озабочено возвышеніемъ значенія и вліянія Россіи на Востокѣ, такъ какъ это значеніе было поколеблено предшествующею войною. А съ другой стороны, въ то время какъ разъ началась распря между двумя единовѣрными намъ народами Востока—греками и болгарами,—распря, закончившаяся впослѣдствіи извѣстнымъ греко-болгарскимъ расколомъ. Вражда двухъ единовѣрныхъ намъ народовъ, жившихъ въ предѣлахъ турецкой имперіи, глубоко возмущала покойнаго Государя Императора Александра II-го. Онъ принималъ всѣ мѣры къ ея прекращенію и желалъ, чтобы ея прекращенію содѣйствовали и лица, служившія въ нашихъ духовныхъ миссіяхъ на Востокѣ. Такое миролюбивое стремленіе Государя раздѣляли и многіе изъ высшихъ представителей нашего правительства и высшихъ іерарховъ русской Церкви.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ едва ли не самое болѣе уча-

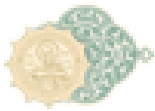

сѣвъ въ дѣлахъ православнаго Востока вообще и, въ частности, въ борьбѣ грековъ съ болгарами принималъ извѣстный херсонскій архіепископъ Иннокентій. Онъ давно уже весьма интересовался судьбами православнаго Востока. Неоднократно онъ собирался даже лично отправиться на Востокъ. Сдѣлавшись херсонскимъ архіепископомъ, онъ сталъ въ непосредственныя отношенія къ православному Востоку. Теперь онъ еще съ большимъ интересомъ сталъ слѣдить за всѣмъ, что происходило тамъ. Между прочимъ, онъ, подобно Государю Императору Александру II-му, глубоко скорбѣлъ о враждѣ между греками и болгарами и всячески старался о прекращеніи ея. Для этого ему необходимо было имѣть самыя точныя и (главное) безпристрастныя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣла, о подлинныхъ причинахъ греко-болгарской распри. Съ другой стороны, ему необходимо было знать также и общее состояніе какъ греческой, такъ и болгарской церкви. Эти свѣдѣнія онъ старался пріобрѣтать отъ лицъ, служившихъ въ нашихъ миссіяхъ и при нашихъ посольствахъ на Востокѣ.

Между тѣмъ, во второй половинѣ 1856 года долженъ былъ проѣзжать чрезъ Одессу къ мѣсту своего назначенія въ Константинополь архим. Теофанъ. Послѣдній былъ хорошо извѣстенъ архіеп. Иннокентію, такъ какъ былъ нѣкоторое время ученикомъ его по Киевской д. Академіи. Во время свиданія съ архим. Теофаномъ архіеп. Иннокентій просилъ его собрать и доставить ему точныя свѣдѣнія о положеніи, въ какомъ находился греко-болгарскій вопросъ, и вообще о состояніи православной Церкви на Востокѣ. Можно даже думать, что архіеп. Иннокентій далъ архим. Теофану подробную инструкцію для этого и даже намѣтилъ самыя пункты, на которыхъ тотъ долженъ былъ собрать и сообщить ему свѣдѣнія. Отвѣтомъ на эту просьбу архіеп. Иннокентія и было нижепечатемое письмо архим. Теофана къ нему. Оно представляетъ весьма обстоятельный и подробный докладъ, раздѣляющійся на двѣ половины. Въ первой половинѣ архим. Теофанъ

говорить о движеніи, происходившемъ тогда среди болгаръ и объ отношеніяхъ между болгарами и греками, а во второй — о состояніи восточной православной Церкви, главнымъ образомъ константинопольскаго патріархата.

Письмо архим. Теофана къ архіеп. Иннокентію отъ 9 марта 1857 года передано намъ С. А. Булгаковымъ въ числѣ другихъ бумагъ м. Макарія. Къ м. Макарію письмо это поступило, нужно думать, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что вражда между греками и болгарами, начавшаяся на глазахъ архим. Теофана, закончилась только въ 70-хъ годахъ. Произошелъ болгарскій расколъ. Нашему Св. Синоду необходимо было высказать свое сужденіе о совершившемся прискорбномъ событіи въ отвѣтъ на особое сообщеніе вселенскаго патріарха о томъ. Дѣло это и было поручено преосв. Макарію, въ то время архіеп. Литовскому. Послѣдній собралъ массу разнаго матеріала для того, чтобы какъ можно основательнѣе познакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣла, о которомъ онъ долженъ былъ высказать свое сужденіе. За этимъ матеріаломъ онъ обращался къ разнымъ лицамъ и, между прочимъ, въ А. В. Рачинскому, который въ концѣ 50-хъ годовъ, по порученію нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, путешествовалъ по Македоніи и Болгаріи, а впослѣдствіи былъ нашимъ консуломъ въ Варнѣ. А. В. Рачинскій въ числѣ другихъ матеріаловъ доставилъ преосв. Макарію и письмо архим. Теофана къ архіеп. Иннокентію отъ 9 марта 1857 года, и при томъ съ собственными примѣчаніями и поясненіями къ тексту письма. Должно полагать, что мнѣніе такихъ безпристрастныхъ свидѣтелей, какъ архим. Теофанъ и А. В. Рачинскій, непосредственно наблюдавшихъ обстоятельства, при какихъ начался и кончился споръ между греками и болгарами, повліяло на преосв. Макарія. Какъ извѣстно, и онъ высказался, подобно архим. Теофану и А. В. Рачинско-

му, за справедливость и законность требованій болгаръ въ ихъ распрѣ съ греками ¹⁾).

Письмо издается нами съ примѣчаніями А. В. Рачинскаго.

Изданіемъ настоящаго письма, думаемъ, мы исполняемъ волю преосв. Теофана, который самъ желалъ видѣть свое письмо напечатаннымъ ²⁾).

Θ. Титовъ.

¹⁾ См. Прав. Обзор. 1891 г. т. 3 стр. 720—755.

²⁾ См. тамъ же 1877 г. т. 1 стр. 602.

ПИСЬМО АРХИМ. ТЕОФАНА КЪ АРХІЕП. ИННОКЕНТИЮ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Полагаю, что Вашему Высокопреосвященству всего болѣе желательно знать о движеніи Болгаръ; потому имъ и начинаю мой неполный во многомъ отчетъ...

Но посудите, каково наше положеніе?— Въ концѣ января пріѣхалъ изъ С.-Петербурга Изворскій,—и это былъ первый болгаръ, котораго увидѣли въ посольствѣ, не только я, но и всѣ.—Черезъ него ознакомились съ другими болгарами, хоть очень немногими. 1-го марта явился и найденъ Еровъ, столь долго жданный ¹⁾.

¹⁾ Знакомство посольства нашего съ Болгарами до пріѣзда Е. П. Новикова въ Константинополь и до вступленія кн. Лобанова въ посланничество было потому слабо, что составъ посольства, по характеру воспитанія и образованія служащихъ въ немъ, былъ чуждъ простотѣ и *нецивилизованности* болгаръ Драгоманъ Аргиропуло и Мострасъ, солунскій консулъ Мустоксиди — греки, друзья своихъ соплеменниковъ; прислуга въ посольствѣ — греки и армяне; привратникъ — перотъ Франчески; военный агентъ — Франкини... Посолъ искалъ церковь — эта законная и безобидная черта соединенія посольства съ болгарами, — въ третьемъ этажѣ дворца, который самъ стоитъ въ глубинѣ двора, отдаленнаго отъ людной улицы Бей-Оглу чугунною рѣшеткою, съ калиткою, защищаемою иностранцемъ. — Г-жа Бутенева, урожденная Хребтовичъ, въ зиму 1857 — 1858 г. устраивала во дворцѣ базаръ въ пользу гошпиталя (и училища) Лазаристовъ: а руководители въ Константинополѣ этого ордена — знаменитые Eugene Vogt и Louis Lescœur, тѣсно связанные съ парижскимъ болгарскимъ комитетомъ герцога Ларошфукоаиу.

Въ 1858 году, когда я пріѣхалъ въ Константинополь съ письмомъ къ А. П. Бутеневу отъ Е. П. Ковалевскаго, который, съ позволенія кн. А. М. Гор-

Прежде—(5 февр.) приходили два повѣренныхъ изъ Шумлы. 24 февр. были двое—изъ Тернова. Первые—противъ своего митрополита и грековъ; вторые—въ защиту своего митрополита и грековъ.

Если слушать первыхъ (Еровъ уже слишкомъ черно описываетъ епископовъ: вѣрно, были личности), то греческіе пастыри никуда негожи.—Митрополиты и епископы,—обдирая народъ, ничего не дѣлають въ пользу его,—на славянскомъ языкѣ сами не служатъ и не благоволятъ къ служащимъ на немъ,—и гласно презирають болгарскій языкъ. Школамъ не мѣшаютъ учреждаться, но совсѣмъ не для болгарскаго образованія, а для огречиванія болгаръ: ибо настойчиво обязываютъ изучать греческій языкъ, чтобъ потомъ на немъ уже преподавать катихизисъ, исторію и другое что.—Милости и вспомоществованій нуждающимся, радѣнія о паствѣ и назиданія ея словомъ—нисколько. Въ опредѣленіи къ мѣстамъ священниковъ ничего не имѣется въ виду, кромѣ положеннаго за приходъ взноса.—Дивиться надобно, какъ доселѣ хранится еще

чакова, препоручалъ ему меня, какъ намѣревающагося объѣхать Македонію и Болгарію, посоль долго не соглашался ходатайствовать о фирманѣ, выставляя во 1-хъ, подозрительность турокъ къ русскому агенту, а во 2-хъ, странность намѣренія моего—искать намятниковъ церковно-славянскон писменности въ Македоніи, которая, конечно, по представленіямъ Мусгоксида, казалась послу „чисто греческою областію“. Когда, наконецъ, фирманъ былъ полученъ и я проѣхалъ Македонію,—оба опасенія А. П. Бутенева не оправдались: турки были необычайно пріятливы, болгаре македонскіе обрадовались мнѣ, какъ вѣстнику Россіи; греческое духовенство Солуны, Витоля, Полянина, Охриды испугалось. Побѣждали доносы въ патриархію, а изъ Константинополя, не знаю отъ кого, жалобы на русскаго агента къ королевѣ Амалии, которая свои сѣтованія о семъ выражала въ письмѣ къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Встрепенулись также агенты Лазаристовъ, заставшіе съ 1854 года въ Солуны и Витоли, и битольскіе консулы Grimlot и Longwort. Свѣдѣнія о странѣ и намятники славянскон писменности Македоніи (между прочимъ, Кумевское евангеліе XI вѣка, поднесенное мною Государынѣ Императрицѣ) убѣдили Министерство въ истинномъ характерѣ населенія Македоніи, состоящаго изъ чистѣйшихъ болгаръ: греки въ городахъ, какъ и у насъ въ Крыму.

православіе: ибо по такимъ неудовольствіямъ на епископовъ босняки цѣлыми приходами обратились въ католичество.

Если слушать вторыхъ,—то только и спасенія, что отъ грековъ. Митрополиты и епископы пекутся о паствѣ, какъ отцы; служатъ на славянскомъ, говорятъ даже поученія на болгарскомъ (это о митр. терновскомъ:—гдѣ не одолѣтъ по болгарски, говоритъ по-турецки). Положенный съ приходовъ взносъ не только не дерутъ безъ милости, но и отъ положеннаго часть оставляютъ въ пользу школъ, и именно болгарскихъ. Если хранится православіе, то именно попечительною греческихъ пастырей. Не будь ихъ, Болгарію одолѣютъ католики. У насъ, говорятъ, есть епископы изъ болгаръ,—но что это за пастыри?—неучены, несмѣлы, не могутъ назидать народъ и защищать вѣру.—Какъ не желать, чтобъ епископы были болгары,—и одинъ митрополитъ—болгаръ—управлялъ всею болгарскою церковію: но не пришло еще время—нѣтъ людей способныхъ—надобно ихъ подготовить—и тогда...

Тѣ и другіе прямо говорятъ только о своихъ епископахъ, но своему мнѣнію даютъ силу мнѣнія всего болгарскаго народа,—прибавляя: такъ повсюду. Послѣдніе, впрочемъ, были какъ-то несмѣлы, и оставили сильное подозрѣніе въ неискренности.—Всѣ ихъ рѣчи клонились преимущественно къ защитѣ своего митрополита.—Но прежде ихъ Шумлійцы увѣряли, что терновскій митрополитъ имѣетъ свою партію—подкупленную будто, которая дѣйствуетъ въ его пользу. Съ другой стороны, греки,—у дѣлъ стоящіе,—хвалятъ сего митрополита ¹⁾).

Мнѣ думается, что, по недостатку свѣдѣній, не слѣдуетъ обобщать ни того, ни другаго отзыва. Всего натуральнѣе по-

¹⁾ Партія грека—владыка—это зажиточные и старѣйшіе горожане, составляющие при митрополитѣ *димотеронтію*, народный совѣтъ, въ подражаніе патриаршему въ Константинополѣ, вѣдающій судныя дѣла селянъ и денежные владычныя сборы.

ложить, что есть епископы хорошіе, есть и худые,—есть любящіе болгаръ и болгарскую рѣчь, есть нелюбящіе ни тѣхъ, ни другой,—есть болгары, довольные епископами—греками, есть недовольные,—есть желающіе исключительно болгаръ, и есть не брезгающіе и греками.—Въ какой мѣрѣ широка та и другая половина, не откуда узнать. Можетъ быть, партія, защищающая грековъ, есть малая часть оболыщенныхъ и подкупленныхъ ими.—Но можетъ быть, и партія противогреческая есть малая часть увлеченныхъ кѣмъ нибудь.—Народъ же вообще—въ блаженномъ невѣдѣніи о семь движеніи, живетъ довольный тѣмъ, что есть, и благодарить Бога.

Еровъ сказывалъ, что греческіе епископы, предчувствуя вѣрно, что имъ недолго осталось собирать съ болгаръ, стали увеличивать налоги, и гдѣ довольствовались прежде 15—піастрами, тамъ требуютъ теперь 50-ть. Это возбудило противъ нихъ и народъ, сначала равнодушный къ движенію нѣкоторыхъ.—Но можно ли это обобщить?—Сидя въ комнатѣ, не узнаешь, что положительно вѣрно, и по рѣчамъ немногихъ не дойдешь до истины.—Какъ бы хорошо—послать кого нибудь умѣющаго видѣть, чтобъ на мѣстѣ собралъ точныя свѣдѣнія по всей Болгаріи, или, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшихъ ея пунктахъ! Но кого послать и кто пойдетъ? Русскаго тотчасъ опозорятъ и остановятъ. Изъ болгаръ можно ли найти безпристрастнаго?

Чего ищутъ болгары?—Кажется, еще не установилась между ними одна общая мысль.—Одни требуютъ только епископовъ изъ болгаръ, или изъ знающихъ болгарскій языкъ; другіе присоединяютъ къ тому желаніе, чтобъ всѣми дѣлами церковными по Болгаріи управлялъ одинъ митрополитъ болгарскій, состоя въ зависимости отъ вселенскаго патріарха; для третьихъ и этого мало: хотятъ независимаго патріарха, равнаго другимъ патріархамъ, какъ бывало когда-то.—Такого рода прошеній—изъ всѣхъ почти странъ Болгаріи, въ разныя времена подано въ Порту, какъ говорятъ, до 60-ти. Явля-

ются обычно 2—3—4 депутата, съ форменнымъ довѣріемъ отъ своихъ соепархіотвъ, подають прошеніе и возвращаются, если не имѣють своихъ особенныхъ дѣлъ.—Замѣчательно, что ни одна депутація не являлась въ Русское посольство (хоть бы косвенно дала знать о себѣ и своемъ дѣлѣ), тогда какъ къ французскому послу, говорятъ, иные заходили.—Шумліицевъ къ намъ заволокъ Изворскій, а Терновцевъ—одинъ іеродіконъ греческій—Александръ¹⁾.—Хорошо, если эта отчужденность зависить отъ какихъ-нибудь опасеній повредить всему дѣлу. Но навязывается и горькая догадка—не охлаждены ли къ намъ болгары (изъмышленныхъ паче) и сердечно?

Объ успѣхѣхъ этихъ прошеній, равно какъ и о томъ, чѣмъ кончится все это движеніе, ничего рѣшительнаго сказать нельзя. Ожидается однакожъ, что всячески что-нибудь да сдѣлають въ пользу болгаръ (изреченіе Богориди)²⁾. Порта об-

¹⁾ Александръ Ласкарисъ, іерод. греческой церкви въ Перѣ; въ 1858 г. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную Академію и въ 1860 г., по распоряженію своего начальства, отправился за—границу для учебныхъ занятій; скончался въ санѣ митрополита сисавійскаго, въ Македоніи.

²⁾ Стефанъ Богориди (греч. Вугоридисъ) богатый молдавскій фанариотъ, турецкій сановникъ, князь самоскій (сынъ его соперничалъ съ Алексѣю Куза въ достиженіи молдо-влашскаго княжества). Старикъ, сознавъ ли на старости свое болгарское происхожденіе, или, чтобы пріобрѣсти сторонничество болгаръ, былъ первымъ сильнымъ ходатаемъ предъ Портою за болгаръ: онъ же пожертвовалъ константинопольской болгарской общинѣ свой домъ въ Галатѣ, недалеко отъ патриархіи въ Фанарѣ—домъ, послужившій почвою и основнымъ камнемъ для болгарскихъ въ Константинополѣ церкви и училища. Въ этомъ домѣ начались и продолжались собранія болгаръ. Здѣсь жили первые епископы болгаръ: Стефанъ Ковачевичъ, Илларионъ Макаріупольскій, Авксентій Костендильскій: отсюда же, посвященный во епископа Полиинискаго, архим. Паревній отправился въ свою епархію. Неискренность патриархіи въ назначеніи первыхъ болгарскихъ епископовъ видна изъ характера назначенныхъ. Ковачевичъ оказался недостойнымъ прохождениемъ и постыдно умеръ. Иллариона возвели въ санъ епископа съ титуломъ небывалой „Макаріупольской“ епархіи: на него же потомъ жаловался патр. Іоакимъ, что онъ епископъ и ученикъ еретика Каириса-Авксентія, перевожали изъ епархіи въ епархію и уже ослабленнаго годами и болѣзнями назначали болгарамъ съ титуломъ „костендильскаго“. Назначенія истинно достой-

ратила вниманіе на жалобы ихъ и, какъ говорятъ, послала нѣсколько чиновниковъ для развѣданія состоянія дѣлъ на мѣстѣ.—Это слухъ.—Рѣшительно извѣстно только, что виддинскій паша былъ посылаемъ въ Терновъ,—адрианопольскій—въ Филиппополь (послѣдній по другому совсѣмъ дѣлу).

Откуда это повсюдное движеніе болгаръ и въ одно почти время?—Оно могло образоваться очень просто.—Неудовольствіе болгаръ на грековъ,—въ иныхъ мѣстахъ довольно сильное,—зачалось и созрѣло давно. Прежнее положеніе дѣлъ мѣшало ему обнаружиться.—Хатти—Гуммаюнъ¹⁾ развязалъ нѣкоторымъ образомъ руки.—И вотъ—двинулись изъ одного мѣста—какіе посмѣлѣе,—за ними другіе—третьи—и такъ далѣе.—Не могу добраться, откуда поступило первое прошеніе?—И правда ли, что такъ много прошеній?—Греки говорятъ, что ихъ немного,—5—10.

По разности требованій, можно думать, что у нихъ нѣтъ одного общаго двигателя, но можно подозрѣвать, что онъ намѣренъ крестя за сею разрозненностію мнѣній, или не всѣми одинаково понятъ.—Слышно, по крайней мѣрѣ, что во время войны ѣздили по Болгаріи какіе-то пугешественники—франки. Могло статься, что ими подана мысль и возбуждена смѣлость просить того, чего просятъ,—общаніемъ содѣйствія.—Греки признаютъ возбуждителями всего движенія Александра экзарха, Топчилешти, Николая терновца и еще кого-

наго—смирненнаго Паренія посольство наше достигло съ невѣроятными затрудненіями. Анемъ, бывшій впоследствии экзархомъ болгарскимъ, долженъ былъ притворяться и искусно притворился въ Халкискомъ богословскомъ училищѣ ярымъ грекоманомъ, такъ что Шуменцы во все время пребыванія его ихъ титулярнымъ, ни разу его не принимали. Впрочемъ, непринятіе много зависѣло отъ вліанія на шуменскихъ старшинъ американскихъ методистовъ, которые успѣли учредить въ Шумѣ гражданскую общину, вѣдавшую церковныя дѣла.

¹⁾ Законодательный актъ, изданный турецкимъ султаномъ 1 февраля 1856 года о правахъ различныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Оттоманской имперіи. О. Т.

то. Въ № 50 газеты Константинопольской—Византийской—напечатаны стихи, составленные на новый годъ съ цѣлію возбудить болгаръ противъ грековъ. Вотъ подстрочный переводъ съ греческаго:

Любезные братья наши Болгары заблуждшіе!
 Тамъ на страшномъ судѣ вы будете осуждены,
 За то, что въ костяхъ кланяетесь Владыкѣ Греку,
 Который, какъ ненасытный и хищный волкъ,
 Поглощаетъ болгарскій отъ трудовъ потъ:
 За что горько да воздастъ ему Господь.
 Братья! Новый 57-й годъ
 Да обновить сердца ваши,—и да будетъ счастливъ для васъ.
 Но жалобнѣйшимъ гласомъ громко будемъ кричать:
 Владыко-Грековъ,—обольстителей и лицемѣровъ, не хотимъ.
 Кто не приметъ нашего сего общаго совѣта,
 Тотъ всенародно будетъ проклятъ и отверженъ.
 Недостоинъ онъ зваться болгаромъ—кровнымъ,
 И Богъ накажетъ его жестоко—вѣчнымъ огнемъ.

1 января 1857 года.

Видимо, что движеніе не обще,—и что есть не поддерживатели только и воодушевители, но начальные возбудители. Но кто они?

Изворскій говоритъ о существующемъ между болгарами преданіи, что избавленіе ихъ отъ ига должно совершиться Россіею,—что для сего будетъ три или четыре схватки Россіи съ Турціей. Прошедшая война была послѣднею схваткою. Надежда у всѣхъ была сильная. Но вотъ конецъ не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіяхъ, и положили: нечего болѣе ожидать отъ Россіи. Господь перемѣнилъ свои опредѣленія.—Надобно дѣйствовать самимъ,—и вотъ въ какомъ порядкѣ: „развить чувство народное—чрезъ образованіе чисто болгарское; а для сего завести болгарскія школы и имѣть болгарскихъ епископовъ. Тогда—одно слово—и болгарское царство готово.—

Начало въ послѣднемъ (имѣть епископовъ),—и сего требуютъ.—Недивно, что у какойнибудь части болгаръ есть и такія мысли: охлажденіе Болгаръ къ Россіи не обще; но и нельзя сказать, чтобъ его не было;—и не значительно ли уже оно?!

Какъ смотрятъ греки на это движеніе, само собою разумѣется. Сначала, кажется, они не считали сего дѣла важнымъ; но теперь начинаютъ задумываться. Въ рѣчахъ выражаютъ болѣе—опасеніе за болгаръ, именно: по недостатку между болгарами достойныхъ лицъ, надобно будетъ возводить въ санъ епископа кого попало,—отъ этого начнутъ безпорядки въ церковныхъ дѣлахъ, слабость управленія, безсиліе защищать христіанъ, гдѣ слѣдуетъ, предъ правительствомъ,—и противостоять пропагандѣрамъ. Болгары потеряютъ православіе—пропадутъ. (Опасность есть; но не вдругъ все сдѣлается, а на первый разъ двухъ-трехъ можно найти). Мы не гонители болгаръ. Были изъ болгаръ даже патріархи. И теперь коль скоро кто достоинъ—возводится въ санъ епископа,—и такихъ есть девять: вричанскій—Дороеей, велескій—Мелетій, костендильскій—Авксентій, червенскій—Синесій, родосскій—Игнатій, левкійскій—Иларіонъ, литицкій—Іосифъ, ловчанскій—Иларіонъ и еще лампсакійскій. (Исключая вричанскаго и ловчанскаго—всѣ прочіе, говорятъ, огречены по языку. Каковъ духъ—неизвѣстно.—Нѣтъ сомнѣнія, что греки не уступятъ иначе, какъ по принужденію. Патріархъ и Синодъ ничего не дѣлаютъ къ тому, чтобъ остановить, или переломить сіе движеніе).

Что до нашего посольства, то оно держитъ себя въ сторонѣ; однакожь раздѣляетъ желаніе, чтобъ епископы у болгаръ были болгары, пожалуй даже одинъ митрополитъ изъ болгаръ на всю Болгарію,—только съ зависимостію отъ патріарха.—Богориди выразился такъ: одного требовать надобно, чтобъ епископы по Болгаріи говорили на народномъ языкѣ, и служили на языкѣ, понятномъ народу, не разли-

чая—болгары ли они или греки. Знаетъ грекъ хорошо болгарскій языкъ съ славянскимъ—и достоинъ,—ставь его въ болгарскую епархію. Знаетъ болгаръ хорошо греческій языкъ и достоинъ, посылай его въ греческую епархію.—(Самая справедливая мысль,—но кто приведетъ её въ исполненіе)?

Не нужно ли подумать о томъ, къ чему поведетъ все это, и не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ чего худого для болгаръ и для насъ?—Если возбуждается движеніе сторонними, то и направляться оно будетъ ими же; по крайней мѣрѣ, они не замедлятъ воспользоваться имъ. Судя по духу предполагаемыхъ возбудителей, нельзя ли подозревать такого исхода, или даже замысла: „посадивъ на епископскіе престолы, вмѣсто ловкихъ грековъ, простыхъ болгаръ, открыть свободнѣйшій входъ пропагандѣ, окатоличить Болгарію и, разладивъ её съ православнымъ міромъ, противопоставить Россіи,—по крайней мѣрѣ, отклонить отъ послѣдней, и отсѣчь у ней возможность и охоту дѣйствовать въ пользу болгаръ“? ¹⁾

¹⁾ Таковы положительно цѣль и намѣренія франковъ (методисты и поляки), подбивавшихъ болгаръ на исаніе въ опредѣленной формѣ автокефальной патріархіи. Надежды сихъ положительныхъ недруговъ традиціоннаго у болгаръ православія основывались на рѣшительномъ отказѣ патріархіи дать какія либо удовлетворенія скромнымъ сначала требованіямъ болгаръ, при чемъ горячіи готовы должны были привлечь къ ушій, а болѣе разсудительные къ метоизму съ отрицаніемъ вселенской іерархіи. Но здѣсь нельзя однимъ враждебнымъ православію вліяніямъ приписывать зарожденіе и ходъ болгарскихъ исканій. Эти вліянія только воспользовались никогда неугасшими въ болгарскомъ народѣ желаніями—пользоваться своею связаннымъ развитіемъ въ церкви и въ школѣ: монастыри Зографскій на Аѳонѣ и Рильскій среди Доепатскихъ Балканъ, эти первообразы славянскаго богослуженія и строгаго общежитія, личнымъ примѣромъ во очію всѣхъ болгаръ и духовниками, разсылаемыми по всей странѣ, питали и постоянно поддерживали между болгарамъ надежды на славянскую самостоятельность въ образахъ далеко не ясныхъ, но тѣмъ не менѣе, въ виду двойнаго гнета турокъ и фанариотовъ, привлекательныхъ.—Болгары: Неофита Зографскаго и Наавакила Дубровецкаго (впослѣдствіи охридскій митрополитъ) можно считать главнѣйшими и первѣйшими пробудителями въ болгаряхъ славянскаго самосознанія. Евстафій Халкинскій (впослѣдствіи пелагійскій митрополитъ) дѣятельнѣйшій двигатель молодого поколѣнія Неофигъ скончался

Конечно, все это слишкомъ далеко. Возбужденные болгары могутъ не видѣть своей опасности. У нихъ одна народность въ умѣ и на языкѣ.—Но есть много случаевъ, которые дѣлаютъ вѣроятнымъ то—то, то другое.

Ѣздили по Болгаріи Франки. Вѣрно, сіи сомнительные доброжелатели не имѣли въ виду пользы православія и Россіи.—Депутаты являются въ посольство французское, и вѣрно привѣчиваются и обнадеживаются. Изъ чего же?—Можетъ быть, не изъ одной возможности увеличить свой политическій вѣсъ?!—Александръ экзархъ съ товарищами (если вѣрно, что они совѣтники и воодушевители)—французской партіи.—Экзархъ непрестанно вертится въ посольствѣ французскомъ. Слышно, что экзархъ всячески отклоняетъ Болгаръ отъ Россіи, внушая имъ, что только и спасеніе имъ, что отъ Франціи,—что посылать болгаръ для образованія надобно не въ Россію, а во Францію. Тамъ свѣтъ. Недавно онъ отпечаталъ Апостолъ въ своей типографіи. Печатать церковныя книги для болгарскихъ церквей, конечно, хорошо, по причинѣ затрудненій при доставкѣ ихъ изъ Россіи. Но въ предпріятіи экзарха можно подозрѣвать и заднюю мысль.—Именно: всѣ церковныя книги разными путями получались изъ Россіи и тѣмъ поддерживалась въ народѣ добрая о ней память и расположеніе къ ней.—Можно думать, что ненавистникъ Россіи—экзархъ предпринялъ печатаніе церковныхъ книгъ между прочимъ и для того, чтобъ уничтожить эту поддержку сердечнаго союза болгаръ съ Россіею, охладить любовь къ ней, вытѣснить у нихъ самую память о ней.—И вотъ на какомъ основаніи!—Чтобъ расположить Порту охотнѣе дать ему позволеніе печатать и выпускать церковныя книги (помимо патріарха, онъ обратился прямо къ Портѣ), экзархъ представилъ ей, что получаемыя изъ Россіи книги церковныя развра-

въ Зографъ извѣстнымъ мученикомъ. Правословіе Наеоднаила и Евстафія подвержено ни малѣйшему сомнѣнію.

щаютъ народъ и возбуждаютъ его противъ правительства,—и указалъ на одинъ стихъ въ помянникѣ, печатаемомъ въ псалтиряхъ: „мерзкое и богопротивное царство Агарянское... и проч.“—Этотъ случай будто далекъ отъ движенія болгаръ, но, какъ современный ему, можетъ отражать нѣкую черту и изъ него,—по крайней мѣрѣ, видно, что—и между прочимъ—имѣютъ въ виду возбудители.—Шумлійцы рассказывали, что они встрѣчали босняковъ,—окатоличенныхъ,—кои расхваливали свое блаженство подъ управленіемъ католическаго духовенства; въ сосѣднихъ же къ боснійскимъ приходамъ—окатоличеннымъ—мѣстахъ замѣтно большое расположеніе къ католичеству.—Видѣли также одного католическаго священника изъ павликіанъ, гдѣ-то на побережьѣ Чернаго моря. Не ходятъ ли подобныя лица повсюду, не съ цѣлю прозелитизма, а только подготовленія народнаго расположенія въ пользу католичества,—чтобъ въ послѣдствіи заразъ пожать обильнѣйшіе плоды.

Въ пансіонѣ Боре, въ Бебекѣ на Босфорѣ,—обучаются до 20-ти болгарчиковъ, какъ говорятъ, болѣе для изученія французскаго языка. Ихъ воспитываютъ со всею заботливостію. О вѣрѣ будто и помина нѣтъ, какъ слышно. Имъ даже приказывается ходить въ православную церковь. Но весьма трудно удержаться отъ заразы...—Самый преданный къ своей вѣрѣ выйдетъ изъ школы не отвращающимся отъ католичества.—Вотъ и точки прикосновенія будущимъ пропагандерамъ, если не самые пропагандеры!

Шумлійцевъ прямо можно подозрѣвать въ склонности къ католичеству. Изъ Шумлы 10-ть мальчиковъ учатся у Боре. Въ школѣ—въ Шумлѣ—преподается латинскій языкъ:—рѣдкость во всѣхъ восточныхъ школахъ ¹⁾.

¹⁾ Латинскіе священники въ 1862 году были, кромѣ Константинополя, въ Варѣ при домової церкви, содержимой консулами Австріи и Франціи, въ Бургасѣ, при австрійскомъ консульствѣ; въ Филиппополѣ и его округѣ для болгаръ, окатоличенныхъ павликіанъ, подъ покровительствомъ константинополь-

Дай Богъ, чтобъ такая мысль о движеніи Болгаръ была

скаго архіепископа Брунони; въ Солуни, при училищно-больничномъ учрежденіи Лазаристовъ; въ Витолѣ, тожъ при французскомъ консульствѣ. Въ пансіонѣ Боре къ 1862 году болгаръ не оставалось: вынужденные въ 1861 году шумские кноши Груевъ и Ваклядовъ не нашли на родинѣ почвы: она уже была довольно крѣпко занята методистами, которыхъ мнѣ посчастливилось уловить въ Терновѣ на письменномъ соглашеніи съ 5-ю священниками, и, оглашеніемъ сего событія на мѣстѣ, подорвать ихъ вліяніе такъ въ Терновѣ, такъ и въ Шумяхъ.—Римскому католицизму до 1862 года положительно не удавалось взять корень въ православныхъ общинахъ Болгаріи: серьезныя ихъ попытки въ Кукушѣ и Варнѣ кончались смѣшными пораженіями. Въ самомъ Константинополѣ пресловутая унія оказалась мыльнымъ пузыремъ: хитрость, придуманная поляками въ латинской канцеляріи, состояла въ томъ, что работниковъ—болгаръ, въ числѣ до 40—50 тысячъ переходящихъ черезъ столицу въ разные мѣста на работы, и обязанныхъ являть свои мѣстные виды въ патриархін, при чемъ съ нихъ взыскивалось по 5 пістровъ, привлекали въ эту канцелярію, получившую съ содѣйствіемъ французскаго посольства право печати, и визировали имъ ихъ виды за 3 піастра. Конечно, все отвалило отъ патриархін къ латинской канцеляріи и списки явившихся, съ прибавкою, конечно, ихъ семействъ на родинѣ и близкихъ, составили для римской *propagandae fidei* матеріалъ къ оглашенію въ парижскомъ *Monde universel* о *Retour des Bulgares au catholicisme*, въ статьѣ, надѣлавшей нѣкогда столько шума и тревоги въ Россіи.—Въ Шумяхъ, напротивъ, чинъ церковный держится очень строго священниками безъ всякаго надзора епархіальной власти. При мнѣ удалось одному передовому господину вырваться во время вечера на средину церкви съ чтеніемъ псалма на плохомъ просторѣчьи, по изданію методистовъ: ему не позволили.—Въ училищѣ все до такой степени поверхностно и слѣпо преподавалось господами, какъ Грахалкѣй и Бапаровъ, дѣйствительно, дружными поляками, что, дѣйствительно, кромѣ разсѣянія ума, ничего нельзя было ожидать: верхушки наукъ и ключья иностранныхъ языковъ для огумаченія добродушныхъ родителей: изъ нихъ—то и нашлись безумные, чтобы отправить дѣтей въ пансіонъ Боре, и не даромъ, а съ порядочною за нихъ платою, что-то около 300 руб. въ годъ. Изъ Тернова азжиточные родители отправляли своихъ дѣтей въ реальныя гимназіи Вѣны, опять-таки съ значительными отъ себя издержками.—Россіи доставались бѣднѣйшія дѣти, которыхъ всѣ шли къ намъ на казенный счетъ.—Въ Смоленскѣ поляки—директоръ и учитель гимназіи Мацѣевскій и Маркъ безнадежно развратили даровитыхъ юношей, принятыхъ туда на средства и по Высочайшей милости Государыни Императрицы.—Въ Москвѣ лучшіе изъ окончившихъ—Македонцы Станишевы—оставались тьюторами у Каткова ради ихъ знакомства съ греческимъ языкомъ; габровецъ Федоровъ и еще двое—частными преподавателями математики; терновецъ Бончевъ—земскимъ врачомъ въ Подольскѣ;—а на родину возвращались только неудачные по успѣхамъ.

мечта; чтобъ, напротивъ, получить своихъ епископовъ и развить болгарское образованіе, они возрасли въ народъ, разумно твердый въ православіи.—Но могущимъ дѣйствовать и этого можно не упускать изъ виду, и напередъ заготовлять противодѣйствіе, какое укажетъ имъ опытность,—чтобъ въ то время, какъ начнетъ разыгрываться драма, не стоять изумленными зрителями безъ возможности поправить дѣло.

Если намъ нужно всячески поддерживать доставку церковныхъ книгъ для болгарскихъ церквей изъ Россіи; то нельзя ли печатать церковныя книги собственно для болгаръ безъ царской фамилии и безъ стишковъ противъ агарянскаго царства? Тогда не было бы туркамъ причины преслѣдовать книги, печатаемыя въ Россіи ¹⁾. Слышно, что какой-то начальникъ сторожеваго отряда по берегамъ Дуная входилъ въ христіанскіе храмы, раскрывалъ книги и грозилъ, какъ смѣютъ молиться за русскаго царя? ²⁾—Чего дивнаго?—Выйдетъ указъ—отобрать книги, или замѣнить другими, какъ знаютъ. А какъ? По случаю экзархова предпріятія Порты спрашивала мнѣнія у кн. Богорида. Онъ отозвался: печатать книги церковно-славянскія внутри имперіи нехудо,—только это лучше дѣлать въ патріаршеской типографіи, а экзарху не довѣряйте.—Когда-то станеть и станеть ли печатать патріархія?!...

Нѣкоторые здѣсь заняты тѣмъ, какъ бы сдѣлать, чтобъ болгары, кои у Боре, оставили его, или, по крайней мѣрѣ, другіе не поступали къ нему болѣе.—Шумліицы сказывали, что они отдають туда дѣтей, чтобъ обучать ихъ лучше французскому языку, и болгарскому съ славянскимъ—грамматически. Тутъ что-то не такъ; ибо во многихъ школахъ препо-

¹⁾ Царская-то фамилія во главѣ нашихъ церковныхъ книгъ и составляетъ для болгарскихъ селянъ авторитетъ ихъ. Мысль о. Теофана проводилъ Н. П. Игнатъевъ; но, кажется, она была оставлена, ибо найденъ былъ путь нашего на Аѳонѣ Руссика удобнымъ для продажи церковныхъ книгъ болгарамъ.

²⁾ То былъ полякъ изъ отряда Садыкъ-наши (Чайковского), майоръ Морозъ (псевдонимъ ренегата).

даются сіи языки хоть не въ такомъ совершенствѣ.—Воспитываютъ тамъ весьма хорошо.—И можетъ быть, это въ связи съ совершенствомъ обученія привлекаетъ. Не будетъ ли добрымъ противодѣйствіемъ Боре—завестъ исправный пансіонъ въ Константинополѣ исключительно для болгаръ? Соимѣщая достоинства Бореева пансіона, хоть не въ такой степени, но будучи чуждъ его опасностей,—онъ тѣмъ самымъ располагалъ бы родителей съ большимъ довѣріемъ и спокойствіемъ совѣсти отдавать въ него дѣтей своихъ.—Боре беретъ 4,000 піастровъ (200 руб. сер.) съ мальчика въ годъ,—и сверхъ того одежда своя. И этимъ можно воспользоваться къ отклоненію отъ Боре, умаливъ цѣну. Если при этомъ содержать нѣсколько мальчиковъ бѣдныхъ бесплатно, то еще болѣе можно привлечь.—Этой мысли не чуждъ кн. Богорида.—Помышленіе сіе только началось. Мѣсто—при болгарской церкви въ Фанарѣ.

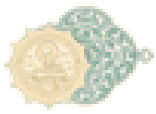
Въ Болгаріи, какъ слышно, много училищъ—Въ большихъ городахъ учатъ, кромѣ славяно—болгарскаго, греческому и французскому языкамъ,—въ селахъ только болгарскому. Катикизисъ, св. исторія, ариѳметика—почти вездѣ. Есть и учителя исправные.—Вообще грамотность довольно распространена. Равно и внѣшнее благосостояніе не ничтожно. Нѣтъ слишкомъ богатыхъ, но нѣтъ и такихъ, которые бы ничего не имѣли. (Это со словъ Изворскаго). Бывали изъ болгаръ и въ богословскомъ училищѣ. Епископы—левкійскій Иларіонъ и родосскій Игнатій—оба изъ болгаръ (огреченныхъ, говорятъ, совсѣмъ)—окончили курсъ въ семъ училищѣ. Въ настоящее время тамъ нѣтъ болгаръ. На время войны ученіе прекращалось,—началось уже. Прекращалось по навіѣтамъ: схоляръ и лекторъ славянскаго языка были военною силою взяты изъ училища—и состояли подъ слѣдствіемъ.... Дѣло тянулось съ мѣсяцъ.—И преподаваніе славянскаго языка начнется съ слѣдующаго года, говорятъ.—Терновцы увѣряли, что патріархъ писалъ къ болгарамъ, приглашая прислать дѣтей въ богослов-

ское училище. Никто не согласился, отговариваясь житейскими и торговыми нуждами.

Что до предполагаемаго заведенія въ Болгаріи большаго училища,—то нельзя сего предположенія выполнить проще, по примѣрамъ усовершенствованія школъ здѣсь.—Въ Перѣ, напр., въ Ставродромскомъ еллинскомъ училищѣ, прошлый годъ прибавили одинъ предметъ и одинъ годъ къ училищному курсу. Въ слѣдующій годъ намѣрены еще прибавить предметъ и для него годъ къ курсу.—Почему бы такъ не поступить при образованіи и болгарской школы?—Избрать одно какое училище, болѣе устроенное, и прибавлять въ немъ время отъ времени, предметы и годы курса, смотря потому, какъ будутъ приискивать учителей и открывать способы вещественные.—Геровъ съ этимъ согласенъ. Обычай мѣстный того даже требуетъ. Незамѣтнѣе можно дѣйствовать.

Мы были у болгарскаго епископа Поликарпа. Онъ отзывался, что болгары пріѣзжающіе не заходятъ къ нему (почему ничего не сказалъ намъ о движеніи болгаръ?!),—живущіе здѣсь мало пекутся о немъ и о церкви. По виду у нихъ все бѣдно. Зданіе для клира хорошо; но внутри нечисто и скудно.—Церковь деревянная—бѣдна внутреннимъ убранствомъ. Школы при ней нѣтъ.—Владыка Поликарпъ огреченъ; но въ душѣ болгаръ. Онъ составляетъ исторію Болгаріи и предъ нимъ—фоліанты. Пишетъ на греческомъ языкѣ, но послѣ намѣренъ переложить на болгарскій.

Черезъ Изворскаго кн. Богорида изъявилъ желаніе видѣть кого-нибудь изъ насъ.—Были мы съ секретаремъ Новиковымъ.—Князь устранился отъ бесѣды о движеніи болгаръ и увѣрялъ, что ничего не знаетъ о немъ и что къ нему никто не является. Вѣроятно; ибо его считаютъ принадлежащимъ партіи греческой.—Мысль его указана прежде.—Рсвнуеть паче всего о просвѣщеніи болгаръ. Прислалъ ко мнѣ пересмотрѣть одну книгу—собраніе бесѣдъ на (воскр.) евангелія круглаго года, составленное дѣдомъ его врачанскимъ епископомъ

Софроніемъ на болгарскомъ языкѣ и напечатанное въ 1805 году въ рымникской типографіи.—Бесѣды назидательны. Содержаніе ихъ взято изъ славянскихъ и греческихъ книгъ, какъ пишется въ предисловіи—болѣе изъ Теофилакта Болгарскаго. Каковъ болгарскій языкъ, не могу судить. Изворскій, Крестовичъ и Еровъ говорятъ, что во многихъ мѣстахъ онъ будетъ мало понятенъ пниѣ болгарамъ. Книга сдѣлалась рѣдкою,—а единственная есть, изъ которой читаются иногда поученія въ церкви болгарскому народу. Князь намѣренъ перепечатать сей сборникъ, какъ есть, съ примѣчаніями, гдѣ нужно, какъ памятникъ прежней письменности болгарской.—Не ожидаетъ ли онъ, что сіе изданіе сдѣлаютъ Русскіе?

Наконецъ, явился (1-го марта) и Геровъ. Что-то у него неладно. Ему предложено нашею удалиться изъ Филиппополя. Жаль, если не устроятъ его возвращенія. Школа много потеряетъ.—Не удосужится-ли онъ съѣздить въ Одессу?

Вотъ все, что могъ узнать о Болгарахъ.

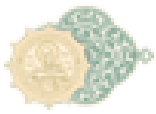
Между тѣмъ здѣшнія власти церковныя въ немаломъ горѣ и опасеніи за себя и за церковь. Ибо Турки (пишу, какъ слышалъ), пользуясь движеніемъ болгаръ, начали вмѣшиваться въ дѣла церкви и рѣшать ихъ помимо патріарха и сѵпода.—Какъ изданъ Апостоль экзархомъ?—Позволенія на выпускъ онъ просилъ у Порты. Къ патріарху былъ присланъ Портою уже одинъ экземпляръ для просмотра и утвержденія, если нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и правительству. Патріархъ приложилъ печать и отослалъ опять въ Портъ.

Апостоль уже продается (по 4 р. сер., какъ сказалъ Еровъ). Это, впрочемъ, небольшое дѣло. Есть значительнѣйшія! Слѣдствіе въ Терновѣ надъ епископомъ—(митроп.) производилось виддинскимъ нашею безъ депутата со стороны патріарха, не смотря на то, что послѣдній напоминалъ Портѣ о необходимости присутствовать ему на семъ слѣдствіи, по церковному

праву. Вслѣдствіе доноса сего наши патріархъ получилъ указъ или отставить митрополита, или вызвать его въ Константинополь. Патріархъ съ синодомъ и положили—не отставлятъ, а вызвать сюда, надѣясь какъ нибудь оправдать его; на мѣстѣ же его до времени оставить червенскаго епископа. О такомъ распоряженіи дали знать Портѣ. 26 февраля послана грамота патріарха въ Терновъ—въ семь смыслѣ.—2 марта Порта на той же бумагѣ патріарха (это презерство) дала ему приказъ: терновскій можетъ ѣхать сюда, но на его мѣсто послать боснійскаго митрополита, прежде сверженнаго по предложенію Порты (и это неловко послѣ распоряженія, сдѣланнаго уже патріархомъ).—Не потому ли Порта не согласилась повѣрить митрополичій тронъ терновскій—червенскому—считающемуся болгаромъ,—чтобъ не подать и вида, что готова удовлетворить желанію Болгаръ?—И нѣтъ ли потому у ней мысли—не внимать Болгарамъ?

Въ то же время (слухъ 4 марта) даны патріарху повелѣнія—смѣнить и замѣнить епископовъ артекаго и дринопольскаго—кои будто своими распоряженіями противятся видамъ правительства. И слуха не было никакого о нихъ и о дѣлахъ ихъ. Какъ швыряютъ!—Можетъ нерадили. Защита православныхъ противъ католиковъ и протестантовъ такая напасть?! Между тѣмъ другимъ вѣрователямъ оказывается всякое предпочтеніе и содѣйствіе. Въ Кассандрѣ близъ Солуня семействъ 15-ть приняли протестанство.—Патріархъ писалъ къ Аеонцамъ, какъ ближайшимъ—сойти къ симъ заблудшимъ и увѣщавать ихъ. Обратились опять къ матери своей, кромѣ трехъ. Слышно, что Порта дала солунскому пашѣ приказъ избрать сихъ именно въ *коджи-башецъ*—представителей общинъ.

Какъ все сіе произошло почти вдругъ, то въ синодѣ большіе страхи. 4-го марта рано утромъ позвали Ставродрамійскаго іеро-кирика—(іеродиаконъ Александръ) и рассказали ему все,—чтобъ передаль... Скорбно!—

Прибавьте къ тому... Порты каждому епископу новопоставленному давала брать, — грамату, кою утверждались его церковныя права. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны прекращена сія выдача. — Подозрѣвали, что симъ хотятъ уничтожить епископскія права; великая церковь просила объясненій, почему такъ дѣлается. Ей отвѣчено: мы знаемъ, почему такъ дѣлаемъ.

На дняхъ вышло постановленіе — (послѣ изданія Апостола экзархомъ), которымъ издатели книгъ обязываются представлять свои рукописи предварительно въ Министерство Просвѣщенія, и печатать уже не иначе, какъ съ его разрѣшенія, — не разбирая, церковная ли то книга, или свѣтская. — Католики привезутъ изъ Рима, Парижа, Вѣны — книги противъ православія; а православнымъ не будетъ свободы напечатать опроверженія на нихъ. — На дняхъ великая церковь учредила свою цензуру — изъ 7 или 5 членовъ. — Цѣли сего — не знаю. — Не предложено ли Портою?!

Церковная здѣшняя власть видитъ все сіе, со страхомъ ожидаетъ большихъ вгорженій турецкой власти въ дѣла церкви (ждемъ, говорятъ, — что въ синодѣ посадятъ турецкаго чиновника); но ни сама не имѣетъ силы и смѣлости противостоять (патріархъ слабъ), ни сторонней помощи ни откуда себѣ чаютъ не надѣется... Жалкое положеніе! — Ибо къ чему поведетъ это, при такомъ сильномъ вліяніи на дѣла Порты со стороны Французовъ — католиковъ и Англичанъ — протестантовъ? Можно считать это наказаніемъ за постановленіе здѣшней церкви молиться о помощи невѣрнымъ и еретикамъ противъ православнаго царя и царства (и доселѣ читается сія молитва, говорили Терновцы, въ церквяхъ). — Но Россіи, всегда великодушной, можно бы не оставлять своей матери по вѣрѣ въ этомъ безпомощномъ состояніи.

А что дѣлается на Ливанѣ?! 3-го марта приходилъ Дамаскинецъ Шхаде и вотъ что рассказывалъ о состояніи сирійскихъ христіанъ антиохійскаго патріархата! — Католики и про-

тестанты сильно беспокоятъ и нападаютъ, употребляя всякаго рода средства, и пользуясь всякимъ случаемъ.—Въ селѣ Амівъ трипольской епархіи,—въ сосѣдствѣ съ маронитами,—произошла размолвка между двумя домами,—по винѣ одного. Виновный для избѣжанія общественнаго суда и отвѣтственности, склонился къ маронитамъ и принялъ ихъ исповѣданіе. Эмиръ маронитовъ—маронитъ—вооруженно вошелъ въ село—при чемъ нѣсколько людей убито и женъ осквернено, далѣе ворвался въ церковь, изгналъ священника—не съ честію, и присвоилъ церковь себѣ,—подъ тѣмъ предлогомъ, будто она есть собственность приняшаго маронито-католическую вѣру.—Узнавъ объ этомъ, трипольскій владыка просилъ антиохійскаго патріарха ходатайствовать. Блаженнѣйшій Іероофій сначала обращался къ мѣстнымъ властямъ, но безуспѣшно; потомъ подалъ извѣтъ въ Порту, и ходатайство по сему дѣлу передалъ вселенскому и іерусалимскому патріархамъ. Хлопочутъ, но никакого успѣха нѣтъ,—и не чають, ибо дѣло маронитовъ—католиковъ взялъ подъ свою опеку французскій посоль.

Въ сопредѣльности съ Друзами (по направленію отъ Дамаска къ Іерусалиму) другія дѣла.—Друзы враждебно начали нападать на христіанскія селенія, добираясь особенно до старость. Отчего старшины села Раменя, предчувствуя бѣду, бѣжали въ Дамаскъ и теперь тамъ—со всѣми семействами. Село Хазбея,—значительное, ибо подъ нимъ состоятъ и другія села,—страждетъ болѣе.—И удивительно!—Друзы идолопоклонники высказываютъ себя здѣсь пропагандѣрами протестантскими;—и вотъ какъ!—Въ Хазбеѣ и около ея всѣмъ тѣсно, исключая двухъ протестантовъ, хазбейцевъ—(изъ которыхъ одинъ, негрезвѣй—другой сынъ священника, въ молодости убившій дѣвицу.... и за то невыбранный въ священники по смерти отца). Отъ тѣсноты нѣсколько маронитовъ приняли протестантство,—и имъ стало хорошо.—Приняли тоже протестантство нѣсколько католиковъ,—и эти нашли

облегченіе.—Ходъ дѣлъ весьма обольстительный.—Потому епископъ Тира Сидонскій—поспѣшилъ возбудить къ ходатайству ант. патріарха.... Блаженнѣйшій Героеей,—послѣ мѣстныхъ властей огнесся къ Портѣ... Ходатаи здѣсь тѣ же—вселенскій и іерусалимскій... Успѣха не видно. Думаютъ, что мѣшаетъ англійскій посоль.

Все это происшествія послѣднихъ мѣсяцевъ... Просятъ, послѣ удовлетворенія обиженныхъ, вотъ чего!

Какъ Друзы имѣютъ эмира изъ Друзовъ,—у маронитовъ эмиръ—маронитъ; то законно, чтобъ у христіанъ православныхъ—былъ эмиръ изъ нихъ же самихъ. Если этого не захотятъ, пусть поставятъ имъ эмиромъ турка,—только бы ни марониты, ни друзы не властвовали и не беспокоили ихъ.—Болѣе всего желаютъ смѣны эмира маронитскаго, какъ злѣйшаго врага христіанъ.—Успѣха нѣтъ—и движенія сему дѣлу никакого не видно.

Все въ совокупности—рисуетъ весьма безотрадную картину о состояніи христіанъ на Востокѣ.—Къ тому еще—давно уже ходитъ молва о смѣнѣ патріарха.—*Ищетъ прежній Анѳимъ.* Редклиеръ съ визиремъ готовы содѣйствовать ему. Члены синода можетъ быть и не прочь бы перемѣнить патріарха—добраго, но робкаго, какъ говорятъ и недалекаго. Только предвидя, что, заведши рѣчь о смѣнѣ его, они должны будутъ принять Анѳима—*нелюбимаго и оставившагося взяточникомъ*,—положили всѣми силами стоять за настоящаго патріарха и держать его до конца жизни.—Что ежели о смѣнѣ его и возведеніи Анѳима придетъ прямо указъ отъ Султана,—безъ всякихъ сиросовъ мнѣнія у Синода, и обычныхъ при семъ формальностей?!—Боже сохрани!!—Если такъ пойдутъ дѣла, то можемъ дожидаться, что, наконецъ, изыдетъ повелѣніе—быть всѣмъ католиками или протестантами.

Мало по малу раскрывается здѣшній церковный бытъ—и состояніе просвѣщенія въ народѣ христіанскомъ.

Вселенскій патріархъ—глава собственно патріархата константинопольскаго. Другіе патріархи—всѣ—дѣйствуютъ независимо отъ него, хоть въ Константинополѣ бывають покушенія и на нихъ наложить руку.—Только тогда, какъ какой патріархъ форменно передаетъ свое дѣло константинопольскому, сей послѣдній ходатайствуетъ о немъ, какъ о своемъ дѣлѣ.—Такъ теперь въ связи съ іерусалимскимъ (который есть эфоръ антиохійскаго) онъ ходатайствуетъ у Порты о христіанахъ, обижаемыхъ на Ливанѣ маронитами и Друзами.—Въ свою очередь, и другіе патріархи никакой части не имѣютъ въ здѣшнемъ синодѣ. Они сносятся съ патріархомъ, какъ равные съ равнымъ.—Вселенскій однакожъ—или великая церковь—пишетъ иногда братскія напоминанія другимъ. (Такъ писано, вслѣдствіе жалобы Константиі, —александрійскому о позволеніи служить литургію синайгамъ въ ихъ метохѣ въ Каирѣ... Но видно эти напоминанія необязательны. Александрійскій стоитъ на своемъ). У прочихъ патріарховъ, свои синоды, —по крайней мѣрѣ, могутъ быть временно.—Іерусалимскій, напр., когда надлежало насъ принять въ первый разъ, собралъ всѣхъ епископовъ и старцевъ,—и съ-обща рѣшилъ,—гдѣ насъ помѣстить, какъ насъ трактовать, какое мѣсто дать о. архимандриту въ митрѣ, когда объ этомъ предложено было патріарху. У Іерусалимскаго есть и зала—синодиконъ. У Антиохійскаго, какъ слышу, нѣтъ постоянно при немъ другихъ епископовъ. Александрійскому некого имѣть. Но право, думаю, остается за ними.

(Изъ патріарховъ въ Константинополѣ только Іерусалимскій; здѣсь же живали и его предшественники. Антиохійскій—пребываетъ въ Дамаскѣ, alexандрійскій—въ Каирѣ.—Не отлучались отъ своихъ престоловъ и ихъ предшественники. Іерусалимскій есть эфоръ антиохійскаго. Не есть ли онъ (надобно узнать) эфоръ и alexандрійскаго? Тогда объяснися, почему іерусалимскіе живутъ въ Константинополѣ).

Патріархъ Константинопольскій не одинъ управляетъ своимъ патріархатомъ, а вмѣстѣ съ 8 старцами, составляющими синодъ. Это митрополиты—кесарійскій, ефесскій, визическій, ираклійскій, никомидійскій, халкидонскій, никейскій, дерконскій,—кои суть неизмѣнные члены синода, и носятъ имя эфоровъ (попечителей—ходатаевъ).—И вотъ что есть великая церковь, опредѣленія которой такъ чтутся!

Не могу опредѣлить, въ какомъ отношеніи голосъ патріарха къ голосамъ всѣхъ; слышу только, что голосъ его всегда беретъ верхъ.—Можетъ быть, онъ никогда не остается одинъ: ибо въ синодѣ всегда есть партія патріархова и партія противная ему. Беретъ верхъ его голосъ, можетъ быть, потому, что въ связи съ голосами его партіи онъ становится сильнѣе остальныхъ.—Подпись однакожъ рѣшеній синода бываетъ такъ: патріархъ .. подписуется, прочіе... подписуются. Публикуются, когда нужно, опредѣленія синода патріаршею синодальною грамотою (образчикъ сего—грамота при уставѣ богословскаго училища).

Засѣданія синода бывають—во вторникъ, четвертокъ и субботу.—Ведется кодексъ дѣяній синода—по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.—(Своей епархіи дѣла—(т. е. почти одного Константинополя,—ибо по Босфору уже другой)—разбираетъ патріархъ въ понедѣльникъ, среду и пятокъ: при чемъ содѣйствователи ему протосинкель и архидіаконъ. Таковъ составъ управленія и всѣхъ епархій).

Значеніе митрополитовъ—старцевъ—эфоровъ—ново для насъ.—Между ними раздѣлены всѣ епархіи патріархата. Епархіальные епископы, въ случаѣ какого дѣла, кромѣ форменнаго извѣщенія синода, особо и подробнѣе излагаютъ дѣло своему эфору, на которомъ лежитъ давать объясненія, при рѣшеніи дѣла въ синодѣ,—и защищать своихъ. Онъ же, должно быть, ходатайствуетъ за нихъ и предъ Портою.—Распредѣленіе епархій по эфорамъ утвердилось обычаемъ. Но всякому епископу предоставляется свобода избирать эфоромъ

своимъ, кого хочетъ. Эфоры сіи, какъ неизмѣнные члены синода, постоянно живутъ въ Константинополѣ (кесарійскаго и никейскаго нѣтъ нынѣ здѣсь: они дома. Но потому и не суть эфоры, хотя числятся членами синода).—Въ 1847 г. мы видѣли здѣсь 12 митрополитовъ. Изъ этого можно заключить, что составъ синода по временамъ можетъ увеличиваться и членами—только присутствующими. Не измѣняются ли еще они?—Ибо подъ грамотою при уставѣ подписались другіе.—Теперь никого нѣтъ въ Константинополѣ, кромѣ исчисленныхъ эфоровъ,—за исключеніемъ кесарійскаго и никейскаго.

Производство въ патриархи есть дѣло весьма скрытное и запутанное. Скажу пока, что слышалъ.—Первое движеніе къ смѣнѣ начинается по неудовольствіямъ на патриарха, его ошибкамъ или недостаткамъ.—Дѣйствующія при семъ лица—эфоры, знать и правительство. Каждая партія эфоровъ (всегда есть сіи партіи) всячески хлопочетъ возвестъ въ патриархи своего, чтобъ послѣ при рѣшеніи дѣлъ въ синодѣ имѣть его всегда на своей сторонѣ и чрезъ то имѣть перевѣсъ. Для успѣха—чрезъ посредство сильныхъ изъ турокъ или грековъ напередъ располагаютъ правительство въ пользу своего избранника.—На чьей сторонѣ сильнѣе сіи ходатаи, та и беретъ верхъ.—Патриархъ при производствѣ не тратится самъ: всѣ расходы при семъ покрываются казною патриархага. Развѣ можетъ быть ищущій сего мѣста (ибо не всегда есть ищущіе) задобриваетъ эфоровъ и сильныхъ земли подарками, или обѣщаніемъ ихъ.—Вообще много темноты въ семъ—всегда несвѣтломъ—дѣлѣ.

Производство на епископскія мѣста проще.—Всякое мѣсто оцѣнено,—соразмѣрно широтѣ свой и достатку.—Ищущій или избираемый синодомъ (и это бываетъ) долженъ взнести сію опредѣленную сумму въ казну патриархата, или народную, какъ еѣ называютъ.—Въ то же время негласно дается такое-же количество и лично патриарху.—Бываетъ и такъ, что ищущій (только ищущій), чтобъ получить мѣсто даетъ

патріарху болѣе положеннаго; но тогда и въ общую казну онъ вноситъ столько же. Такъ создается казна великой церкви и такъ богатѣютъ патріархи! Давно, говорятъ, потеряна тактика въ семъ дѣлѣ. Случается, что святѣйшій, изъ опасенія оскудѣть, грозитъ лишить, или дѣйствительно лишаетъ значительнаго мѣста, подѣ какимъ-нибудь предлогомъ.— И то и другое не бываетъ бесполезно.—Такъ дѣйствовалъ, говорятъ, не разъ прежній Анеимъ.

Патріархъ поставляетъ митрополитовъ. Не это ли послужило причиною, что такъ размножены митрополиты?! Епископовъ, состоящихъ подѣ митрополитами, ставятъ митрополиты. Такъ—врачанскій и ловчанскій—поставлены терновскимъ митрополитомъ.

Производство священниковъ. Въ свою очередь, и у епископовъ всѣ приходы оцѣнены соразмѣрно съ ихъ достаткомъ и величиною. Ищущій священническаго мѣста самъ, или избираемый приходомъ, вноситъ сію опредѣленную сумму епископу,—и посвящается. Цѣна мѣста можетъ возрасти случайно, когда ищущій не одинъ. Говорятъ, что при семъ не весьма строгое обращается вниманіе на достоинства лица.

Другіе источники доходовъ для епископа суть: 1) сборъ со всей епархіи—въ первое вступленіе на нее, какъ подарокъ—филотимонъ—по 50 к., 1 руб. и болѣе—съ дома.—Черезъ 7, а у иныхъ черезъ 3 года сей филотимонъ повторяется;—2) *годовой сборъ* съ приходовъ. Каждый приходъ ежегодно долженъ внести положенную сумму.—Для сбора сихъ взносовъ посылается одно лице отъ епископа и одинъ повѣренный отъ того общества, гдѣ живетъ епископъ. 3) *свадьбы*. Разрѣшеніе на нихъ всегда даетъ епископъ—недаромъ. Для достаточныхъ изобрѣтаютъ много препятствій и за преодоленіе ихъ требуютъ произвольно—благодарности. Здѣсь протосинкель съ архидіакономъ не забываютъ себя, равно какъ и при поставленіи священниковъ. 4) *Похороны*,—и епископскія обѣды по умершимъ. Зажиточнымъ иногда даютъ

знать, что неприлично имъ ограничиваться однимъ священническимъ поминомъ. 5) Добровольный *принѣзъ епископа* въ какой либо приходъ и служба въ его церкви.—Эта честь приходу отъ епископа—отдѣливается. 6) Кажется, и *каждый священникъ*, или протопопъ:—(ибо рѣдкій приходъ имѣетъ,—имѣетъ ли даже—одного священника)—отъ своего лица ежегодно вносить что-то за церковь и священствоваіе въ ней.

Изъ всѣхъ сихъ источниковъ, какъ видно, всякій епископъ можетъ достать себѣ безбѣдное содержаніе. Неоднократно слышалъ не только отъ болгаръ, но и отъ грековъ: „архіереи у насъ богаты, а іереи бѣдны до нищеты“.

Содержаніе церквей. Строеіе церквей, украшеніе ихъ, снабженіе всѣмъ нужнымъ,—пріискиваніе нужнаго числа священниковъ—лежитъ на общинѣ, или приходѣ.—Община, или приходъ избираетъ каждагодно 3—4 старосты—епитропа, и на нихъ возлагаетъ попеченіе о церкви.—Они принимаютъ церковь со всѣмъ ея имуществомъ отъ прежнихъ епитроповъ,—въ свой годъ собираютъ складчину въ церкви—(ходя съ тарелкою) и по домамъ. Недвижимое имущество церковное (гдѣ есть—дома—поля) тоже завѣдывается ими.—Этимъ сборомъ или вкладами содержатъ церковь во всей широтѣ сего слова.—Изъ него же выдается помѣсячно жалованье священникамъ.—(Въ Константинополѣ и около такъ; не знаю, такъ ли и въ селахъ. Діаконовъ нѣтъ: есть только при епископахъ.—Поютъ и читаютъ прихожане. Рѣдко-рѣдко гдѣ есть пѣвчіе на жалованьѣ, но это не клирики). Часть сбора удѣляется и на школу; въ иныхъ мѣстахъ школа вполне содержится церковію, въ иныхъ—содержаніе ея—совсѣмъ отдѣльная статья, хоть тоже лежитъ на общинѣ.—Судя по до статку прихожанъ, все сіе бываетъ скудно, посредственно и цвѣтуще.

Священники въ Константинополѣ и по Босфору—всѣ іеромонахи. Они пріискиваются, судя по нуждѣ, епитропами,—съ согласія общины, или прихода на условіяхъ. Кромѣ,

впрочемъ, мѣсячнаго жалованья священники имѣютъ доходы и отъ исправленія требъ.—Священникъ, недовольный прихожанами, свободно отходитъ, и прихожане, недовольные священникомъ, свободно отсылаютъ его. Думаю, что для іеромонаховъ этотъ порядокъ вездѣ одинаковъ.—Но женатые въ селахъ какъ-нибудь крѣпче связаны съ своими приходами¹⁾.

Въ Константинополѣ считается до 40 церквей. Образъ ихъ содержанія у всѣхъ одинаковъ. При каждой есть по нѣскольку священниковъ. Напр., Славродрамская церковь—недалеко отъ насъ—имѣетъ 10-ть іеромонаховъ.—Къ значительнѣйшимъ церквямъ и приходамъ назначаются епископы—викаріи патріарха—и живутъ при нихъ: это по желанію прихожанъ,—или чести ради церквей и прихода. Такихъ насчитываютъ въ Константинополѣ 11-ть, но ихъ можетъ быть болѣе и менѣе. Часть изъ нихъ—епископы, лишеныя какъ-нибудь своихъ престоловъ. Но есть и прямо рукополагаемые къ симъ церквямъ.—Монастырей въ Константинополѣ нѣтъ, если не считать (какъ и не должно) патріархію, метохи (іерусалимскій, синайскій, аѳонскій, мегъ—спилейскій греческаго царства) и балуклійское заведеніе богоугодное. При нѣкоторыхъ есть довольно служащихъ іеромонаховъ и послушниковъ—монаховъ,—и служба идетъ неопустительно каждый день.

Школы. Обученіе дѣтей тоже лежитъ на общинѣ. Прихожане какой либо церкви, возчувствовавъ нужду обучать своихъ дѣтей, совѣщаются между собою, дѣлаютъ складчину, строятъ или нанимаютъ домъ,—заготавливаютъ все нужное, приискываютъ учителя—одного или двухъ. Вотъ и школа!—Отъ того здѣсь всѣ школы при церквяхъ, отъ которыхъ получаютъ и названіе²⁾.—Для попеченія о школахъ каж-

¹⁾ Тамъ они большею частію мѣстные жители.

²⁾ Учитель большею частію выѣзтъ и пѣвецъ въ церковь. Всѣ ученики съ нимъ поютъ при богослуженіи—въ унисонъ.

догодно избираются изъ прихожанъ эфоры. Они промышляютъ о всѣхъ ея нуждахъ, смотрятъ и за учителями и за ученіемъ. Схолархъ подчиненъ имъ, а всѣ въ школѣ—схоларху. Сумма собирается по подпискѣ. Отчетъ во всемъ эфоры даютъ, по истеченіи года, общинѣ чрезъ слѣдственную комиссію.—Всѣ школы дѣлятся на два разряда. Однѣ—*а.т.т.лодидактическія*—первоначальныя, тоже почти, что наши приходскія. Другія—*еллинскія*. Симъ именемъ означаются тѣ школы, или части школъ, въ которыхъ преподается древній еллинскій языкъ, (катихизисъ, священная исторія, ариѳметика и другое что можетъ имѣть мѣсто и въ тѣхъ и другихъ школахъ). Школы еллинскія можно сравнить съ нашими уѣздными училищами.—На Востокѣ странный обычай—означать и отличать школы по числу языковъ, въ нихъ преподаваемыхъ.—Имѣтъ школы такъ именуемыхъ еллинскихъ три походятъ на наши гимназіи. Это 1) великая школа (*γυμνασιον*)—всего народа (разумѣется греческаго), при патріархѣ; 2) школа купеческая—на островѣ Халки въ монастырѣ Пресвятыя Богородицы, недалеко отъ Богословскаго училища; 3) школа въ Перѣ на Ставродрамѣ недалеко отъ насъ, при церкви Пресвятыя Богородицы.—Прилагаемый уставъ есть уставъ сей именно школы. По нему можно судить объ устройствѣ и другихъ школъ. Разность только въ числѣ предметовъ, напр., въ школѣ *γυμνασιον* преподается философія, до чего ставродрамская еще не дошла. Можетъ быть, приложить въ слѣдующій годъ, если позволятъ средства и найдется учитель. Школа *γυμνασιον* имѣетъ, кажется, и какое-то имѣніе,—обеспечивающее ея существованіе.

При каждой почти церкви есть школа.—Прилагается списокъ церквей и школъ.

Что до Халкинскаго училища, то уставъ его даетъ о немъ полное понятіе. Вижу, что оно приготовляетъ весьма хорошихъ пастырей. Отъ него одного можно ожидать перерожденія здѣшняго клира. При ставродрамской церкви—проповѣдникъ и законоучитель въ школѣ ея—іеродиаконъ Але-

ксандръ проповѣдми, преподаваніемъ и жизнію оказываетъ большое вліяніе. Если еще есть сколько-нибудь такихъ, то училище, воспитывающее ихъ, достойно всякой чести. Сильнѣйшее вліяніе въ семь училищъ оказываютъ—схолархъ-Владыка Типандо—познаваніями, жизнію и управленіемъ, и учитель словесности—Танталиди—риторъ сильный, хотя слѣпой уже почти. Всѣ богословскія науки составлены Владыкою схолархомъ и имъ преподаются отчасти. Конспектъ ихъ составляю, когда достану уроки.

Кстати приложу, что слышалъ отъ Дамаскинца. При словѣ о школахъ,—вотъ что имъ говорено! У насъ есть нѣсколько школъ, но плохи. Нѣтъ учителей. Одинъ въ Дамаскѣ о. Іосифъ—знаетъ кое-что самоучкою. Недостатокъ учителей почувствованъ давно. Неофитъ Іліопольскій, почившій въ Москвѣ, ревновавшій о благѣ арабскихъ церквей и христіанъ, испросилъ будто у покойнаго Императора позволеніе 10-ти арабскимъ юношамъ обучаться въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—чтобъ по возвращеніи они могли занять мѣста учителей.—Шхаде (кто и говоритъ) поднялъ сіе дѣло теперь и побудилъ блж. Іеровея—собрать сколько-нибудь арабскихъ дѣтей и препроводить ихъ въ Константинополь, а отсюда въ Россію. Владыка отвѣчалъ, что боится, не заставили бы его содержать сихъ мальчиковъ на свой счетъ.—На этомъ остановилось дѣло... Это теперь.

Была рѣчь и о *метохъ*¹⁾. Но она встрѣчена съ какимъ то страхомъ—какъ неожиданная, небывалая новость—у насъ.—Съ греками властными не было рѣчи.—Нельзя покупать земли не подданному.—Еслибъ правительство вздумало устроить гошпиталь (для матросовъ,—поклонниковъ, а подъ видомъ ихъ

¹⁾ Метохъ—подворье.

и для всѣхъ православныхъ), то при немъ, безъ всякаго труда, могла бы быть отдѣлена часть и для братства съ церковію.—Мѣсто подѣ гошпиталь, можетъ быть, и даромъ дадутъ: по крайней мѣрѣ, отказа не будетъ.—А какъ бы много сей гошпиталь далъ намъ вѣса въ глазахъ православнаго народа?! Но кто предложитъ?!—У французовъ, австрійцевъ и англичанъ есть. А русскіе своихъ больныхъ должны посылать въ чужіе гошпитали!

Вотъ все, что могъ узнать.—Желаю отъ всей души удовлетворить требованіямъ Вашего Высокопреосвященства, и хоть сколько-нибудь оправдать Ваши ожиданія.—Но мы попали въ Константинополь въ такое время, когда хорошо знакомиться со своими стѣнами.

Благословите. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

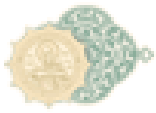
Вашего Высокопреосвященства
нижайшій послушникъ
Архимандритъ Теофанъ.

9 марта 1857 года

Р. S. Папа издалъ молитву объ обращеніи восточныхъ христіанъ, съ индульгенціями; тѣмъ, кои прочтутъ еѣ съ благоговѣніемъ, дается прощеніе—300 дневное; а тѣмъ, кои цѣлый мѣсяцъ сряду будутъ читать еѣ, всецѣлое дается прощеніе и на души, находящіяся въ чистилищѣ.

Вотъ сія молитва!

„О пренепорочная Дѣво Маріа! Мы рабы твои и чада св. церкви, полные вѣры въ силу заступленія Твоего, смиренно молимся Тебѣ—исходатайствуй у Св. Духа, да во славу и честь вѣчнаго исхожденія Своего отъ Отца и Сына, ниспослетъ Онъ дары Свои заблудшимъ братіямъ нашимъ—схизматикамъ грекамъ,—чтобъ они, просвѣтившись животворящею благодатію Его, отступили отъ гордыни и прельщенія сердца своего и, ставъ благопокорны и смиренны духомъ, обратились

въ лоно католической церкви подѣ непогрѣшительное водительство перваго пастыря и учителя ея, верховнаго понтифекса римскаго: —чтобѣ, искренно соединившись съ нами, такимъ образомъ, неразрывными узами той же вѣры и той же любви, вмѣстѣ съ нами славили и они Пресв. Троицу, а съ Нею и Тебя, о Дѣво и Матерь Бога, Благодатную нынѣ и во вѣки. Буде“.

Въ Аѳинахъ началъ издаваться духовный журналъ—евангельскій проповѣдникъ. Вотъ оглавленіе первыхъ двухъ номеровъ.

№ 1. О св. Писаніи. Благоплодіе и населеніе Палестины. Слово при вступленіи на богословскую кафедру. Жизнь Христа. Первые вѣка Церкви. Храмъ св. Анны въ Іерусалимѣ.

№ 2. О Св. Писаніи. Климатъ Палестины. О притчахъ Св. Писанія. Ереси перваго вѣка христіанства. Жизнь христіанъ въ первыя времена Церкви. О музыкѣ еврейской. Повѣсть о св. Іоаннѣ Евангелистѣ.

Издателя: Архимандритъ Діонисій Клеопа и Константинъ Кондогони... Профессоръ богословіи въ Панепистими.

СЛОВО ВЪ ВЕЛИКІЙ ПЯТОКЪ *).

Итакъ, братіе, въ круговоротѣ временъ опять насталь тотъ день, въ который весь міръ православный воспоминаеть крестную смерть Господа Иисуса Христа!.. И вотъ, опять собрались мы ко гробу Спасителя своего, снова благоговѣйно взираемъ на божественную главу Его, увѣчанную терновымъ вѣнцомъ, снова въ чувствѣ глубочайшей благодарности готовимся лобызать Его пречистыя рудѣ и нозѣ, прободенныя язвами гвоздинными! И съ какимъ инымъ чувствомъ, какъ не съ чувствомъ глубочайшей благодарности прежде всего, можемъ мы приступить къ сему священному гробу?! Въ семъ гробѣ навсегда сокрыто рукописаніе грѣховъ нашихъ, погребенъ нашъ ветхій человѣкъ! Въ семъ гробѣ снято проклятіе, много вѣковъ тяготѣвшее надъ міромъ, и уничтожено средостѣніе вражды, раздѣлявшей небо и землю! Въ семъ гробѣ сокрушена держава смерти и отверзты намъ врата, ведущія въ животъ вѣчный! Изъ сего гроба возсіяла радость всему міру!

Но, братіе, въ семъ гробѣ Спасителя нашего не только утѣшеніе наше, а и наше назиданіе, и наше обличеніе. *Христосъ пострада по насъ, намъ оставъ образъ* (1 Петр. II, 21). Поэтому, взирая на сей гробъ благоговѣйными и благодарными очами, будемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поучаться, будемъ

*) Произнесено въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 31 марта 1895 года.

внимать той безмольной увѣщающей и обличающей проповѣди, которая изъ него слышится!

Сей гробъ—свидѣтельство безконечной любви къ намъ небеснаго Отца, *хотящаго всемъ человѣкомъ спастися* (1 Тим. II, 4) и не пощадышаго для искупленія насъ и Сына Своего Единороднаго. Сей гробъ—яснѣйшее доказательство безконечной любви къ намъ Сына Божія, ради насъ принявшаго поношеніе и уничиженіе, оплеванія и заушенія, бичеваніе и смерть. Симъ гробомъ и намъ проповѣдуются о необходимости взаимной христіанской любви. *Аще сиче возлюбилъ есть насъ Богъ*, говоритъ Апостоль, *и мы должны есмы другъ друга любить* (1 Іоан. IV, 11),—и не словомъ, ниже языкомъ, но деломъ и истиною. (III, 18)! *Се есть заветъ*, еже слышасте *исперва* (III, 11)! Только *аще другъ друга любимъ, Богъ въ насъ пребываетъ, а не любя, и не позна Бога* (1 Іоан. IV, 12. 8)!

Братіе! Взирая на сей гробъ Спасителя своего, можемъ-ли мы сказать, чтобы въ нашей жизни водворились начала любви, Имъ проповѣданныя?! Не ищемъ ли всѣ мы больше всего своихъ си! Не себялюбіе-ли заправляетъ нашими взаимными отношеніями! Не ненависти ли больше въ мірѣ, чѣмъ истинной христіанской любви! О если бы сей гробъ, уготованный безконечной любовью Божественной, послужилъ намъ непрестаннымъ напоминаніемъ о необходимости взаимной любви, о необходимости упорной борьбы съ себялюбіемъ и ненавистью, господствующими въ насъ!

Сей гробъ, далѣе, яснѣйшее доказательство покорности Спасителя нашего воли Отчей.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ все творилъ по волѣ небеснаго Отца. По Его волѣ сошелъ Онъ съ неба на землю, по Его волѣ принялъ зракъ раба, по Его волѣ претерпѣлъ и крестныя муки, закончившіяся положеніемъ во гробѣ. *Не могу Азъ*, говоритъ Онъ, *о Себѣ творити ниче*... *Яко не ищу воли Моея, но воли послышаю Мя Отца* (Іоан. V, 36). *Не якоже Азъ*

хощу, но якоже Ты (Мф. XXVI, 39)! Не Моя воля, но Твоя да будетъ (Лк. XXII, 42)!

Братіе! *Христосъ пострада по насъ, намъ оставь образъ* (1 Петр. II, 21). Но можемъ-ли мы сказать о себѣ, что мы всегда покорны волѣ небеснаго Отца! Не по своему ли желанію ббльшею частію хотимъ мы устроить свою жизнь, забывая о заповѣдяхъ Божіихъ! Не пытается ли постоянно умъ нашъ, зараженный гордыней, по своему устанавливать порядокъ жизни, по своему опредѣлять права человѣка на земное счастье, по своему намѣчать пути божественному Промыслу! Кому не извѣстно, что почти всѣ мы не довольствуемся тѣмъ жребіемъ, который посланъ намъ по волѣ небесной, почти всѣ мы присвоаемъ себѣ права на лучшую участь, отнимая ихъ у тѣхъ, за которыми признаны они Небеснымъ Судією!..

Братіе! Покорность волѣ Отчей воздвигла сей гробъ, источившій радость всему міру: только покорность волѣ Божіей и для насъ можетъ быть источникомъ истиннаго счастья. Нашему ли слабому уму постигнуть пути божественные въ необъятномъ зданіи міра?! Намъ ли дерзать роптать на то, что совершается по волѣ любвеобильнаго Отца, *о Немъ же живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. XVII, 28)! Отъ насъ требуется только испытывать, *что есть воля Божія, благая и угодная*. Отъ насъ требуется во всемъ сообразоваться съ ней и быть готовыми претерпѣть всякое искушеніе и страданіе, посылаемое Богомъ... *Понеже, говоритъ Апостолъ, приобщаетесь Христовымъ страстямъ, радуйтесь, яко да и въ явленіе славы Ею возрадуетесь, веселящися* (1 Петр. IV, 13).

Сей гробъ—вѣчный памятникъ служенія Господа Іисуса Христа человѣческому роду.

Мы видимъ въ семъ гробѣ образъ Сына Человѣческаго, уничиженнаго, поруганнаго, вознесеннаго на крестъ. Но можемъ-ли мы въ длинномъ рядѣ вѣковъ минувшихъ и грядущихъ, среди тысячи людей, слава о которыхъ достигла предѣловъ земли,—можемъ ли указать образъ болѣе величествен-

ный, болѣе поражающій насъ, чѣмъ образъ Лежащаго во гробѣ Богочеловѣка? Кто въ благоговѣйномъ удивленіи не преклонится предъ симъ Страждущимъ и Уничиженнымъ? Кто, взирая на Него, не скажетъ съ умиленіемъ сердечнымъ: *се человекъ!* вотъ истинный, совершенный человѣкъ,—человѣкъ, въ которомъ была вся полнота добра, возможнаго на землѣ!.. Но это величіе Распятаго Богочеловѣка заключается, прежде всего, въ томъ, что Онъ *служилъ* роду человѣческому. Служеніе было основною и отличительною чертою всей Его земной жизни и дѣятельности. *Не прииде Сынъ Человѣческій, говорилъ Онъ о Себѣ, да послужатъ Ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѣ. XX, 28)! И въ теченіе всей Своей земной жизни, въ каждомъ Своемъ словѣ и дѣлѣ Онъ служилъ людямъ,—служилъ, повинаясь только волѣ Отчей, не ища Своея славы, иѣдая неблагодарность человѣческую. Сей гробъ былъ только послѣднимъ и самымъ великимъ подвигомъ Его служенія міру!..

Братіе! Готоваясь лобызать образъ Спасителя своего, Лежащаго во гробѣ семъ, спросимъ себя: много ли между нами людей, безкорыстно, самоотверженно служащихъ ближнему? Не охотѣе ли всѣ мы пользуемся служеніемъ другихъ и не болѣе ли хотимъ всѣ повелѣвать! Какъ часто въ наши дни полагаютъ и все величіе человѣка во власти, въ богатствѣ, во внѣшнемъ блескѣ,—къ этому стремятся всю жизнь и, только достигнувъ этого, считаютъ себя счастливыми!.. Но пусть всѣ, ищущіе земнаго величія, взираютъ на сей священный гробъ и поучаются. Не власть большая, не богатства, не почести мірскія, не внѣшній блескъ дѣлаютъ человѣка истинно великимъ, а служеніе ближнимъ,—служеніе самоотверженное, *не ищущее своихъ си*, соединенное съ преданностью волѣ Божіей, съ готовностью положить душу свою за други своя! И только тотъ, кто всю жизнь идетъ этимъ путемъ, можетъ считать себя истиннымъ послѣдователемъ распятаго Господа и долженъ быть названъ великимъ человѣкомъ, въ христіанскомъ смыслѣ этого

слова... *Князи языкъ господствуютъ ими, и великими обладаютъ ими. Не тако же будетъ въ васъ: но иже аще хочетъ въ васъ вѣдый быти, да будетъ вамъ слуга: и иже аще хочетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ* (Мѡ. XX, 25—27).

Сей гробъ—обличеніе нашихъ страстей, нашей гордости и зависти, ибо онъ воздвигнутъ былъ вѣкогда гордостью и завистью первосвященниковъ и книжниковъ іудейскихъ.

Изучившіе букву закона, хранившіе строго предписанія обрядовца, первосвященники и книжники ослѣплены были своею мнимою праведностью и не могли понять силы креста Христова. Поучавшіе другихъ, они считали униженіемъ для себя внимать ученію Того, изъ устъ Котораго исходили глаголы живота вѣчнаго. Привыкшіе къ почитанію народному, они не могли стерпѣть, когда толпы народа, оставляя ихъ, шли за Христомъ. И вотъ, гордость и зависть побуждаютъ ихъ искать смерти Господа! Путемъ клеветы они возводятъ рядъ преступленій на Того, Кто не имѣлъ и тѣни грѣха, осуждаютъ на крестъ Невиннаго и Святаго! И замѣтите, братіе, какую силу имѣютъ въ душѣ человѣческой чувства гордости и зависти! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, ясно говорило все о томъ, что въ Лицѣ Іисуса Христа избранный народъ получилъ Того, Кто былъ много вѣковъ чаяніемъ всѣхъ языковъ! И Его ученіе, высокое и святое, и Его дѣла, подобныхъ которымъ никто никогда не творилъ, и необыкновенное величіе, проявленное Имъ въ часы страданій, и наконецъ, тѣ страшныя знаменія, которыми сопровождалась Его крестная смерть,—все это ясно указывало, что на крестъ вознесенъ великій Праведникъ и истинный Сынъ Божій! Можно бы ожидать, что фарисеи и книжники, хотъ теперь, у подножія креста, сознаютъ свое заблужденіе и, исполняя слово пророка, со слезами покаянія *возвратъ на Нь, Ею же прободоша* (Зах. XII, 10). Но что же мы видимъ? Страшное событіе, поколебавшее основанія земли, омрачившее солнце, раздравшее цер-

ковную завѣсу, пробудившее мертвыхъ, не тронуло окаменѣлыхъ сердець, не отверзло ослѣпленныхъ гордостью и завистью очей!.. Съ спокойною совѣстью, даже съ сознаниемъ правоты совершеннаго дѣла, первосвященники и книжники расходились по домамъ, готовясь праздновать отнынѣ уже потерявшую свое значеніе ветхозавѣтную пасху. Мало того: боясь, что дѣло уничиженія Сына Человѣческаго смертью Его еще не доведено до конца, они идутъ къ Пилату и говорятъ ему: *помянухомъ, яко мѣстѣ оу рече еще живъ сый: по тріехъ днехъ востану. Повели убо утвердити гробъ до третьяго дне, да не како пришедше ученицы Его нощію, украдутъ тѣло Его, и рекутъ людемъ: воста отъ мертвыхъ: и будетъ послѣдняя лѣсть юрша первая* (Мѣ. XXVII, 64). Даже и по воскресеніи Христовомъ, когда уже не могло болѣе оставаться мѣста сомнѣнію въ Его божествѣ, первосвященники и книжники продолжаютъ пребывать въ своемъ невѣріи и путемъ клеветы стараются сокрыть истину отъ другихъ. *И собравшися со старцы, совѣтъ сотвориша, сребреники доволны даша воиномъ, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его нощію пришедше украдоша Его, намъ спящимъ* (Мѣ. XXVIII, 12—13).

Вотъ гибельные плоды гордости и зависти! Видите, какъ эти страсти ослѣпляютъ человѣка, какъ закрываютъ отъ него самую очевидную истину, какъ дѣлаютъ его способнымъ ко всякимъ претупнымъ дѣяніямъ!

Братіе! Не властвуютъ ли и въ нашей жизни именно эти двѣ страсти?! Не онѣ ли часто исключительно управляютъ дѣятельностью нашего сердца и ума?! Кому не извѣстно, сколько есть среди насъ фарисеевъ, ослѣпленныхъ своею мнимою праведностью и потому, подобно древнимъ фарисеямъ, не могущихъ понять силы Креста Христова?! Мало-ли въ наши дни разнаго рода книжниковъ, въ ослѣпленіи гордостью ума своего противящихся самымъ яснымъ христіанскимъ истинамъ, проповѣдующихъ самую очевидную ложь и при всемъ томъ *мнѣющимъ службу приносить*

Бою (Іоан. XVI, 2)?! И сколько вообще зла, раздоровъ, клеветы, неправды порождаютъ гордость и зависть въ нашей обыденной жизни! О если бы гробъ Спасителя нашего, воздвигнутый гордостью и завистью человѣческой, послужилъ намъ непрестаннымъ напоминаніемъ о гибельныхъ плодахъ сихъ страстей, и память о немъ была побужденіемъ для борьбы съ ними!

Но сей гробъ—обличеніе не только нашей гордости и зависти, а и всего направленія нашей жизни!

Какимъ трепетомъ исполняется благочестивое сердце, когда вдуматься въ смыслъ событій, напоминаемыхъ симъ гробомъ!.. Единородный Сынъ Божій сходитъ на землю и принимаетъ плоть человѣческую! Творецъ неба и земли, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ является въ зракъ раба! Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою, одѣвая небо облаки, нагъ предстоитъ на судѣ беззаконнаго соборища, одеждою облачается поруганія! Рукою создавый человѣка заушается брэнною рукою! Цѣлитель недуговъ и болѣзней пріемлетъ заплеванія и раны! Владыка твари и Господь славы притвождается на крестѣ! Тотъ, Которому не довлѣютъ небо и земля, во гробъ малъ страннопріемлется!..

Итакъ, для нашего искупленія отъ власти грѣха принесена безконечно великая жертва. *Не истиннымъ серебромъ или златомъ избавистесь отъ суетнаго вашего житія... но честною кровію яко аинца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. I, 19). Новое благодатное царство, въ которомъ живемъ мы, уготовано крестною смертію Сына Божія. Тѣ заповѣди, которыя должны служить правилами нашей жизни, запечатлѣны пречистою кровію Безгрѣшнаго и Святаго. Столь дорогою цѣною куплено наше спасеніе! Такъ ненавистенъ въ очахъ Божіихъ грѣхъ!..

Но, взирая на сей гробъ Спасителя нашего, спросимъ себя, братіе: помнимъ ли мы непрестанно о той великой жертвѣ, которая принесена въ наше искупленіе? Пользуемся-ли мы плодами сей жертвы и относимся ли къ дѣлу спасенія

своего съ тѣмъ вниманіемъ, съ тою заботливостію, которыя соотвѣтствовали - бы величію принесенной за насъ жертвы? Нѣтъ! Грѣхъ, столь ненавистный Богу, по прежнему царствуетъ между нами! Въ беззаконіяхъ мы зачинаемся, во грѣхахъ рождаемся, сѣтью грѣха опутана и вся оставшая наша жизнь!.. Заповѣди Христовы, запечатлѣнные Его пречистою кровію, легкомысленно и безъ сожалѣній почти—постоянно нарушаются нами! Слишкомъ мало мы трудимся для того дѣла, ради котораго вознесенъ на крестъ Господь Іисусъ Христосъ!.. А наступаетъ день крестной смерти Христовой,—и опять собираемся мы ко гробу Его, опять преклоняемся предъ Его божественнымъ образомъ, опять лобызаяемъ Его пречистыя руцѣ и нозѣ!..

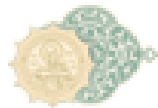
Братіе! И Іуда лобызалъ Господа!.. И воины преклонялись предъ Нимъ, говоря: *радуйся, царю Іудейскій!*.. Однихъ преклоненій предъ симъ гробомъ, однихъ лобзаній лежащаго въ немъ Образа—не достаточно. Мы должны, подобно Апостолу, *язвы Господа Іисуса Христа, мертвость Его всегда на тѣлѣ своемъ* носить (Гал. VI, 17; 2 Кор. IV, 10). Отъ насъ требуется непрестанное памятованіе о Распятомъ Господѣ, умерщвленіе своего ветхаго чловѣка съ его *страстями и похотями*, постоянная трезвенная жизнь, сообразная великой жертвѣ, принесенной въ наше искупленіе! По слову Апостола, своими грѣхами мы *второе*, снова распинаемъ въ себѣ Сына Божія и ругаемся надъ нимъ (Евр. VI, 6). Но *Господь Богъ поругаемъ не бываетъ* (Гал. VI, 7)! *Мнѣ отмщеніе*, говоритъ Онъ, и *Азъ воздамъ* (Втор. XXXII, 35)! Поэтому каждая капля безцѣнной крови Христовой, пролитой на крестѣ, взыщется отъ насъ. И если за своихъ первыхъ распинателей Господь Іисусъ Христосъ молил: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ!* то что скажетъ Онъ Отцу небесному о насъ, которые сознательно распинаемъ Его своими грѣхами?!

Мы далеко не исчерпали, братіе, всего обилія тѣхъ назидательныхъ мыслей и чувствъ, которыя въ душѣ вѣрующей возбуждаются видомъ сего священнаго гроба. И можно ли выразить словомъ все, о чемъ душамъ благочестивымъ безмолвно проповѣдуетъ сей гробъ!.. Пусть собственное сердце до скажетъ каждому, что не договорено нами, и укажетъ всѣ многоразличныя уклоненія отъ образа, оставленнаго намъ Господомъ Иисусомъ Христомъ!..

Приступимъ же со страхомъ Божиимъ и вѣрою, со слезами умиленія и покаянія ко гробу, Спасителя своего! Но, преклоняясь предъ симъ гробомъ и лобызая образъ Распятаго Господа, потщимся, братіе, перенести Его съ плащаницы въ свое сердце, *въ немъ же*, можетъ быть, *не бѣ никогдаже положенъ*,—дабы освятились Имъ наши мысли и чувства и освѣщались всѣ пути нашей жизни!

Иже въ девятый часъ насъ ради плотію смерть вкусивый, умертви плоти наша мудрованіе, Христе Боже, и спаси насъ!

В. Рыбинскій.

МОСКОВСКИЙ МИТРОПОЛИТЪ МАКАРІЙ БУЛГАКОВЪ.

2. Архимандритъ Макарій въ должности инспектора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи.

(Продолженіе)).*

Учено-литературная дѣятельность архим. Макарія; обстоятельства, содѣйствовавшія его литературной плодovitости; необыкновенное трудолюбіе архим. Макарія. Богословскія сочиненія архим. Макарія. „Введеніе въ православное богословіе“; обстоятельства происхожденія этого сочиненія; отношеніе къ нему русскаго образованнаго общества; мнѣніе преосв. Филарета; отношеніе этого сочиненія къ кievскимъ академическимъ чтеніямъ преосв. Димитрія по введенію въ православное богословіе „Православно-догматическое богословіе“; обстоятельства, при какихъ архим. Макарій приступилъ къ написанію этого труда; изданіе первыхъ двухъ томовъ догматическаго богословія и отношеніе критики къ нимъ; недоброжелательныя толки. Церковно историческія сочиненія архим. Макарія. „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“; обстоятельства происхожденія этого сочиненія; критическіе отзывы о немъ и полемика архим. Макарія съ преосв. Филаретомъ по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ въ сочиненіи. „Очеркъ Исторіи Русской Церкви въ періодъ до-гатарскій“; поводъ къ напечатанію этого труда и критическіе отзывы о немъ. Мелкія изслѣдованія и статьи архим. Макарія по русской церковной исторіи; ихъ библіографія; начало „Исторіи Русской Церкви“. Занятія архим. Макарія по общей церковной исторіи. Проповѣдническая дѣятельность архим. Макарія. Содержаніе и характеристическія особенности петербургскихъ проповѣдей Макарія; объясненіе ихъ особенностей; доказательство въ пользу того, что не всѣ петербургскія проповѣди Макарія сохранились; отзывы преосв. Иннокентія о петербургскихъ проповѣдяхъ архим. Макарія.

Въ высшей степени сложныя и отвѣтственныя занятія по должности профессора, инспектора, члена комитетовъ—духовно-цензурнаго и для разсмотрѣнія семинарскихъ Кон-

*) См. Труды Кіевск. дух. Академіи за м. февраль 1896 г.

спектовъ, а также члѣна Академической Конференціи и Внѣшняго Правленія, повидимому, должны были наполнять рѣшительно все время, какимъ могъ располагать архим. Макарій. А между тѣмъ и посреди такихъ должностныхъ занятій архим. Макарій находилъ время для ученыхъ работъ. Даже болѣе того: обзорѣваемое время было однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ періодовъ жизни Макарія въ учено-литературномъ отношеніи. Кромѣ пяти довольно объемистыхъ сочиненій, онъ успѣлъ напечатать за это время цѣлую серію небольшихъ, но весьма важныхъ и серьезныхъ изслѣдованій. Это могъ сдѣлать только человѣкъ съ такимъ умѣньемъ утилизировать время, какимъ отличался Макарій во всю свою жизнь. Должно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ тѣ должности, какія исполнялъ Макарій въ данную пору, могли не столько отвлекать, сколько именно располагать его къ ученымъ работамъ. Исполненіе всѣхъ этихъ должностей, за исключеніемъ, пожалуй, должности ревизора семинарій, нисколько не отвлекало архим. Макарія отъ Академіи и нисколько не нарушало правильности его кабинетныхъ занятій. Зависѣло это отъ того, что всѣ тѣ должности, какія исправлялъ архим. Макарій въ обзорѣваемое время, включительно съ должностію ревизора, имѣли преимущественно ученый характеръ и находились въ ближайшей связи съ его учеными работами. Совсѣмъ иное дѣло было въ послѣдующую эпоху петербургскаго періода жизни Макарія, когда ему давались такія должности и порученія, которыя часто отвлекали его отъ Академіи и постоянно нарушали непрерывность и систематичность его ученыхъ занятій. Такъ можно объяснять обиліе учено-литературныхъ произведеній, относящихся къ разсматриваемому времени петербургской жизни Макарія. Не малую, конечно, роль въ этомъ играла и свойственная Макарію способность быстро работать на учено-литературномъ поприщѣ, а также и его нажитое лѣтами трудолюбіе. Эта быстрота и трудолюбіе были предметомъ удивленія для лицъ,

окружавшихъ Макарія въ данную пору его жизни, или издали наблюдавшихъ за его учено-литературною дѣятельностію. „Смотрите“, писалъ преосв. Евсеvій А. В. Горскому 28 сентября 1847 года, „какъ много трудится нашъ о. Макаріѳ!“¹⁾ „Въ нашемъ изданіи“, писалъ онъ же и тому же своему другу черезъ годъ, „видите новые труды о. Макарія... Онъ скорѣ въ дѣятельности и въ будущемъ годѣ, вѣроятно, дѣло кончится и явится отдѣльно“²⁾. А преосв. Иннокентій, который самъ трудился до того, что иногда къ вечеру рука едва могла держать перо³⁾, совѣтовалъ даже своему трудолюбивому ученику быть болѣе умѣреннымъ въ занятіяхъ. „Съ новымъ годомъ, любезнѣйшій землякъ!“ писалъ онъ Макарію 26 декабря 1846 года, „желаемъ вамъ новыхъ силъ, и паче всего новой и, кажется, несовѣмъ знакомой вамъ умѣренности въ употребленіи силъ сихъ. Кому непріятно любоваться трудами вашими; мы первые ихъ усердные любители. Но ради Бога не забывайте скудельности сосуда нашего; я по опыту знаю, что въ занятіяхъ нашихъ есть черта, за которую бѣда, если кто перейдетъ и которую однакоже легко перейти. Все кажется, что есть силы, что можно сдѣлать то и другое, а потомъ увидишь бѣду; но уже нельзя воротиться... Примите же совѣтъ, посылаемый вамъ отъ души“⁴⁾. О томъ же самомъ просилъ архим. Макарія и преосв. Елпидифоръ, бывшій ректоръ его по семинаріи. „Да подкрѣпляетъ только Господь силы ваши; и вы сами берегайте здоровье свое, чтобы вы могли и впредь надолго еще трудиться на пользу другихъ“, писалъ онъ Макарію 10 октября 1847 года⁵⁾.

Всѣ многочисленныя произведенія архим. Макарія, относящіяся къ обозрѣваемому времени его жизни, могутъ быть,

¹⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 741.

²⁾ См. тамъ же стр. 802—803.

³⁾ См. Церковн. Вѣст. 1883 г. № 24-й.

⁴⁾ См. тамъ же 1883 г. №№ 17—18.

⁵⁾ См. Прав. Обзор. 1888 г. т. I. стр. 116.

по предметамъ своего содержанія, раздѣлены на слѣдующіе четыре разряда: 1) богословскія, 2) церковно-историческія, 3) проповѣдническіе труды и 4) одинъ трудъ, остающійся доселѣ въ рукописи, по каноническому праву.

Къ первому разряду относятся „Введеніе въ Православное Богословіе“ и первые два тома обширнаго труда подъ заглавіемъ: „Православно-догматическое Богословіе“.

„Введеніе въ Православное Богословіе“ было издано архим. Макаріемъ въ 1847 году, при чемъ нѣкоторые отдѣлы печатались предварительно на страницахъ академическаго журнала „Христіанское Чтеніе“¹⁾. Сочиненіе это было печатнымъ воспроизведеніемъ академическихъ лекцій архим. Макарія по основному богословію, или по энциклопедіи православнаго богословія, съ программами каковыхъ чтеній мы раньше уже познакомились. Въ пользу этого говоритъ не только почти совершенное совпаденіе между программами чтеній архим. Макарія и общимъ планомъ его „Введенія“, но и собственныя слова Макарія. „Я рѣшился“, писалъ онъ 15 ноября 1846 г. преосв. Иннокентію, „съ Божіею помощію издать нѣкоторые свои богословскія записки, именно—богословіе основное, и часть ихъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, уже представлена на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Св. Синода. Если будетъ благоугодно Св. Синоду разрѣшить,—издамъ, не смотря на то, что самъ сознаю всю слабость ихъ и несовершенства.... Иначе когда-же мы дождемся хоть чего нибудь по учебному богословію, если всѣ будемъ ждать совершеннѣйшаго? Нѣкоторые пророчатъ мнѣ опасности.... за недосмотры и

¹⁾ См. Христ. Чтен. 1816 г. ч. I стр. 434—462 статья безъ подписи: „Гославъ религіи“ ср. Введеніе стр. 36—53. Христ. Чт. 1846 г. ч. 3 стр. 209—252 статья: „Необходимость сверхъестественнаго откровенія“ ср. Введеніе стр. 71—95; Христ. Чт. 1847 г. ч. 2 стр. 218—239 статья: „Составъ религіи Христіанской“ ср. Введеніе стр. 125—138; Христ. Чт. 1847 г. ч. 2: стр. 367—406 статья „о религіи христіанской“ ср. Введеніе стр. 140—165 и Христ. Чт. 1847 г. ч. 3. стр. 67—104; 250—309 и 371—414 статья подъ заглавіемъ: „О религіи подзаконной“ ср. Введеніе стр. 170—258.

ошибки... Но Богъ милостивъ! Да будетъ Его Святая воля!"¹⁾ О дальнѣйшей судьбѣ представленныхъ архим. Макаріемъ лекцій по основному богословію мы узнаемъ уже изъ дѣлъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета. Отсюда видно, что рукопись подъ заглавіемъ „Энциклопедія Православнаго Богословія“ была представлена архим. Макаріемъ прямо къ цензору, архим. Аввакуму. Съ одобрительнымъ мнѣніемъ цензора она 24 декабря 1846 года поступила на разсмотрѣніе Св. Синода. Св. Синодъ измѣнилъ заглавіе рукописи, наименовавъ ее „Введеніемъ въ Православное Богословіе“, за тѣмъ далъ свое благословеніе и въ слѣдующемъ году сочиненіе было напечатано²⁾.

Содержаніе „Введенія въ Православное Богословіе“, думаемъ, извѣстно всѣмъ, и потому намъ нѣтъ нужды излагать его подробно. Сочиненіе распадается на предисловіе и три части. Въ предисловіи излагаются общія свѣдѣнія о предметѣ „Введенія въ Православное Богословіе“, въ первой части говорится о религіи, откровеніи и христіанской религіи, какъ единомъ истинномъ и откровеніи, во второй части—объ источникахъ православнаго богословія и православной Церкви, какъ хранительницѣ истолковательницѣ этихъ источниковъ; наконецъ, въ третьей части содержится собственно система православнаго богословія.

„Введеніе въ Православное Богословіе“ было первымъ самостоятельнымъ опытомъ³⁾ Макарія въ области богословской науки, и опытомъ во многихъ отношеніяхъ весьма выдающимся, вполне достойнымъ Православной Церкви. Безспорно, что это произведеніе было плодомъ усиленнаго, кропот-

¹⁾ См. Христ. Чт. 1884 г. т. 1 стр. 862.

²⁾ См. арх. С.-Петерб. дух. Акад. по Конфер. Журн. за 13 февраля 1847 г. № 8-й ср. И. Чистовича, С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ. СПб. 1889 г. стр. 28.

³⁾ Сборникъ „Догматическаго ученія св. Димитрія Ростовскаго“ былъ, какъ мы знаемъ, преимущественно компилятивнымъ произведеніемъ Макарія.

ливаго и усидчиваго труда. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что одно только трудолюбіе, какъ бы велико оно ни было, не могло создать такого замѣчательнаго произведенія. Только даровитый и глубоко просвѣщенный богословъ могъ создать такой трудъ. Словомъ, первое произведеніе архим. Макарія по богословскимъ наукамъ весьма ясно показывало, что въ лицѣ его выступалъ на это поприще вполнѣ достойный дѣлатель. Прочитавъ настоящее произведеніе архим. Макарія, преосв. Иннокентій писалъ ему 24 фѣвраля 1848 года: „не оставляйте же и дальше подвизаться на этомъ святомъ поприщѣ. Господь видимо васъ призываетъ къ нему. Жатва многа, необозрима; а дѣлателей, какъ сами вѣсте, еще мало и не по жатвѣ“¹⁾.

Выдающіяся достоинства „Введенія въ Православное Богословіе“ были достойно оцѣнены всѣми, и трудъ этотъ доставилъ многое, весьма многое своему автору. Въ этомъ отношеніи „Введеніе въ Православное Богословіе“ было самымъ счастливымъ произведеніемъ Макарія, что сознавалъ и самъ онъ. „Мое Введеніе въ богословіе“, писалъ онъ 15 апрѣля 1848 г. С. А. Серафимову, „очень счастливо: успѣло уже все разойтись и теперь снова напечатано,—не упоминаю уже о томъ; что доставило оно своему автору... Благодареніе Господу“²⁾!

Что же доставило своему автору „Введеніе въ Православное Богословіе“?

Прежде всего, Св. Синодъ, какъ высшій выразитель суда православной русской церкви, весьма сочувственно встрѣтилъ это сочиненіе и удостоилъ его рѣдкихъ наградъ. Такъ, архим. Макарій за это сочиненіе былъ возведенъ на степень доктора богословія. 31 Октября 1847 года въ Св. Синодѣ состоялось опредѣленіе, въ которомъ говорилось, что архим.

¹⁾ См. Церков. Вѣстн. 1883 г. № 24.

²⁾ См. тамъ же 1883 г. № 10-й.

Макарій „въ уваженіе обширныхъ свѣдѣній въ предметахъ богословскихъ, равно ученыхъ трудовъ и особенно изданнаго имъ въ 1847 г. сочиненія подъ заглавіемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“, возводится на степень доктора богословія“¹⁾. Въ награжденіи архим. Макарія высшею ученою богословскою степенью, которая въ то время была величайшею рѣдкостью, Св. Синодъ основывался на отзывѣ о трудѣ Макарія такого компетентнаго богослова, какъ преосв. Иннокентій и на особомъ представленіи, подписанномъ м. Антоніемъ и тѣмъ же преосв. Иннокентіемъ²⁾.

Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала новая награда архим. Макарію со стороны Св. Синода. По синодальному опредѣленію, сочиненіе Макарія было поднесено Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу, при чемъ оба они сочувственно приняли подношеніе и милостиво благодарили автора. 14 декабря 1847 года графъ А. Н. Протасовъ писалъ м. Антонію: „вслѣдствіе опредѣленія Св. Синода, я имѣлъ счастье поднести Государю Императору экземпляръ сочиненнаго инспекторомъ с.-петербургской духовной Академіи, архим. Макаріемъ, „Введенія въ Православное Богословіе“, и Его Императорскому Величеству въ 6 день текущаго декабря благоугодно было Всемилоуистѣйше пожаловать архим. Макарію за поднесенное сочиненіе наперстный крестъ съ драгоценными камнями изъ кабинета Его Величества. Другой экземпляръ сего сочиненія, согласно тому же опредѣленію, представленъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, при чемъ Е. И. Высочество, принявъ книгу сію благосклонно, соизволилъ повелѣть благодарить сочинителя отъ имени Его Высочества за полезный трудъ его“³⁾.

¹⁾ См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Конфер. Журн. за 8 ноября 1847 г. № 2 и по Внутр. Правл. за 1848 г. № 7.

²⁾ См. тамъ же и у И. Чистовича. Исторія С.-Петербург. дух. Академ. С.П.Б. 1857 г. стр. 398.

³⁾ См. арх. с.-петербургск. дух. Акад. по Внутреннему Правленію за 1847 г. Дѣло № 7.

Вслѣдъ за Св. Синодомъ и гдѣ наши Архипастыри, читавшіе „Введеніе въ Православное Богословіе“, отнесли къ этому труду архим. Макарія съ живѣйшимъ вниманіемъ, а большинство изъ нихъ, кромѣ того, выразили искреннюю благодарность ему, съ великою похвалою отозвавшись о его талантѣ и трудолюбіи. Такъ, архіеп. тверской Григорій (съ 1856 г. с.-петербургскій митрополитъ) писалъ 15 января 1848 г. архим. Макарію: „я нѣсколько удовлетворилъ моему любопытству и остался доволенъ вашимъ сочиненіемъ. Ваше сочиненіе у насъ первое и достойно быть во всякой ученой библіотекѣ.... Весьма желаю подобнаго обстоятельнаго продолженія“¹⁾. „Получивъ подаренный мнѣ экземпляръ „Введенія въ Православное Богословіе“, писалъ 21 октября 1847 года архіеп. полоцкій Василій, „я непремѣннымъ долгомъ поставилъ для себя вдругъ же внимательно прочесть эту книгу, Не могу не выразить особеннаго удовольствія, какое мнѣ доставило чтеніе этого, можно сказать, перваго, весьма удачнаго опыта въ нашемъ отечествѣ. Вѣрный и вмѣстѣ полный взглядъ на предметъ, систематическое и отчетливое изложеніе онаго, вотъ достоинства, которыя, по моему мнѣнію, украшаютъ ваше сочиненіе. Не говоря уже о многостороннихъ свѣдѣніяхъ, доказывающихъ глубокую вашу начитанность, я увѣренъ, что всякій любитель духовнаго просвѣщенія вполне оцѣнитъ ваше усердіе; зрѣлый же плодъ трудовъ вашихъ не замедлитъ принести истинную пользу между образующимся юношествомъ“²⁾. „Сочиненіе ваше“, читаемъ въ письмѣ архіеп. казанскаго Владиміра отъ 26 ноября 1847 г., „я своевременно получилъ, получивъ, два раза его читалъ, читая, въ оба раза до глубины души услаждался отчетливостію, съ какою оно составлено, и услаждался, тако умолялъ премудрости Наставника и смысла Подателя: да воздастъ Онъ вамъ

¹⁾ См. Прав. Обзор. 1888 г. т. III стр. 702.

²⁾ См. тамъ же стр. 705.

за сей трудъ въ мѣру полную, нетрясену и преливающуюся“¹⁾. Подобнымъ образомъ и преосв. Елпидифоръ, бывшій ректоръ Макарія по семинаріи, приносилъ ему глубокую благодарность за дорогой подарокъ отъ себя и отъ архіеп. варшавскаго Никанора, (съ 1848 г. митрополига с.-петербургскаго), которому не нравилось только употребленіе Макаріемъ „религія“ вмѣсто „вѣра“²⁾. Съ своей стороны, преосв. Елпидифоръ совѣтовалъ Макарію раздѣлить свое сочиненіе на два тома „для удобнѣйшаго употребленія книги въ рукахъ“ и выражалъ надежду, что Макарій не остановится, подобно другимъ, на одномъ введеніи, а самъ будетъ идти впередъ и другихъ будетъ вводить въ самую науку“³⁾.

Наконецъ, и свѣтское образованное общество, выразителемъ котораго явились журналы самыхъ различныхъ направлений, единогласно привѣтствовало „Введеніе въ Православное Богословіе“ полнымъ одобреніемъ и похвалою. Такъ, критикъ „Москвитянина“ (А. И. Петровъ) указывалъ своимъ читателямъ на этотъ обширный и зрѣлый трудъ, какъ на одно изъ истинно-ученыхъ произведеній, рѣдкихъ въ нашей литературѣ вообще, и просилъ ихъ нисколько не стѣсняться заглавіемъ „Введенія“. Свою рецензію онъ заключалъ такими

¹⁾ См. тамъ-же стр. 706.

²⁾ Замѣчательно, что въ программѣ чтеній по основному богословію студентамъ XVI курса (1848 г.) Макарій вездѣ и систематически употребляетъ выраженіе „вѣра“ и ни разу не встрѣчается здѣсь выраженіе „религія“, но въ программахъ тѣхъ же чтеній студентамъ слѣдующихъ курсовъ (XVII, XVIII и слѣд.) вездѣ и систематически употребляется выраженіе „религія“. Впослѣдствіи Макарій снова замѣнилъ выраженіе „религія“ словомъ „вѣра“ и сдѣлалъ это, очевидно, по собственному убѣжденію, а вовсе не изъ угоды другимъ, какъ думаетъ архим. Сергій (См. его сочиненіе „Антоній, архіеп. казанскій“. Казань 1885 г. т. I. стр. 153.

³⁾ См. Прав. Обзор. 1888 г. т. стр. 116—117. Самъ м. Филаретъ (Дроздовъ) благодарилъ Макарія за его трудъ. Въ письмѣ же къ А. Н. Муравьеву онъ выразилъ только неудовольствіе на Макарія за то, что онъ не послѣдовалъ его мнѣнію о мѣстѣ въ системѣ для ученія о церкви См. Письм. м. Филарета къ А. Н. Муравьеву К. 1869 г. стр. 269.

словами: „подробное и обстоятельное разрѣшеніе всѣхъ предварительныхъ вопросовъ богословія, точное распредѣленіе богословскихъ наукъ по содержанію и объему, и, наконецъ, образцовое по ясности, отчетливости и чистотѣ ученаго изложенія,—все это, встрѣчаемое въ книгѣ, показываетъ въ ней плодъ долгой, усердной, всесторонней разработки богословскихъ познаній“¹⁾. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, привѣтствовалъ самымъ лестнымъ отзывомъ появленіе разсматриваемаго сочиненія архим. Макарія. „Основательное, ясное, подробное, отчетливое и вмѣстѣ убѣдительное изложеніе понятій“, говорилось въ этомъ отзывѣ, „суть достоинства книги. Кромѣ этихъ достоинствъ, и самое содержаніе ея таково, что она, раскрывая такія истины и понятія, которыя служатъ самымъ основаніемъ для всѣхъ отраслей науки православнаго богословія, предварительно знакомить изучающихъ истины христіанской вѣры съ каждою изъ отраслей этой науки. Въ ней излагаются понятія объ общемъ предметѣ всѣхъ частныхъ наукъ богословскихъ, объ общихъ ихъ источникахъ и объ общемъ ихъ систематическомъ расположеніи.... Всѣ эти истины и понятія таковы, что они составляютъ основу христіанскаго православнаго богословія, какъ науки и потому „Введеніе въ Православное Богословіе“ по всей справедливости можно назвать богословіемъ основнымъ“²⁾ Редакторъ „Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ въ изданіи „Введенія въ Православное Богословіе“ видѣлъ новую эпоху въ нашей богословской литературѣ и вмѣнялъ въ особенную похвалу архим. Макарію то, что онъ попялъ требованіе своего вѣка, когда, при напряженномъ вниманіи и соплеменниковъ нашихъ, православныхъ и неправославныхъ, и всего образо-

¹⁾ Ст. 1848 г. ч. 1. отд. VI стр. 143—145.

²⁾ См. 1849 г. ч. 1. отд. VI стр. 1—33.

ваннаго запада къ нашей церкви, вѣроисповѣдныя вопросы снова явились на первомъ планѣ въ современномъ движеніи¹⁾.

Но самый обстоятельный разборъ „Введенія въ Православное Богословіе“ помѣстили у себя „Отечественныя Записки“. По мнѣнію автора этого разбора, архим. Макарій настоящимъ своимъ сочиненіемъ оказалъ слѣдующія важныя услуги богословской наукѣ и Православной церкви: 1) онъ установилъ на православное богословіе свой собственный взглядъ, какого доселѣ не имѣлъ еще ни одинъ изъ нашихъ богослововъ; въ частности, введеніемъ въ свое сочиненіе трактата о церкви православной, какъ единой хранительницѣ истинной вѣры, онъ сдѣлалъ то, что написалъ введеніе именно въ православное богословіе, а не въ богословіе христіанское, или откровенное вообще; 2) онъ „въ образцовомъ сочиненіи съ неподражаемою силою, ясностію, полнотою и убѣдительностію раскрылъ истины христіанскія, составляющія предметъ Введенія. Здѣсь во всемъ свѣтѣ обнаружились его необыкновенный умъ, всеобъемлющій взглядъ и изумительно обширное знакомство съ источниками. Въ своемъ Введеніи авторъ доказываетъ и объясняетъ богословскія истины не только обыкновенными свидѣтельствами Св. Писанія и св. отцовъ Церкви и соображеніями здраваго разума, но заставляетъ говорить въ пользу ихъ іудеевъ и язычниковъ, ихъ исторію, мудрость, поэзію. Самая природа со всѣми ея законами представляетъ ему очевидныя доказательства раекрывааемыхъ имъ истинъ, такъ что многія изъ нихъ дѣлаются, наконецъ, почти осязаемыми“; 3) опровергая заблужденія иновѣрцевъ, авторъ избѣжалъ въ этомъ, весьма щекотливомъ, дѣлѣ обычной крайности пылкаго, фанатическаго предубѣжденія прогивъ западныхъ церквей, что, какъ извѣстно, особенно вредитъ правотѣ дѣла. Всѣ приводимые имъ свидѣтельства и доводы возбуждаютъ въ душѣ читателя, даже не-

¹⁾ См. Русская Стар. т. XXII Письма къ м. Макарію.

православнаго, полное къ нему довѣріе, и не могутъ не произвести желаннаго дѣйствія, тѣмъ болѣе, что въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ многія свидѣтельства западныхъ же настырей обстоятельно и точно; наконецъ, 4) въ послѣдней части „Введенія“ авторъ съ особенною подробностію указалъ точки зрѣнія, съ какихъ должно смотрѣть при составленіи всѣхъ прикосновенныхъ къ богословію наукъ, представивъ планъ и даже конспектъ для каждой изъ нихъ, показавъ источники, пособія, образцы. Рецензія заканчивалась слѣдующими словами: „свѣтлый взглядъ на введеніе собственно въ православное богословіе, ясность, сила и полнота въ раскрытіи богословскихъ истинъ и вслѣдствіе этого особенная убѣдительность, заставляющая соглашаться съ авторомъ самыхъ упорныхъ скептиковъ, сообщеніе подробнаго и раздѣльнаго понятія о всѣхъ отрасляхъ богословскихъ наукъ— все это составляетъ высокія, рѣдкія достоинства труда Макарія и ставитъ его въ ряду замѣчательнѣйшихъ сочиненій нашего времени“. Живость, чистоту изложенія, отсутствіе сухости и школьнаго духа, почти неизбѣжныхъ при составленіи системы, стройное и удивительно естественное расположеніе всѣхъ частей Введенія рецензентъ уже относилъ къ второстепеннымъ достоинствамъ ¹⁾).

Такъ отнеслась, можно сказать, вся православная церковь и все образованное русское общество къ первому произведенію архим. Макарія по богословію. Посреди всеобщей радости и восторга, вызванныхъ „Введеніемъ въ Православное Богословіе“, рѣзкимъ диссонансомъ прозвучалъ одинъ неодобрительный отзывъ, который мы, въ видахъ безпристрастія, и приводимъ здѣсь. Въ письмѣ къ А. В. Горскому отъ 30 іюля 1848г. преосв. Филаретъ (Гумилевскій), между прочимъ, говорилъ: „недавно читалъ его (т. е. о. Макарія) *Введеніе въ Богословіе*. Что это за вздорная путаница? Ни логическаго порядка, ни

¹⁾ См. 1853 г. Августъ отд. IV стр. 47—70.

силы въ доказательствахъ нѣтъ. Если бы мнѣ грѣшному привелось читать и студенческое подобное сочиненіе, не оставилъ бы четвертой части не измаранною. Соколовъ (нынѣ о. Іоаннъ) представлялъ мнѣ въ свое время записки по тому же предмету; по совѣсти говорю: онѣ втрое были дѣльнѣе¹⁾. Намъ нѣтъ никакой необходимости опровергать этотъ отзывъ почтеннаго ученаго Архипастыря. Мы увѣрены только въ томъ, что устами преосв. Филарета говорило на этотъ разъ пристрастіе раздраженное самолюбіе. Въ это время, какъ увидимъ скоро, преосв. Филаретъ и архим. Макарій были уже литературными соперниками.

За то въ разборѣ нуждается другое ложное мнѣніе, которое связано съ „Введеніемъ въ Православное Богословіе“ архим. Макарія. Разумѣемъ мнѣніе о зависимости этого сочиненія отъ академическихъ чтеній преосв. Димитрія по основному богословію, или апологетикѣ христіанства. Говорятъ, что сохранившееся въ преданіи изреченіе архіеп. Димитрія: *„тутъ мой крестъ, а ея цѣпочка“*²⁾ имѣетъ отношеніе именно къ „Введенію въ Православное Богословіе“ архим. Макарія. При такомъ пониманіи даннаго выраженія, оно намекало, будто бы, на полученный Макаріемъ докторскій крестъ за „Введеніе въ Православное Богословіе“ и означало, что крестъ то собственно принадлежитъ ему, Димитрію, а Макарію—одна только цѣпочка.

Мы раньше видѣли, что программы Димитрія и Макарія по основному, или энциклопедическому богословію существенно различны между собою. Но тамъ же мы предположили возможность другого рѣшенія вопроса: форма, программы могли быть различны, но реальное содержаніе ихъ могло быть и одинаково. Поэтому, здѣсь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о взаимоотношеніи между самими чтеніями Димитрія по основ-

¹⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1885 г. ч. 3. стр. 142.

²⁾ См. выше стр. 74.

ному богословію и „Введеніемъ въ Православное Богословіе“ Макарія, которое, какъ мы уже сказали, было только печатнымъ воспроизведеніемъ его академическихъ чтеній по основному, или энциклопедическому богословію ¹⁾). Для рѣшенія этого вопроса мы имѣли двухъ родовъ данныя: а) программы и б) чтенія Димитрія по основному богословію и сочиненіе Макарія подъ заглавіемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“.

Программы Димитрія и Макарія, равно какъ и сочиненіе послѣдняго намъ уже извѣстны. Остается, поэтому, сказать только о чтеніяхъ Димитрія по основному богословію. Съ этими чтеніями мы имѣли возможность болѣе или менѣе достаточно познакомиться по рукописнымъ сборникамъ, хранящимся нынѣ въ бібліотекѣ Кіевской духовной Академіи и поступившимъ въ неѣ отъ прот. Н. Я. Оглоблина.

Въ одномъ изъ этихъ сборниковъ ²⁾ содержатся студенческія лекціи по энциклопедическому, апологетическому, догматическому богословію и сравнительная таблица христіанскихъ вѣроисповѣданій. На первомъ заглавномъ листѣ сборника рукою неизвѣстнаго лица написано, что апологетическое богословіе, содержащееся въ сборникѣ, „есть лекціи экстра-ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи, іером. Димитрія“. Съ своей стороны, мы признаемъ, что содержащіеся въ настоящемъ сборникѣ лекціи по „апологетикѣ христіанства“ принадлежатъ преосв. Димитрію Муретову и были читаны имъ студентамъ IX курса нашей Академіи въ теченіи первой половины 1837⁷/₈ учебнаго года. Говоримъ такъ на томъ основаніи, что оглавленія параграфовъ разсматриваемыхъ лекцій совершенно буквально совпадаютъ съ текстомъ „показанія уроковъ по классу богословія, читанныхъ студентамъ Кіевской д. Академіи въ первую половину 1837⁷/₈ учебнаго года профес-

¹⁾ См. „Введеніе“ стр. 13 прим. 3.

²⁾ См. Муз. Рук. № 209.

сорокъ, іером. Димитріємъ“ ¹⁾). Къ сожалѣнію, въ настоящемъ сборникѣ сохранился не весь курсъ лекцій Димитрія по введенію въ богословіе, а только часть его, содержащая въ себѣ предварительныя свѣдѣнія по „апологетикѣ христіанства“ и первый отдѣлъ ея подъ заглавіемъ „о религіи вообще“.

За то въ другомъ сборникѣ ²⁾) мы имѣемъ уже полный курсъ „введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“, также принадлежащій безспорно преосв. Димитрію. Правда, въ самомъ сборникѣ нѣтъ никакихъ указаній на счетъ того, какому профессору принадлежатъ лекціи по „введенію въ кругъ богословскихъ наукъ“. Но мы съ увѣренностію признаемъ эти лекціи принадлежащими преосв. Димитрію на слѣдующихъ основаніяхъ. Во 1) эти лекціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходны и при томъ не только по мыслямъ, но даже и по изложенію съ извѣстными уже намъ лекціями преосв. Димитрія по „апологетикѣ христіанства“. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только сравнить параллельные параграфы тѣхъ и другихъ, напр. § 28 Введенія съ § 19 Апологетики, § 29 Введ. съ § 23 Апол., § 33 Введ. съ § 26 Апологет., § 34 Введ. съ § 27 Апол., § 40. Введ. съ § 36 Апол., § 41 Введ. съ § 37 Апологетики. Во 2) заглавія параграфовъ „введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“ буквально совпадаютъ съ текстомъ „показанія предметовъ, преподаваемыхъ студентамъ высшаго отдѣленія Академіи въ первую половину 18³⁹/₄₀ учебнаго года по классу богословія профессоромъ, архим. Димитріємъ“ ³⁾). Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ, очевидно, основаніе заключать, что въ разсматриваемыхъ чтеніяхъ по „введенію въ кругъ богословскихъ наукъ“ мы имѣемъ именно тѣ лекціи преосв. Димитрія, какія онъ читалъ по этому предмету X курсу студентовъ Киевской д. Академіи,

¹⁾ См. арх. Киевск. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1837 г. дѣло № 74.

²⁾ См. Муз. рукоп. № 210.

³⁾ См. арх. Киевск. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1839 г. дѣло № 44.

питомцемъ котораго былъ и Макаріѣй. Лучше этого, конечно, нельзя уже и желать. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, всѣ необходимыя данныя для сравненія академическихъ чтеній Димитрія по „введенію въ курсъ богословскихъ наукъ“ и „Введенія въ Православное Богословіе“ архим. Макарія. Внимательное сравненіе ихъ показываетъ существенное различіе между ними какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

Въ цѣломъ своемъ системы основнаго богословія у Димитрія и Макарія имѣли слѣдующее различіе. Съ одной стороны, система Макарія безспорно превосходила систему Димитрія обширностію своего объема и всесторонностію изслѣдованія частныхъ вопросовъ. Такіе отдѣлы, какъ показаніе и подробное описаніе частей православнаго богословія и ученіе о православной церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ Св. Писанія и Св. Преданія были, можно сказать, почти новыми у Макарія сравнительно съ Димитріемъ. Затѣмъ и каждый почти изъ трактатовъ, одинаково заключающихся въ системахъ Димитрія и Макарія, у послѣдняго разсматривается подробнѣе, обстоятельнѣе и всестороннѣе; особенно интересно въ этомъ отношеніи сравнить параллельные трактаты въ системахъ Димитрія и Макарія, заключающіе въ себѣ доказательство божественнаго происхожденія христіанства, ученіе о церкви и разсужденія о признакахъ истиннаго откровенія. Съ другой стороны, въ системѣ основнаго богословія, принадлежащей Макарію, надъ всѣмъ видимо господствуетъ одна идея—дать введеніе именно въ православное богословіе, къ чему у него направляются всѣ, повидимому, самыя отдаленныя разсужденія; напротивъ, систему Димитрія сравнительно съ системой Макарія можно назвать введеніемъ въ обще-христіанское, въ обще-откровенное богословіе. Отъ чего произошло это послѣднее различіе между системами Макарія и Димитрія, скоро увидимъ.

Мы показали сейчасъ, можно сказать, внѣшнее различіе между системами Димитрія и Макарія, разсматриваемыми въ

ихъ цѣломъ. Но не менѣ существенно различаются онѣ между собою и по внутреннему своему характеру. Съ этой стороны систему Дмитрія можно назвать философско-богословскимъ введеніемъ въ ученіе объ откровенной религіи, а систему Макарія—церковно-историческимъ введеніемъ въ православное богословіе. Такое различіе, имѣющее коренное основаніе свое, конечно, въ различномъ складѣ ума того и другаго богослова, произошло также и отъ различнаго метода, какого оба они держатся въ своихъ изслѣдованіяхъ основныхъ богословскихъ истинъ. У Дмитрія систематически выдерживается такой планъ изслѣдованія. Поставивъ какой-либо вопросъ, онъ затѣмъ обсуждаетъ его философски и на основаніи этого обсуждения даетъ такое или иное рѣшеніе вопроса, такое или иное опредѣленіе извѣстной основной богословской истины. Напр., онъ ставитъ вопросъ: „что такое религія“? Въ отвѣтъ на него онъ разсматриваетъ „религію“ со стороны филологическаго значенія этого слова и по существу дѣла и потомъ уже, какъ выводъ изъ предыдущихъ разсужденій, дѣлаетъ опредѣленіе, что „религія есть союзъ Бога съ человѣкомъ“. Тотъ же самый порядокъ и планъ изслѣдованія выдерживается Дмитриемъ и въ рѣшеніи всѣхъ другихъ основныхъ богословскихъ вопросовъ. У него рѣдко, въ высшей степени рѣдко, встрѣчаются свидѣтельства Св. Писанія, Св. Преданія и отцовъ Церкви. Совсѣмъ иной методъ въ изслѣдованіи основныхъ богословскихъ истинъ замѣчается у Макарія. Онъ, прежде всего, даетъ готовое понятіе о той или другой богословской истинѣ и при томъ преимущественно на основаніи церковнаго православнаго ученія и затѣмъ уже подтверждаетъ и раскрываетъ это понятіе свидѣтельствами Св. Писанія, Св. Преданія, отцовъ и учителей Церкви, и только уже въ концѣ ссылается на доводы здраваго разума и при томъ, должно замѣтить, не всегда. Такъ, напр., поставивъ вопросъ о религіи, онъ сначала даетъ понятіе о ней, потомъ приводитъ свидѣтельства Св. Писанія о религіи первоначальной, патріархаль-

ной, подзаконной и христіанской, наконецъ, ссылается на свидѣтельство Лактанція. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что такое различіе въ методѣ изслѣдованія основныхъ богословскихъ истинъ не было чѣмъ либо случайнымъ у Димитрія и Макарія. Напротивъ того, оно проводилось ими сознательно и намѣчалось обоими въ самомъ началѣ системы того и другаго богослова. Во введеніи въ „апологетику христіанства“ Димитрій, между прочимъ, ставитъ вопросъ о томъ, что должно служить началомъ и основаніемъ апологетики? и рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: „началомъ апологетики не можетъ служить положительное откровеніе; поелику истина и божественность откровенія есть только искомое въ сей наукѣ. Тѣмъ менѣе можетъ быть началомъ апологетики какая либо философская система: поелику всякая таковая система болѣе или менѣе односторонняя, есть произведеніе ума одного человѣка,— посему не можетъ быть одинаково важна для каждаго. Надлежитъ избрать такихъ вождей, коимъ равно каждый могъ бы довѣрить себя. Такіе руководители у человѣка суть здравый смыслъ и опытъ, или исторія. Священное Писаніе, поелику оно выражаетъ ученіе здраваго разума въ чистомъ его видѣ и имѣетъ историческую достовѣрность, должно быть принято за руководство при изслѣдованіяхъ въ апологетикѣ“ ¹⁾. Совсѣмъ иначе рѣшаетъ тотъ же вопросъ Макарій. По его мнѣнію, источникомъ введенія въ православное богословіе должно служить само слово Божіе, т. е. Св. Писаніе и Св. Преданіе, сохраняемыя и преподаваемыя православною церковію: „ибо откуда же и заимствовать понятіе о христіанской религіи и ея источникахъ, какъ не изъ христіанскаго ученія, сохраняемаго Церковію“; соображенія здраваго разума и историческія изслѣдованія онъ ставилъ уже на второмъ планѣ“ ²⁾.

¹⁾ См. Муз. Рук. № 209 начерт. Апол. § 6 стр. 3.

²⁾ См. Введеніе стр. 12.

Преобладаніемъ у Димитрія—философскаго, а у Макарія—церковно-историческаго начала объясняется и слѣдующее очень важное различіе между ихъ системами по введенію въ курсъ богословскихъ наукъ. У Димитрія безспорно гораздо сильнѣе логическая послѣдовательность мыслей, чѣмъ у Макарія. Логика въ чтеніяхъ Димитрія, не смотря на то, что они были только студенческими записками и, быть можетъ, не видѣли редакторской руки самого автора, просто поразительна: одна мысль у него совершенно естественно вытекаетъ изъ другой и послѣдующее является выводомъ изъ предыдущаго. Благодаря этому, весь курсъ чтеній Димитрія по введенію въ богословіе представляетъ какъ бы непрерывную цѣпь силлогизмовъ. Особенно интересно съ этой стороны сравнить взаимное отношеніе въ системахъ Димитрія и Макарія двухъ главныхъ отдѣловъ: „объ откровеніи вообще“ и „христіанской религіи, какъ единомъ истинномъ откровеніи“. У Димитрія рѣчь объ „откровеніи вообще“ является самымъ прекраснымъ подготовленіемъ къ „апологіи Христіанства“. Онъ сначала показываетъ, каково должно быть истинное откровеніе и затѣмъ непосредственно раскрываетъ свойства христіанской религіи. Слѣдствіемъ этого само собою является глубочайшее убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи христіанства. Достигается же это, по нашему мнѣнію, именно тѣмъ, что Димитрій разсматриваетъ христіанство съ тѣхъ самыхъ сторонъ, съ какихъ онъ раньше анализировалъ понятіе о сверхъестественномъ откровеніи, и не позволяетъ себѣ никакихъ отступленій отъ разъ намѣченнаго плана. У Макарія такой убѣдительности препятствуютъ именно подобныя отступленія. Наконецъ, у Димитрія сравнительно съ Макаріемъ замѣчается слѣдующая особенность. Димитрій, видимо, старался какъ можно болѣе углубляться въ разбиравшійся на лекціи вопросъ и при этомъ имѣлъ обыкновеніе нѣкоторые особенно интересные и живые вопросы только намѣчать, оставляя ихъ нерѣшенными окончательно; этимъ, само собою разумѣется,

онъ будилъ мысль слушателей и заставлялъ ихъ вдуматься въ сказанное имъ на лекціи. У Макарія же обыкновенно всякій вопросъ разсматривается всесторонне, предметъ исчерпывается совершенно, такъ что слушателямъ оставалось только слѣдить за живою рѣчью своего краснорѣчиваго паставника, который иногда позволялъ себѣ нарушать строго логическую послѣдовательность мыслей и уклоняться въ сторону.

Показанное нами сейчасъ общее различіе между системами Макарія и Димитрія обнаруживается ясно и въ частности ихъ. Такъ, напр., возьмемъ вступительные отдѣлы ихъ. Здѣсь мы, прежде всего, видимъ неодинаковое опредѣленіе богословія. У Макарія оно опредѣляется, какъ „систематическое изложеніе христіанской религіи, на основаніи слова Божія: Св. Писанія и Св. Преданія, подъ руководствомъ православной церкви“¹⁾, а у Димитрія, какъ „наука, руководствующая къ основательному познанію христіанской религіи и къ успѣшнѣйшему употребленію ея во благо свое и другихъ“²⁾. Затѣмъ у Димитрія сравнительно съ Макаріемъ являются въ этомъ отдѣлѣ новыми слѣдующіе вопросы: 1) нужно ли обращать христіанскую религію въ предметъ науки? 2) не можетъ ли быть какой либо опасности отъ того, что христіанская религія поставляется предметомъ науки? 3) какъ предотвратить эту опасность? 4) можетъ ли измѣняться система богословія? 5) есть ли какой либо постоянный законъ, по которому можно оцѣнивать относительное достоинство богословской системы? 6) части богословской системы и 7) достоинство и связь богословія съ другими науками. Правда, два послѣдніе вопроса есть и у Макарія, только рѣшеніе ихъ у него составляетъ обширную третью часть науки, между тѣмъ какъ у Димитрія оно занимаетъ два небольшихъ параграфа. Въ свою очередь, и у Макарія новымъ сравнительно съ Димитріемъ является § 5-й, гдѣ дѣлается „историческое обозрѣніе другихъ понятій о введеніи въ богословіе“. Наконецъ, и всѣ параллельные параграфы,

¹⁾ См. Введеніе § 2.

²⁾ См. Слово Мое М. 210, Разг. § 1.

гдѣ у Димитрія и Макарія рѣшаются одни и тѣ же вопросы, имѣютъ значительное различіе; чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ, кромѣ выше указанныхъ § 1 у Димитрія и § 2 у Макарія, сравнить еще § 13 у Димитрія и § 4 у Макарія, гдѣ идетъ рѣчь о методѣ богословія.

Въ трактатѣ о религіи находимъ большое различіе между системами Димитрія и Макарія: у того и другаго ученіе о религіи неодинаково и по содержанію и по плану (ср. § 19 Дим. и § 7 Мак.); кромѣ того, у Макарія въ этомъ трактатѣ являются совсѣмъ новыми параграфы, гдѣ раскрываются истина бытія Божія, истина бытія и безсмертія человѣческой души и понятіе о церкви; у Димитрія дѣлается только намекъ на понятіе и ученіе о церкви въ этомъ отдѣлѣ. Можпо, кажется, думать, что трактаты объ истинѣ бытія Божія, бытія и безсмертія человѣческой души Макарій внесъ въ свое „введеніе“ подѣ воздействиемъ *м. Филарета*¹⁾.

Въ трактатѣ объ откровеніи вообще замѣчается слѣдующее различіе между системами Димитрія и Макарія. Прежде всего, послѣдовательность и ходъ мыслей неодинаковъ. У Димитрія онъ таковъ: расторгеніе религіознаго союза Бога съ человѣкомъ, необходимость возстановленія этого союза, возможность такого возстановленія, рѣчь объ откровеніи; у Макарія же такой: возможность откровенія, необходимость его, рѣчь объ откровеніи; у Димитрія, какъ видимъ, болѣе логическая и естественная послѣдовательность. Съ другой стороны, изображеніе религіи человѣчества, уклонившагося отъ союза съ Богомъ, неодинаково: у Димитрія разсматривается только языческая религія, а у Макарія, кромѣ того ново-іудейская и магометанская. Наконецъ, у Димитрія въ этомъ трактатѣ есть совсѣмъ новые вопросы, напр., опытъ возстановленія союза человѣка съ Богомъ (§ 40).

Въ трактатѣ о признакахъ истиннаго откровенія между

¹⁾ См. Собраніе мнѣній и отзывовъ его. СПб. 1885 г. т. III стр. 136.

системами Димитрія и Макарія существуетъ коренное различіе. У Димитрія, прежде всего, есть особый вступительный отдѣлъ, гдѣ рѣшаются вопросы о необходимости сверхъестественнаго откровенія, предметѣ, планѣ, способахъ откровенія, способахъ распространенія и сохраненія его, долгѣ чловѣка въ отношеніи откровенія, послѣ чего уже начинается рѣчь о ложныхъ откровеніяхъ и необходимости признаковъ истиннаго откровенія, тогда какъ у Макарія прямо говорится о возможности ложныхъ откровеній и необходимости признаковъ истиннаго откровенія. Затѣмъ, дѣленіе признаковъ сверхъестественнаго откровенія совсѣмъ неодинаково у Димитрія и Макарія. Наконецъ, въ заключеніи трактата объ откровеніи у Димитрія являются новыми вопросы: 1) методъ, приличный откровенію; 2) можетъ ли откровеніе время отъ времени усовершаться?

Трактаты о религіи христіанской въ системахъ Димитрія и Макарія существенно различны. Замѣчательно, что самое опредѣленіе христіанства неодинаково формулируется у нихъ. По Макарію, „христіанская религія есть не только союзъ между Богомъ и чловѣкомъ, но именно союзъ новый, восстановленный, по нарушеніи чловѣкомъ союза первобытнаго“ (§ 46), а по Димитрію, „христіанство есть богооткровенная религія, признающая І. Христа Сыномъ Божиимъ и Искупителемъ рода чловѣческаго“ (§ 78); опредѣленіе Макарія послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія системы, опредѣленіе же Димитрія—безспорно точнѣе. Неодинаковое опредѣленіе христіанства повлекло за собою глубокое различіе и въ изложеніи всего трактата; Макарій разсматриваетъ ветхозавѣтную и новозавѣтную христіанскую религію, слѣдуя въ данномъ случаѣ, кажется, указаніямъ м. Филарета¹⁾, а Димитрій обращаетъ вниманіе исключительно только на новозавѣтную

¹⁾ См. тамъ же стр. 137.

христіанскую религію; отсюда у Макарія настоящій трактатъ вышелъ гораздо обширнѣе и обстоятельнѣе (56 §§ отъ 51 до 107 и 224 стр. 138—362), чѣмъ у Димитрія (20 §§ отъ 83 до 103 и 14 стр.). Наконецъ, трактатъ „о сущности и свойствахъ христіанской религіи“, составляющій у Димитрія вторую часть ученія о христіанствѣ, является у него новымъ сравнительно съ Макаріемъ.

Трактатъ объ источникахъ христіанской религіи у Макарія излагается гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ у Димитрія; напр., въ отдѣлѣ о Св. Писаніи Димитрій даетъ понятіе о немъ, говоритъ о богодухновенности и свойствахъ св. книгъ и затѣмъ замѣчаетъ: „раздѣленіе книгъ, происхожденіе, исторія ихъ и пр. „составляетъ предметъ особой науки введенія въ Св. Писаніе“; между тѣмъ какъ Макарій здѣсь рѣшаетъ всѣ эти и другіе вопросы о Св. Писаніи. То же самое слѣдуетъ сказать и объ отдѣлѣ, гдѣ говорится о Св. Преданіи, которое—встати замѣтимъ—у Димитрія опредѣляется, какъ „изложеніе ученія о какомъ-либо предметѣ вѣры, или наставленіе о какомъ-либо св. обрядѣ, неизображенное буквально въ Св. Писаніи, но согласное съ духомъ его и служащее къ поясненію его, устно или черезъ писаніе передаваемое учителями церкви, и отъ первыхъ временъ церкви постоянно сохраняемое, какъ Божіе“ (§ 114), а у Макарія, какъ „слово Божіе, не заключенное въ письмена самими богодухновенными писателями, а устно преданное церкви и съ тѣхъ поръ непрерывно въ ней сохраняющееся“ (§ 127). Наконецъ, разсужденія о св. церкви, содержащіяся въ разсматриваемыхъ трактатахъ обѣихъ системъ, также радикально различаются между собою; у Макарія есть совершенно новые вопросы, напр., о православной церкви и объ изложеніяхъ вѣры, въ которыхъ можно находить символическое ученіе православной церкви. Замѣчательно, что трактатъ о церкви Макарій оставилъ въ своей системѣ на настоящемъ мѣстѣ, не смотря на самыя категорическія

возраженія м. Филарета противъ этого¹⁾. Обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, какъ на самое краснорѣчивое свидѣтельство самостоятельности и стойкости Макарія въ своихъ убѣжденіяхъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами мы имѣемъ полное право сдѣлать тотъ выводъ, что сочиненіе архим. Макарія „Введеніе въ Православное Богословіе“ находится внѣ всякой литературной зависимости отъ академическихъ чтеній его учителя, архим. Димитрія. Всякіе толки о такой зависимости мы признаемъ праздною и недостойною обоихъ нашихъ славныхъ богослововъ болтовнею. „Введеніе въ Православное Богословіе“ какъ по плану, такъ и по содержанію, было плодомъ самостоятельныхъ занятій архим. Макарія въ области основнаго богословія.

Мы видѣли, что всѣ архипастыри и другія лица, поздравлявшія архим. Макарія съ выпускомъ въ свѣтъ „Введенія въ Православное Богословіе“, выражали искреннее желаніе видѣть продолженіе его труда. Преосв. Иннокентій прямо вмѣняли это въ обязанность архим. Макарію, котораго, какъ онъ говорилъ, самъ Господь призываетъ на это дѣло. Лица, окружавшія архим. Макарія, равно какъ и высшее духовное начальство побуждало его къ тому же. „Слышно“, писалъ 11 ноября 1847 года преосв. Евсеій А. В. Горскому, „что о. Макарію нашему поручено на словахъ отъ митрополита написать Догматическое Богословіе. Онъ по этому случаю почти отказывается на будущій годъ быть мнѣ сотрудникомъ въ изданіи. Это явно неладно; но что дѣлать! Можетъ быть уговорю что нибудь сдѣлать на пользу изданія“²⁾. Самъ архим. Макарій также не скрывалъ того, что онъ приступилъ къ написанію догматики по волѣ начальства. „Благодареніе Господу“! писалъ онъ 15 апрѣля 1848 года С. А. Серафимову.

¹⁾ См. тамъ же стр. 137—139; 156—161.

²⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 749.

„Теперь по волѣ начальства, я принялся за новый трудъ, котораго начало положено уже въ послѣдней книжкѣ „Христіанскаго чтенія“. Разумѣю православное догматическое богословіе. Дастъ ли мнѣ Богъ окончить этотъ трудъ, не знаю. А хотѣлось бы отъ всей души принести еще хоть лепту на пользу общую. Буду молить Всевышняго“¹⁾. Изъ переписки преосв. Евсевія съ А. В. Горскимъ мы, кромѣ того, узнаемъ, что къ составленію и напечатанію догматики арх. Макарія побуждало и свѣтское духовно-учебное начальство, вѣроятно, въ лицѣ оберъ-прокурора графа А. Н. Пратасова и его помощника А. И. Карасевскаго, директора духовно-учебнаго Управленія. „Въ нашемъ изданіи“, писалъ преосв. Евсевій 16 сентября 1848 года своему другу, „видите новые труды о. Макарія. По намѣренію поручавшихъ ему—свѣтскаго начальства—писать, это должно быть руководствомъ для семинарій. Впрочемъ, трудящійся, кажется, и самъ не имѣетъ въ виду этой, главно, цѣли. Свои мысли я ему сказывалъ: но къ сожалѣнію (а можетъ быть и не такъ) онъ слѣдуетъ твердо своимъ понятіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло будетъ въ своемъ родѣ хорошо и полезно и удовлетворить нуждѣ. Господь поможетъ ему. Онъ скорѣ въ дѣятельности, и въ будущемъ годѣ, вѣроятно, дѣло кончится и явится отдѣльно“²⁾.

Изъ приведенныхъ нами сейчасъ словъ преосв. Евсевія видно, что духовно-учебное начальство поручало архим. Макарію составить и напечатать собственно руководство по догматикѣ для семинарій. Но, Макарій, принявъ порученіе, не вполне послѣдовалъ совѣтамъ другихъ. Въмѣсто учебника, онъ рѣшилъ составить ученое изслѣдованіе по предмету догматическаго богословія. Такого своего намѣренія онъ ни отъ кого не скрывалъ и прямо высказалъ его въ самомъ началѣ своего труда. Въ заключеніе обзора исторіи православно-

¹⁾ См. Церков. Вѣстн. 1883 г. № 10.

²⁾ См. Твор. св. отцевъ 1886 г. кн. 2, стр. 802—803.

догматическаго богословія архим. Макарій говорилъ: „остается желать, чтобы по этимъ указаніямъ составились, наконецъ, у насъ систематическіе учебники Догматическаго Богословія, достойные предмета и вполне соответствующіе потребностямъ образующагося въ духовныхъ училищахъ юношества и всей Церкви“¹⁾.

Очевидно, что архим. Макарій рѣзко отличалъ свой трудъ отъ учебнаго руководства для семинарій и сознательно не желалъ стѣснять своего широко задуманнаго труда рамками семинарскаго учебника. Въ этомъ ему вполне сочувствовалъ и преосв. Евсеій, писавшій 18 марта 1848 года А. В. Горскому: „въ ней (разумѣется первая книжка Христ. Чт. за 1848 г.) увидите начало труда о. инспектора по догматическому богословію. Явно, что это не можетъ быть учебникомъ, если продолженіе не приметъ другаго вида. Но, кажется, сочинитель и не хочетъ стѣсняться въ рамку учебника: для этого слишкомъ много требуется самоотверженія“²⁾.

Получивъ предложеніе написать догматическое богословіе, что могло быть, судя по свидѣтельству преосв. Евсеія, въ ноябрѣ 1847 года, архим. Макарій, очевидно, немедленно же принялся за работу. „Скорый въ дѣятельности“, онъ къ началу слѣдующаго года уже успѣлъ настолько обработать свои чтенія по догматикѣ, что съ первой книжки „Христіанскаго Чтенія“ за 1848 годъ могъ уже приступить къ печатанію своего новаго труда. Въ теченіе обозрѣваемаго нами времени своей жизни архим. Макарій успѣлъ напечатать вве-

¹⁾ См. Христ. Чт. 1848 г. ч. 1. стр. 406 ср. Православно-догматическое Богословіе арх. Макарія СПб. 1849 г., т. 1. стр. 75; здѣсь въ прим. 154 архим. Макарій уже замѣчалъ: „сѣтшимъ присовокупить, что такой учебникъ для среднихъ духовно-учебныхъ заведеній, дѣйствительно, и явился у насъ въ недавнее время подъ заглавіемъ: „Догматическое богословіе правосл. каволитической восточной Церкви съ присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ—преподаваемое въ Кіевской дух. Семинаріи ректоромъ архим. Антоніемъ“.

²⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 776.

деніе въ науку догматическаго богословія и первый отдѣлъ первой части ея или ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ¹⁾. Въ отдѣльномъ изданіи эти статьи составили первый томъ извѣстнаго труда архим. Макарія подъ заглавіемъ: „Православно-догматическое богословіе“, который вышелъ въ 1849 году.

Въ него вошло: а) введеніе, гдѣ говорится о долгѣ православно-догматическаго богословія, о христіанскихъ догматахъ, какъ предметѣ его, происхожденіи и раскрытіи догматовъ въ церкви, источникахъ и образцахъ православно-догматическаго богословія, разныхъ дѣленіяхъ догматовъ и значеніи этихъ дѣленій, о характерѣ, планѣ, методѣ науки, въ заключеніе предлагается очеркъ исторіи православно—догматическаго богословія и б) первый отдѣлъ первой части, заключающій ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ; въ первой главѣ этого отдѣла говорится о Богѣ, единомъ въ существѣ, а во второй — о Богѣ троичномъ въ лицахъ.

Какъ статьи архим. Макарія, печатавшіяся на страницахъ Христіанскаго Чтенія, такъ и первый томъ православно-догматическаго богословія архим. Макарія были привѣтствованы такимъ же единодушнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, какое мы видѣли при появленіи въ печати „Введенія въ Православное Богословіе“. Почти всѣ архипастыри наши, которымъ Макарій посылалъ свой новый трудъ, отзывались о немъ съ великою похвалою. „Весьма благодаренъ“, писалъ 5 ноября 1849 г. архіеп. Григорій, „за доставленіе мнѣ перваго тома Догматики! Весьма обстоятельное и основательное сочиненіе! Да дастъ вамъ Господь Богъ силы окончить этотъ трудъ, такъ давно въ церкви желанный и такъ удовлетвори-тельный“²⁾. „Искреннѣйшую приношу вамъ благодарность за

¹⁾ См. Христ. Чт. 1848 г. Апрель стр. 212—284; Май стр. 285—308; Июнь стр. 375—414; Сентябрь стр. 192—231; Октябрь стр. 261—308; Ноябрь стр. 309—359; 1849 г. Мартъ стр. 151—204; Апрель стр. 225—291.

²⁾ См. Прав. Обзор. 1888 г. т. 3. стр. 702.

присылку мнѣ книги вашего прекраснаго произведенія подъ названіемъ: „Православно-догматическое Богословіе“, писалъ также архіеп. астраханскій Евгеній 21 октября 1849 г. „Да пошлетъ вамъ Господь продолжать и совершить сіе великое, святое и преползное дѣло для нашей православной россійской Церкви“¹⁾).

Свѣтское образованное общество, съ своей стороны, встрѣтило догматическій трудъ архим. Макарія весьма сочувственно. Обзорѣватель журналовъ (И. Галагинъ) въ Ж. М. Н. П. неопустительно слѣдилъ за статьями архим. Макарія по догматическому богословію, печатавшимися въ Христ. Чтеніи, признавалъ ихъ замѣчательными и рекомендовалъ ихъ своимъ читателямъ²⁾. А „Москвитянинъ“ почтилъ появленіе перваго тома догматики Макарія въ печати обстоятельнымъ и похвальнымъ отзывомъ. О немъ здѣсь заявлялось, что „по учености богословской, по объему, это замѣчательный трудъ въ духовной нашей литературѣ, и въ исторіи ея, конечно, онъ займетъ важное мѣсто. За достоинство сочиненія не мало говоритъ и имя автора, извѣстнаго по историческимъ трудамъ; и мы видимъ въ настоящемъ сочиненіи приложеніе его историческихъ свѣдѣній къ наукѣ богословія, что даетъ его труду великую цѣну“³⁾. „Ваши глубоко-ученые труды, напутствующіе насъ въ христіанскомъ православіи“, писалъ 21 ноября 1849 г. архим. Макарію И. Д. Бѣляевъ, редакторъ Московскаго „Временника“, по полученіи отъ него перваго тома догматики, „составляютъ истинное и лучшее украшеніе отечественной литературы. Вы правильно сказали, что они какъ бы проникнуты исторіею; а я прошу и молю Бога, чтобы наша исторія была проникнута тѣми истинами, которыя вы излагаете въ трудахъ своихъ; чтобы она была исто-

¹⁾ См. тамъ же стр. 703—704.

²⁾ См. 1848 г. ч. 59 отд. VI стр. 280—296 и др.

³⁾ См. 1850 г. январь № 2 отд. IV стр. 35—36.

рією православія; чтобы трудолюбивые дѣятели ея руководились божественными истинами, а не гонялись за мудрованіями человѣческими, особенно увлекательными и пагубными въ дѣлѣ исторіи“¹⁾.

Но рядомъ съ похвальными отзывами почти съ самаго же начала появленія въ печати догматическаго труда Макарія стали распространяться о немъ и недоброжелательные толки. Толки эти, происходившіе изъ самыхъ различныхъ, но одинаково нечистыхъ источниковъ, доходили до слуха Макарія, отъ котораго, поэтому, требовалось истинно-христіанское терпѣніе для спокойнаго перенесенія всѣхъ обидныхъ разговоровъ на счетъ его. Что это были за толки и къ чему собственно они относились,—мы не знаемъ; но думаемъ, что они происходили изъ ложной боязни за православіе и касались главнымъ образомъ двухъ обстоятельствъ; 1) зависимости Макарія отъ своего учителя Димитрія и 2) отношеній Макарія къ свѣтскому духовно-учебному начальству, по порученію котораго онъ собственно и началъ свой трудъ. Несомнѣнно, что въ началѣ недоброжелательные толки не мало смущали и волновали Макарія, но въ концѣ концовъ онъ примирился и по обыкновенію возложилъ всю свою надежду на Бога и Его помощь. „Что до меня“, писалъ онъ 17 октября 1850 года своему товарищу С. А. Серафимову, въ то время бывшему уже одесскимъ протоіереемъ, „я второй томъ моей догматики уже представилъ въ Св. Синодъ, а третій пишу и довелъ уже до половины. Помолитесь за меня своими теплыми молитвами, чтобы далъ мнѣ Господь силы и бодрость докончить мною начатое, не смотря на всѣ толки зависти или злобы или глаголемой ревности по православію“²⁾.

По русской церковной исторіи архим. Макарій, въ бытность свою инспекторомъ и профессоромъ петербургской ду-

¹⁾ Изъ неизданнаго письма, переданнаго намъ С. А. Булгаковымъ.

²⁾ См. Церков. Вѣст. 1883 г. № 10.

ховной Академіи, успѣлъ напечатать два крупныхъ и цѣлый рядъ мелкихъ произведеній.

Въ 1846 году онъ издалъ „Исторію Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви“. Обстоятельства происхожденія этого труда Макарія намъ извѣстны. Онъ былъ воспроизведеніемъ кіевскихъ академическихъ лекцій его по русской церковной исторіи съ небольшими измѣненіями, какія онъ могъ сдѣлать при чтеніи ихъ студентами XVI курса с.-петербургской духовной Академіи, съ программой каковымъ чтеніемъ буквально совпадаетъ планъ настоящаго сочиненія.

Крупныя достоинства этого послѣдняго были въ свое время отмѣчены и достойно оцѣнены специалистами по исторіи русской церкви. Отзывъ преосв. Иннокентія, бывшаго выразителемъ духовной науки, намъ извѣстенъ. Свѣтское образованное общество въ лицѣ журналистовъ самыхъ различныхъ направленій привѣтствовало трудъ Макарія почти единодушнымъ одобреніемъ. Когда еще „исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ печаталась въ Христіанскомъ Чтеніи, то критикъ Ж. М. Н. Пр. постоянно обращалъ вниманіе читателей на статьи Макарія, какъ на замѣчательныя „во многихъ отношеніяхъ“ ¹⁾. „Москвитянинъ“ въ лицѣ своего редактора, М. П. Погодина, почтилъ выходъ настоящаго сочиненія архим. Макарія слѣдующими словами: „архим. Макарій, инспекторъ Петербургской Академіи, извѣстный своею прекрасною исторіей Кіевской Академіи, пріобрѣтаетъ себѣ вдругъ знаменитость послѣднимъ сочиненіемъ. Это сочиненіе ученое, европейское, и служитъ блистательнымъ новымъ доказательствомъ нашей зрѣлости. Мы смѣло можемъ представить его европейскому конгрессу. Знакомство близкое со всѣми источниками, внимательность къ прежнимъ изслѣдованіямъ, осторожность въ заключеніяхъ, полнота, со-

¹⁾ См. 1845 г. ч. 46. отд. 6 стр. 185--198; ч. 47 отд. 6. стр. 185--189.

размѣрность, ясный умъ, прекрасный языкъ—вотъ достоинства книги¹⁾. Критикъ „Библіотеки для Чтенія“, въ свою очередь, обращалъ вниманіе всѣхъ образованныхъ русскихъ людей на книгу архим. Макарія, какъ на изслѣдованіе „о предметѣ новомъ, доселѣ почти нетронутомъ, какъ на плодъ многолѣтняго изученія и внимательной критики историческихъ фактовъ. „Почтеннѣйшій архим. Макарій“, говорилъ онъ далѣе, „одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ нашего духовенства, уже извѣстный многими трудами въ области духовной литературы, старался изслѣдовать и начертать исторію первоначальнаго распространенія Христіанства на Руси и выполнилъ это трудное предпріятіе съ отличнымъ успѣхомъ. Хотя начало православной Церкви считается у насъ съ крещенія в. к. Владиміра, но христіанство существовало на русской землѣ гораздо прежде этой эпохи. Первые археологическіе слѣды христіанства въ Россіи имѣютъ такую тѣсную связь съ позднѣйшею исторіею русской Церкви, что критикъ фактовъ не можетъ упустить ихъ изъ виду“²⁾.

Подобные же похвальные отзывы объ „исторіи христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ были помѣщены и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Автора этой книги такъ много хвалили, что нѣкоторые искренніе доброжелатели Макарія даже боялись за него, опасаясь, какъ бы онъ не возгордился слишкомъ отъ такихъ похвалъ. „Многokrатно я и собирался и начиналъ писать къ вамъ“, писалъ Макарію преосв. Анатолій (Мартыновскій) 5 іюня 1847 г., „но все такъ, что опасался, чтобы ваше высокопреподобіе не сочли моихъ рѣчей за лесть, или что еще хуже, чтобы онѣ не сдѣлались хоть малымъ поводомъ къ духовной гордости, которая убійственнѣе всякой болѣзни для дарованія. Я боялся поэтому не только самъ писать, но да-

¹⁾ См. 1846 г. ч. II стр. 156—257.

²⁾ См. 1846 г. Апрель стр. 52—54.

же за другихъ, чтобы чего-либо такого не написали къ вамъ и особенно досадовалъ на журналистовъ, что они такъ хвалили вашу книгу! Ибо я самъ испыталъ, что для человѣка въ духовныхъ дѣлахъ ничего нѣтъ пагубнѣе человѣческихъ похвалъ. Даже, если онѣ не служатъ ни къ чему болѣе, какъ къ поощренію трудящагося, всё онѣ вредны: потому, что могутъ заставить человѣка излишне трудиться и повредить свое здоровье“¹⁾).

Однакоже Макарій получалъ за свою исторію не однѣ только похвалы, которыя такъ смущали преосв. Анатолія, стоявшаго вдали и не знавшаго о многомъ. На самомъ дѣлѣ архим. Макарію пришлось выслушать не одинъ упрекъ и не одно замѣчаніе за его „Исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“. Эти упреки и замѣчанія были тѣмъ болѣе горькими для него, что иногда дѣлались несправедливо и съ недобрыми цѣлями.

По собственному побужденію, а отчасти и по побужденію преосвящ. Иннокентія, архим. Макарій представлялъ свою „исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ въ Академію Наукъ на премію. 22 октября 1846 года преосв. Иннокентій писалъ Макарію: „какъ бѣдна рецензія о ней (т. е. исторіи)! Впрочемъ о такой книгѣ мало кто можетъ дать суда надлежащаго. Не вздумаете-ли отдать ее на судъ академіи наукъ. Надобно же, чтобы такое прекрасное произведеніе имѣло себѣ гдѣ-либо достойныхъ цѣнителей“²⁾. Архим. Макарій 15 ноября того же года отвѣчалъ архіеп. Иннокентію: „я позволилъ себѣ смѣлость, представивъ, въ Академію Наукъ свою исторію христіанства на премію, хоть признаюсь, со страхомъ и трепетомъ. Не знаю, кому то она будетъ поручена на разсмотрѣніе. Не бѣда, если и не удастся“! Преосв. Иннокентій, вполне одобливъ поступокъ Макарія, старался разсѣять его мрачныя ожиданія и боязнь.

¹⁾ См. Правосл. Обзор. 1888 г. т. 3 стр. 695—696.

²⁾ См. Церков. Вѣсти. 1883 г. №№ 17—18

„Хорошо вы сдѣлали“, писалъ онъ 26 декабря 1846 года, „что отдали свою исторію Академіи!.. Вѣроятно, она попадетъ въ руки Акіма Семен. (разумѣется, А. С. Кочетовъ, профес. с.-петерб. д. Академіи и членъ цензурн. комитета); да кто бы ни былъ судья, всякій невольно отдастъ должное“¹⁾. И дѣйствительно, Макарію воздали должное за его трудъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ ожидалъ преосв. Иннокентій. Академія Наукъ поручила разсмотрѣніе представленнаго Макаріемъ сочиненія адъюнгу Кунику. Этотъ послѣдній далъ въ общемъ одобрительный отзывъ о разсмотрѣнномъ сочиненіи, признавъ трудъ Макарія „рѣдкимъ явленіемъ въ области литературы отечественной исторіи и заслуживающимъ тѣмъ большаго вниманія, что съ давняго времени Исторія русской церкви не находила у насъ обработывателя, обладающаго въ столь высокой мѣрѣ, какъ архим. Макарій, всѣми необходимыми для историка качествами“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ отмѣтилъ и нѣкоторые недостатки въ сочиненіи. По его мнѣнію, первый отдѣлъ сочиненія представлялъ не столько „плодъ обширныхъ, собственныхъ изысканій автора, сколько сводъ готовыхъ уже матеріаловъ о странахъ и народахъ, имъ упоминаемыхъ,—свидѣній, почерпнутыхъ имъ изъ разныхъ бывшихъ у него подъ рукою книгъ и источниковъ“. Относительно второго отдѣла сочиненія онъ замѣчалъ, что авторъ нѣкоторымъ образомъ самъ себя преградилъ путь къ точному уразумленію водворенія въ Россіи христіанской вѣры съ 866 года, упустивъ изъ виду, что подъ именемъ Рѣс въ IX вѣкѣ разумѣлись не славяне, а одни только норманскіе князья и ихъ дружина, и ошибочно допустивъ вмѣсто одного, нѣсколько крещеній Руси. Наконецъ, признавъ главу о переводѣ Св. Писанія и литургіи на славянскій языкъ и о первомъ ихъ распространеніи между южными, западными и восточными сла-

1) См. Церков. Вѣстн. 1883 г. № 17--18.

вянами, лучшимъ изъ всего того, что когда либо было писано въ отечественной литературѣ о столь важномъ предметѣ исторіи славянскаго просвѣщенія, рецензентъ все таки упрекалъ „сочинителя въ несовершенномъ знакомствѣ съ исторіею славянъ“ ¹⁾).

На основаніи этой рецензіи адъюнкта Куника, Академія Наукъ удостоила сочиненіе архим. Макарія только похвального отзыва. Этимъ она выразила свое согласіе съ мнѣніемъ Куника. Но другіе видѣли въ рецензіи послѣдняго выраженіе не симпатичнаго явленія партійной нетерпимости. Такъ, неизвѣстный авторъ письма къ редактору „Москвитянина“ по поводу рецензій на „Исторію Русской Церкви“, видимо, специалистъ въ этой области, между прочимъ, замѣчалъ: „доказательства автора исторіи Русской Церкви, что подъ русскими нельзя разумѣть однихъ Варяговъ, совершенно основательны. Помнится, г. Куникъ упрекалъ исторію христіанства въ Россіи до Владиміра за то, что тамъ признается неоднократное крещеніе славянъ. Онъ думаетъ, что Руссами называются Варяги: странная скандинавоманія. У Нестора нѣтъ нигдѣ этого различенія, чтобы онъ звалъ единственно Варяговъ Руссами“ ²⁾. А между тѣмъ на скандинавоманіи основывались важнѣйшіе упреки Куника Макарію.

Адъюнктъ Куникъ былъ официальнымъ рецензентомъ сочиненія Макарія. Поэтому, вѣроятно, Макарій не сталъ и защищать своихъ положеній противъ упрековъ Куника. За то съ другимъ критикомъ архим. Макарій счелъ необходимымъ вступить въ полемику. Этимъ критикомъ былъ преосв. Филаретъ (Гумилевскій). Въ 4-й книжкѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ“ за 1846 годъ преосв. Филаретъ помѣстилъ статью „Кирилль и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“ и въ этой статьѣ сдѣлалъ нѣ-

¹⁾ См. Журн. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54 отд. 3. стр. 82—84.

²⁾ См. Москвитянинъ 1849 г. Іюнь № 11 стр. 97.

сколько критическихъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ сужденій архим. Макарія о переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ св. Мееодіемъ на славянскій языкъ. Смыслъ замѣчаній преосв. Филарета сводился къ слѣдующему: 1) онъ отрицалъ, будто „*сладованная псалтырь*“ была составлена Мееодіемъ, при чемъ замѣчалъ: „въ сборникъ этого рода почти каждый вносилъ, что хотѣлъ“; 2) обвинялъ Макарія въ смѣшеніи апокрифическихъ и каноническихъ книгъ, „что, какъ онъ замѣчалъ, строго запрещали отцы церкви“ и при этомъ даже по адресу Макарія нарочито приводилъ одно изреченіе св. Іоанна Дамаскина и 3) обличалъ Макарія за то, что онъ бьется изъ всѣхъ силъ доказать, будто Мееодій перевелъ и апокрифы, а также и въ томъ, что онъ въ одномъ мѣстѣ совершенно неправильно ссылается на Изборникъ Святославовъ“¹⁾.

Какъ и можно было ожидать, эти критическія замѣчанія преосв. Филарета произвели сильное впечатлѣніе на Макарія. Иного дѣйствія они и не могли произвести. Критика преосв. Филарета видимо имѣла цѣлю набросить тѣнь на православіе молодого ученаго, не умѣющаго, будтобы, различить апокрифическихъ книгъ отъ каноническихъ, и обличить его въ легкомысліи. Но еще больше должны были обидѣть Макарія критическія замѣчанія преосв. Филарета тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они основывались на совершенно извращенномъ пониманіи словъ Макарія. Свой справедливый и благородный гнѣвъ на критику архим. Макарій излилъ въ письмѣ къ преосв. Иннокентію. „Не знаю“, писалъ онъ послѣднему 4 марта 1847 года, „изволили ли вы прочесть статью преосв. рижскаго въ № 4 „Чтеній московскаго историческаго общества“ и замѣтить, какъ вѣжливо и благородно обращается онъ со мною въ глазахъ всей исторической братіи... Здѣсь эти вспышки показались многимъ не совсѣмъ добрымъ знакомъ для самого же горячаго критикана, который всѣ почти мои мысли попреувеличилъ и

¹⁾ См. стр. 22—25 прим 41—46.

взнесъ на меня клевету. Отвѣтъ на его замѣчанія самый скромный и краткій я помѣстилъ въ настоящей мартовской книжкѣ „Христіанск. Чт“. въ моей статьѣ¹⁾.

Дѣйствительно, отвѣтъ архим. Макарія преосв. Филарету былъ скромный, благородный и кроткій, но тѣмъ не менѣе сильный. Въ своемъ отвѣтѣ архим. Макарій 1) доказывалъ, что нельзя такъ смотрѣть на богослужебныя книги (напр., слѣдованную псалтирь), какъ смотритъ на нихъ преосв. Филаретъ: будто въ сборникѣ этого рода почти каждый вносилъ, что хотѣлъ; „ни откуда неизвѣстно“, говорилъ Макарій, „чтобы подобное нестроеніе существовало когда-либо въ православной церкви“; 2) на основаніи цѣлаго ряда данныхъ и ссылокъ опровергалъ преосв. Филарета, который за несомнѣнное утверждалъ, *„что каноническихъ книгъ В. и Н. Завета, съ давняго времени въ Греческой церкви считали именно 60“*, и что св. отцы никогда въ счетъ книгъ Св. Писанія не вносили книгъ апокрифическихъ и строго запрещали вносить въ канонъ такія книги, какъ Сынъ Сираховъ, Премудрость Соломона и пр. „Все дѣло въ томъ“, замѣчалъ въ заключеніе Макарій, „какъ понимать названіе: *книга каноническая*—въ смыслѣ-ли строгомъ и точномъ, или въ смыслѣ болѣе обширномъ и менѣе точномъ“; наконецъ, 3) указывалъ на то, что имъ была предложена только какъ *догадка скромная*, а отнюдь не какъ *усиленное доказательство*, что св. Меѳодій перевелъ и неканоническія книги²⁾.

Независимо отъ этого отвѣта на страницахъ академическаго журнала, архим. Макарій писалъ частное письмо преосв. Филарету, гдѣ, нужно думать, подробнѣе и обстоятельнѣе защищалъ свои положенія и объяснялъ соображенія, какія его заставили отвѣчать на замѣчаніе преосв. Филарета. „Статья о Кириллѣ“, писалъ преосв. Филаретъ къ А. В. Гор-

¹⁾ См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I, стр. 806.

²⁾ См. 1847 г. ч. I. стр. 396—401 въ примѣчаніяхъ.

скому 30 апрѣля 1847 года, „подала поводъ къ искушеніямъ. Мнѣ писалъ о. Макарій. Кажется, окончилась ссора: а я право не желалъ ни съ кѣмъ ссориться. Еслибы я зналъ, что Христіанское Чтеніе нынѣ подѣ особливою редакціею людей великихъ, до которыхъ касаться не мое дѣло, то, конечно, не коснулся бы о. Макарія. Да, вѣкъ живи, вѣкъ учись“¹⁾... Впрочемъ, преосв. Филаретъ еще раньше самъ созналъ свою ошибку, которую извинялъ раздражительностію своего характера, еще болѣе усилившеюся у него въ Ригѣ. „Другъ мой“! писалъ опъ А. В. Горскому 28 марта 1847 года, „не сѣтуй на меня за мои шероховатыя слова. Иному Богъ далъ способность жить подѣ ладѣ желаніямъ человѣческимъ. Въ себѣ, грѣшный, я не вижу этой способности. Невѣрный звукъ раздражаетъ мои, нервы, потрясаетъ душу. Что же мнѣ дѣлать? повторю,—горькая жизнь моя въ Ригѣ сдѣлала меня еще болѣе раздражительнымъ. Особенно первыя впечатлѣнія, прежде чѣмъ имѣю я время осмотрѣть ихъ и усмирить чувства, тяжелы мнѣ бываютъ. Въ настоящемъ случаѣ о. Макарій попался на глаза такъ недавно. Теперь я и самъ расклинаюсь, что одна строка (латинская) вовсе не нужна и даже неумна“²⁾.

Изъ этихъ словъ преосв. Филарета, равно какъ и изъ другихъ замѣчаній его въ томъ же письмѣ³⁾ видно, что другъ—его, А. В. Горскій весьма не одобрялъ поведенія преосв. Филарета въ его полемикѣ съ архим. Макаріемъ. Это можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что неправую стороною въ этой полемикѣ былъ именно преосв. Филаретъ. Такъ смотрѣли на полемику между нашими двумя церковными историками другія лица, слѣдившія за нею со стороны. „Не дивитесь о еже бываемому къ Вамъ раздраже-

¹⁾ См. Твор. св. св. отцовъ 1885 г. кн. 3 стр. 124.

²⁾ См. тамъ же стр. 121—122.

³⁾ См. тамъ же стр. 120—121.

нію отъ Риги“, писалъ Макарію 21 марта 1847 года преосв. Иннокентій, „оно естественно... А намъ должно дѣлать свое дѣло... Самъ увидитъ, что, какъ говоритъ апостолъ, попремногу согрѣшаетъ вся“¹⁾).

Въ 1847 году архим. Макарій издалъ новое произведеніе по русской церковной исторіи, подъ заглавіемъ: Очеркъ исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій 992—1240 г.“ Обстоятельства происхожденія этого очерка намъ извѣстны изъ предшествующихъ разсказовъ. Онъ былъ печатнымъ воспроизведеніемъ кіевскихъ, а потомъ петербургскихъ академическихъ чтеній Макарія по исторіи русской Церкви. А однимъ изъ поводовъ къ напечатанію этихъ лекцій былъ выходъ „Исторіи Русской Церкви“ преосв. Филарета, которая во многихъ отношеніяхъ не удовлетворила Макарія. „Какую“, писалъ Макарій преосв. Иннокентію 28 генваря 1847 года, „что исторію русской церкви преосв. Филарета Рижскаго я до излишества расхвалилъ предъ вами: я говорилъ²⁾ почти не читавши ее, а больше со словъ цензора; теперь, всмотрѣвшись въ нее повнимательнѣе, скажу, что она хотя точно учена, но кратка очень, суха, безъ общей мысли, безъ духа послѣдовательности, а больше простой прекрасный разсказъ.... и потому все еще заставляетъ желать лучшей достойнѣйшей исторіи нашей Церкви. Смотря

¹⁾ См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 24.

²⁾ 15 ноября 1846 года Макарій писалъ преосв. Иннокентію: „кстати объ исторіи: пріятнѣйшая новость! Преосвященнѣйшій Филаретъ рижскій написалъ едва-ли не всю исторію русской церкви; по крайней мѣрѣ, въ нашъ комитетъ поступила третья часть его сочиненія, обнимающая періодъ патріаршества до учрежденія Св. Синода, а двѣ первыя, или, можетъ быть, одна, — находится, слышно, въ комитетѣ московскомъ. Жду не дожусь изданія въ свѣтъ этого ученаго творенія! Въ комитетѣ оно находится еще съ августа и, вѣроятно, первыя части возвращены уже преосвященнѣйшему автору. Свои работы по исторіи я нарочно приостановилъ до выхода въ свѣтъ этой многообъщающей книги: надѣюсь, что она весьма много поможетъ мнѣ въ моихъ занятіяхъ“ (См. Христ. Чтен. 1884 г. т. 1. стр. 802).

на такія качества исторіи преосв. Филарета, я не устыдился начать съ нынѣшней книжки „Христ. Чтенія“ печатаніе своихъ краткихъ и бѣдныхъ записокъ по русской церковной исторіи, которыя набросалъ еще въ Кіевѣ, въ первый годъ моего бакалаврства, поисправивши теперь лишь кое-что. А лишь только выдетъ исторія преосв. Филарета, непременно приступлю къ обстоятельнѣйшему и неспѣшному начертанію исторіи отечественной, съ радостію будучи готовъ посвятить на это цѣлыя годы“¹⁾. Къ Пасхѣ 1847 года архим. Макарій уже окончилъ печатаніе своихъ статей по исторіи русской церкви въ періодъ до - татарскій и выпустилъ ихъ отдѣльною книжкою, которую и послалъ тотчасъ-же преосв. Иннокентію. „Вмѣсто краснаго яичка“, писалъ Макарій ему 24 марта 1847 года, „прошу покорнѣйше принять отъ меня небольшую брошюрку мою, о которой я упоминалъ уже въ предшествовавшемъ къ вамъ письмѣ“²⁾.

„Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до—татарскій“ былъ принятъ нашимъ образованнымъ обществомъ очень сочувственно. Критикъ одного журнала, разсмотрѣвъ содержаніе новаго труда архим. Макарія, приходилъ къ тому убѣжденію, „что послѣдній изложилъ въ немъ исторію отечественной Церкви въ періодъ до-татарскій съ тою же полнотою и отчетливостію, съ тѣмъ же вѣрнымъ взглядомъ на событія, съ какимъ онъ въ первой части своей „исторіи русской церкви“ объяснилъ состояніе нашего отечества въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ до введенія въ Россіи христіанства при Владимірѣ Св.“³⁾. По его же мнѣнію, у автора было высказано очень много вѣрныхъ замѣчаній на счетъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ, а въ

¹⁾ См. тамъ же стр. 805.

²⁾ См. тамъ же стр. 807.

³⁾ См. Журн. М. Н. И. 1848 г. ч. 57 отд. VI стр. 85—96 статья А. Лакіера.

этомъ именно отдѣлѣ Макарій полемизировалъ съ Филаретомъ. Критикъ другаго журнала, съ своей стороны, замѣчалъ объ „очеркѣ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій“, что „эта прекрасная книга ученаго автора безъ сомнѣнія должна найти многочисленныхъ читателей. Почтенный авторъ представилъ въ этомъ сочиненіи полную картину Русской Церкви отъ перваго ея начала до-татарскаго владычества. Внѣшній составъ Церкви, состояніе духовнаго просвѣщенія, богослуженіе и нравственное развитіе народа—вотъ главные вопросы, которые рассмотрѣны въ этой книгѣ съ глубокимъ знаніемъ дѣла“¹⁾.

Кромѣ двухъ крупныхъ произведеній, архим. Макарій въ разсматриваемое нами время его жизни напечаталъ нѣсколько мелкихъ произведеній, а также издалъ нѣсколько важныхъ памятниковъ по исторіи русской Церкви. Такъ, въ 1847 г. имъ были изданы „Записки преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой уніи съ римскою церковію“. Записки эти были найдены преосв. Анатоліемъ (Мартыновскимъ) въ одной изъ книгъ могилевской семинаріи и доставлены имъ Макарію съ тѣмъ, чтобы послѣдній или самъ воспользовался ими въ своихъ сочиненіяхъ, или же издалъ ихъ въ подлинномъ видѣ отдѣльно²⁾. Архим. Макарій нашелъ болѣе удобнымъ издать записки Георгія Конисскаго отдѣльно, что и сдѣлалъ при посредствѣ „Чтевій московскаго историческаго общества“³⁾.

Въ слѣдующемъ 1848 г. архим. Макарій на страницахъ своего академическаго журнала напечаталъ двѣ небольшихъ, но весьма интересныхъ статьи: а) „Взглядъ на первые слѣды

¹⁾ См. Библ. для Чт. 1847 г. Апрель. Литер. Лѣт. стр. 42—43.

²⁾ См. Прав. Обзор. 1888 г. т. 2. стр. 693—697.

³⁾ См. Чт. въ Им. Общ. Ист. и Древн. Росс. г. 2 кн. 8 Засѣданія 29 марта 1847 года.

православной вѣры между монголами“ ¹⁾ и б) „Мысли о значеніи исторіи отечественной православной церкви“ ²⁾, при чемъ эта послѣдняя статья, по заявленію самого автора, представляла отрывокъ изъ записокъ по этой наукѣ.

Въ слѣдующемъ 1849 году архим. Макарій напечаталъ на страницахъ академическаго журнала „Три памятника русской духовной литературы XI вѣка: 1) Память и похвала князю Русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю русскую отъ коньца до коньца, и како крестися баба Володимерова прежде Володимера; 2) Житіе блаженнаго Володимера и 3) Сказаніе страстей и похвала о убьеніи святуго мученику Бориса и Глѣба“. Изданіе этихъ памятниковъ архим. Макарій снабдилъ весьма обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ онъ изслѣдовалъ вопросъ объ авторахъ издаваемыхъ имъ памятниковъ и о великомъ

¹⁾ См. Христ. Чт. 1848 г. Генварь отд. 3. стр. 32—46.

²⁾ См. тамъ же 1848 г. Мартъ отд. 3. стр. 175—186. Должно замѣтить, что обѣ послѣднія статьи были помѣщены въ „Христ. Чтен.“ безъ подписи автора. Мы приписываемъ ихъ архим. Макарію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) архим. Макарій въ это время былъ единственнымъ спеціалистомъ по русской церковной исторіи въ с.-петербургской д. Академіи; 2) языкъ этихъ статей совершенно напоминаетъ языкъ историческихъ сочиненій архим. Макарія и 3) самое содержаніе статей находилось въ тѣснѣйшей связи съ церковно-историческими трудами Макарія, будучи или дополненіемъ, или разъясненіемъ послѣднихъ. Такъ, статья „взглядъ на первые слѣды православной вѣры между монголами“, гдѣ кратко изображалась исторія распространенія христіанства между монголами со времени подчиненія Россіи татарскому и у до царствованія Іоанна Грознаго (включительно), была какъ бы продолженіемъ изданнаго Макаріемъ въ 1847 г. „очерка исторіи русской Церкви въ періодъ до-татарскій“; статья же подъ заглавіемъ: „мысли о значеніи исторіи отечественной православной церкви“, гдѣ весьма краснорѣчиво раскрывалась важность, необходимость и полезность знанія этой исторіи, въ то же время какъ бы намѣчала общій взглядъ на программу, по какой должнъ была преподаваться и изучаться исторія отечественной Церкви. Послѣдняя статья написана особенно краснорѣчиво и, по всей вѣроятности, она была вступительною лекціею Макарія по русской церковной исторіи одному изъ курсовъ с.-петербургской дух. Академіи.

значеніи этихъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности для русской церковной исторіи. Свое „предъувѣдомленіе“ архим. Макарій заканчивалъ слѣдующими словами: „надѣмся, что благочестивые читатели сами увидятъ и оцѣнятъ достоинства издаваемыхъ нами рукописей¹⁾, и пожалѣемъ объ одномъ, что при изданіи, мы не имѣли возможности пользоваться нѣсколькими списками этихъ сочиненій для показанія вариантовъ (разныхъ чтеній), а должны были ограничиваться тѣмъ, какой у насъ находился“²⁾. Впрочемъ, къ первымъ двумъ памятникамъ архим. Макарій составилъ и напечаталъ „разногласія“ по одному списку XVII вѣка³⁾.

По словамъ непосредственнаго свидѣтеля обнародованія настоящихъ „трехъ памятниковъ“ архим. Макаріемъ, они „встрѣчены были общимъ участіемъ со стороны любителей отечественной исторіи и послужили поводомъ къ многимъ важнымъ и любопытнымъ изслѣдованіямъ въ области древней письменности“⁴⁾. Но едва ли не большее еще значеніе имѣло обнародованіе „трехъ памятниковъ“ для русской церковной исторіи. Именно съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на изданные архим. Макаріемъ „памятники“ критикъ одного журнала и называлъ ихъ замѣчательнѣйшими во многихъ отношеніяхъ⁵⁾. Только одинъ преосв. Филаретъ, по обыкновенію, критически отнесся къ изданію своего литературнаго соперника. „Случилось мнѣ“, писалъ онъ 25 декабря 1849 года А.

¹⁾ Рукописи принадлежали почтенному любителю и знатоку отечественной старины И. П. Сахарову. Самые памятники см. въ Христ. Чт. 1849 г. ч. 2 стр. 301—335; 377—407.

²⁾ См. тамъ же стр. 315.

³⁾ См. тамъ же стр. 450—453.

⁴⁾ См. И. Чистовича Исторія С. Петерб. дух. Академіи С.П.Б. 1857 г. стр. 316.

⁵⁾ См. Журн. М. Н. Пр. 1850 г. т. 65 отд. VI стр. 182—189.

В. Горскому, „прочестъ книжки Христ. Чтен., гдѣ напечатаны сочиненія Іакова, вѣроятно, о. Макаріемъ. Я уже не могъ пользоваться этими трудами. Пусть воспользуются другіе. Точно не мало новаго сказываютъ эти три новыя сказанія... Къ чему было печатать драгоцѣнную древность съ испорченныхъ древнихъ списковъ? Развѣ въ Петербургѣ далеко отъ него музей Румянцева и Публичная Библиотека?... Редакторъ говоритъ, что житіе Владиміра, издаваемое имъ, тоже, что въ описаніи музея на стр. 444. А на дѣлѣ оказывается, что между ними никакого нѣтъ сходства, кромѣ тождества предмета... Просьба моя къ тебѣ покорнѣйшая. Потрудитесь вмѣстѣ съ Капитономъ Ивановичемъ ¹⁾ издать эти памятники древности съ лучшихъ рукописей.... Вы не можете сомнѣваться, что Вамъ и свѣтскіе и духовные скажутъ искреннюю благодарность...²⁾).

Совсѣмъ не такъ смотрѣлъ самъ Макарій на изданные имъ памятники. Онъ придавалъ имъ „великую важность для отечественной исторіи“ ³⁾ и не замедлил показать, что они, дѣйствительно, таковы и на самомъ дѣлѣ.

Въ 1850 году архим. Макарій напечаталъ въ академическомъ журналѣ статью подъ заглавіемъ: „Церковь Русская во дни Св. Владиміра и Ярославъ до избранія митрополита Иларіона“⁴⁾. Статья эта была началомъ знаменитаго двѣнадцатитомнаго церковно-историческаго труда Макарія, надъ которымъ онъ продолжалъ трудиться до послѣдняго дня своей жизни. Въ числѣ важнѣйшихъ источниковъ при написаніи сейчасъ названной статьи архим. Макарія были, между прочимъ, изданные имъ незадолго предъ тѣмъ „три памятника

¹⁾ Т. е. Невоструевымъ.

²⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1885 г. кн. 4 стр. 414—416.

³⁾ См. Христ. Чт. 1849 г. ч. 2. стр. 302.

⁴⁾ См. тамъ же 1850 г. ч. I, стр. 54—136.

русской духовной литературы XI вѣка“¹⁾. Въ обозрѣваемое нами время архим. Макарій разсмотрѣлъ только „источники для исторіи русской Церкви во дни св. Владиміра и Ярослава, первоначальные предѣлы русской Церкви и ея первую іерархію и, наконецъ, первыя училища въ Россіи и памятники духовнаго просвѣщенія и ученія“. На этомъ изслѣдованіи Макарія по русской церковной исторіи прекратились до 1853 года.

Таковы были труды архим. Макарія по церковной исторіи, напечатанные имъ въ бытность инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи. Замѣчательно, что всѣ они имѣли цѣлію разработку именно отечественной исторіи. Поэтому, съ немалымъ удивленіемъ мы отнеслись къ извѣстію о томъ, что архим. Макарій въ данную пору занимался также изслѣдованіями и по общей церковной исторіи. Извѣстіе это тѣмъ болѣе кажется намъ загадочнымъ, что послѣ Макарія не осталось, повидимому, никакихъ сочиненій, бывшихъ результатомъ его изслѣдованій въ области общей церковной исторіи. Даже въ рукописяхъ Макарія, относящихся къ петербургскому періоду его жизни, намъ не встрѣтилось ни одного слѣда этихъ занятій. А между тѣмъ Макарій былъ въ высшей степени аккуратенъ въ сохраненіи всѣхъ своихъ рукописей, иногда самыхъ небольшихъ и незначительныхъ, и всѣ эти рукописи находятся въ нашемъ распоряженіи, благодаря любезности и необыкновенно участливому отношенію къ составленію біографіи м. Макарія со стороны его племянника С. А. Булгакова. Но и извѣстіе, которое мы имѣемъ въ виду, трудно заподозривать въ истинности. 27 апрѣля 1847 года преосв. Евсевій писалъ своему московскому другу А. В. Горскому: „нашъ о. инспекторъ, которымъ я очень доволенъ, занимается составленіемъ исторіи патріарха Фотія со всѣми обстоятельствами его времени. Начато было до меня по предложенію, кажется,

¹⁾ См. тамъ же стр. 56—57.

устному свѣтскаго начальства и по его собственному расположенію. Что будетъ, время покажетъ. Предметъ, конечно, занимательный и, кажется, довольно трудный¹⁾. Не смотря на то, что намъ не удалось отыскать никакихъ результатовъ ученыхъ изысканій Макарія по исторіи п. Фотія, однако же мы встрѣтили одно мѣсто въ письмахъ архим. Макарія, которое какъ будто бы подтверждаетъ свидѣтельство преосв. Евсевія и говоритъ о томъ, что Макарій, по крайней мѣрѣ, интересовался въ данную пору церковною исторіею времени п. Фотія. „Всѣ ваши статьи въ Москвитяниѣ“, писалъ 24 іюня 1846 года архим. Макарій С. А. Серафимову, „я читалъ съ большимъ удовольствіемъ и догадывался, что онѣ вамъ принадлежать. Я просилъ бы васъ, что бы вы обратили особенное вниманіе на разработку исторіи церкви со временъ Фотія, которая такъ пренебрежена, и напечатали бы статью одну—другую объ источникахъ касательно этого періода. Или не можете ли вы перевести церковную исторію Мелетія, которая вамъ извѣстна, а намъ вовсе нѣтъ...? Впрочемъ, ваше собственное благоразуміе лучше можетъ указать вамъ, какъ бы здѣсь поступить“²⁾. Съ другой стороны, изъ переписки преосв. Евсевія съ А. В. Горскимъ видно, что архим. Макарій желалъ достать черезъ посредство Евсевія лекціи Горскаго по общей церковной исторіи и даже переписать ихъ для себя, хотя на это послѣдній не согласился³⁾.

Годы служенія архим. Макарія въ должности инспектора и профессора Академіи были самымъ плодотворнымъ временемъ въ проповѣдническомъ отношеніи изъ всего петербургскаго періода его жизни. Въ то время, какъ за 7 лѣтъ ректорской службы Макарія (1850—1857 г.) мы имѣемъ отъ пе-

¹⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 714 -715.

²⁾ См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 10.

³⁾ См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 839.

го только 5 проповѣдей, изъ обозрѣваемаго нами времени его петербургской жизни намъ извѣстно 18 проповѣдей. Эти 18 проповѣдей по годамъ распредѣляются такъ: изъ 1846, 1847, 1848 и 1849 г.г. сохранилось по 3, а изъ 1844, 1845 и 1850 по 2 проповѣди ¹⁾.

Содержаніе проповѣдей архим. Макарія разсматриваемаго времени таково. Предметомъ слова, сказаннаго въ недѣлю православія 1844 года, служило разсужденіе о томъ, что „вѣра православная есть первое для насъ благо и какъ для людей и какъ для сыновъ Россіи“ ²⁾; предметомъ слова въ Великій Пятокъ того же года служило разсужденіе о томъ, „что вѣщаетъ намъ крестъ Христовъ, съ увѣщаніемъ приложить эти вѣщанія къ своей жизни“ ³⁾; въ словѣ на день 30 августа того же года проповѣдникъ разъяснялъ своимъ слушателямъ то, почему событія, падавшія на тотъ день (заключеніе нейштадскаго мира при Петрѣ В., память перенесенія мощей св. благовѣрнаго в. кн. Александра Невскаго, тезоименитство Наслѣдника Цесаревича и рожденіе в. кн. Ольги Николаевны) ни къ кому такъ не близки, какъ къ обитателямъ первопрестольнаго града ⁴⁾; въ словѣ на день св. Пасхи 1845 г. Макарій раскрывалъ дивный рядъ благотвор-

¹⁾ Весьма немногія (именно три) изъ этихъ проповѣдей были напечатаны на страницахъ „Христ. Чт.“ (См. 1849 г. Августъ стр. 126—132 „слово при погребеніи члена Св. Синода, преосв. м. Іоны“; 1850 г. Мартъ стр. 137—150: „слово при погребеніи архіеп. Воронежскаго Игнатія, сказанное 23 генв. 1850 г.“; 1850 г. Іюль стр. 11—16: „слово при погребеніи архіеп. нижегородскаго Іакова, сказанное 23 мая 1850 г.“); остальные проповѣди этого періода были напечатаны отдѣльно въ видѣ сборника, изданнаго въ 1847 году; впоследствии также Макарій издавалъ неоднократно свои проповѣди отдѣльными сборниками. Мы пользовались посмертнымъ изданіемъ проповѣдей Макарія подъ заглавіемъ: „Слова и рѣчи Макарія, митрополита московскаго“. С.П.Б. 1891 г.

²⁾ См. „Слова и рѣчи Макарія, м. московскаго“ 1891 г. СПб. стр. 31—39.

³⁾ См. тамъ же стр. 40—44.

⁴⁾ См. тамъ же стр. 45—51.

нѣйшихъ дѣйствій воскресенія Христова на небѣ, на землѣ и въ преисподней¹⁾; въ словѣ по избраніи судей для с.-петербургской губерніи того же года проповѣдникъ разъяснялъ высоту званія судьи и то, до какой степени можетъ содѣлаться низкою и жалкою высокая и возжелѣнная участь судьи, если онъ окажется невѣрнымъ своему долгу²⁾; въ словѣ на день святителя Христова Николая того же года проповѣдникъ говорилъ о благотворности добраго союза Церкви и государства для земной и будущей жизни православныхъ христіанъ³⁾; въ словѣ въ великій пятокъ 1846 года онъ бесѣдовалъ о тѣхъ урокахъ вѣры, любви и надежды, какіе преподаетъ намъ Спаситель Своею смертію⁴⁾; въ словѣ на день коронаціи Государя Императора Николая Павловича того же года онъ указывалъ на благодѣянія св. православной вѣры, какъ наилучшей насадительницы въ насъ любви къ отечеству, при чемъ старался больше всего уяснить своимъ слушателямъ ту истину, что „истинными патріотами могутъ быть только истинные христіане, т. е. люди возрожденные и живущіе самоотверженіемъ и любовію къ ближнимъ“⁵⁾; въ словѣ на день св. Пасхи 1847 года онъ разъяснялъ, почему этотъ день есть „царь и Господь субботъ, праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ“⁶⁾; предметомъ слова на день рожденія Государыни Цесаревны Маріи Александровны въ 1847 году служило размышленіе о томъ, „съ какою цѣлію всѣ мы родились въ міръ, и увѣщаніе со всѣмъ усердіемъ стремиться къ осуществленію своего назначенія“⁷⁾; темою слова въ недѣлю православія въ 1848 году служило доказательство, что

¹⁾ См. тамъ же стр. 52—61.

²⁾ См. тамъ же стр. 62—67.

³⁾ См. тамъ же стр. 68—79.

⁴⁾ См. тамъ же стр. 80—89.

⁵⁾ См. тамъ же стр. 90—102.

⁶⁾ См. тамъ же стр. 103—111.

⁷⁾ См. тамъ же стр. 112—117.

„вольномысліе въ дѣлѣ вѣры,—вольномысліе дерзкое и упорное есть преступленіе величайшее“¹⁾; въ словѣ на день благовѣрнаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Наслѣдника Цесаревича въ томъ же году онъ разъяснялъ, „чему поучаетъ насъ жизнь св. Александра Невскаго“²⁾; въ словѣ на великій пятокъ 1849 года проповѣдникъ показывалъ, сколько свѣтлаго и утѣшительнаго для вѣрующихъ душъ заключается въ мрачной, поразительной картинѣ Голгоетской³⁾; предметомъ слова на день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны въ 1849 году служило размышленіе о „благочестіи, какъ главнѣйшемъ средствѣ, которымъ мы можемъ содѣйствовать благосостоянію своего земнаго отечества“⁴⁾; въ словѣ на день святителя Николая и тезоименитства Государя Императора Николая I-го 6 декабря 1850 года проповѣдникъ поучалъ своихъ слушателей посредствомъ примѣра жизни святителя Николая тому, что болѣе всего необходимо намъ въ жизни христіанской и жизни гражданской⁵⁾; наконецъ, въ словахъ, сказанныхъ 24 іюня 1849 года при погребеніи м. Іоны⁶⁾, 23 генваря 1850 года при погребеніи архіеп. Игнатія⁷⁾ и 23 мая того же года при погребеніи архіепископа Іакова⁸⁾ проповѣдникъ поучалъ своихъ слушателей посредствомъ примѣра благочестивой жизни почившихъ архипастырей.

Изъ сказаннаго сейчасъ видно, что проповѣди Макарія, произнесенныя имъ въ обозрѣваемое время, по своему содержанию, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе 4 класса: 1)

¹⁾ См. тамъ же стр. 118—124.

²⁾ См. тамъ же стр. 125—131.

³⁾ См. тамъ же стр. 132—139.

⁴⁾ См. тамъ же стр. 140—145.

⁵⁾ См. тамъ же стр. 170—177.

⁶⁾ См. тамъ же стр. 146—152.

⁷⁾ См. тамъ же стр. 153—164.

⁸⁾ См. тамъ же стр. 165—169.

въ словахъ праздничныхъ проповѣдникъ преимущественно разяснялъ догматы православно-христіанскаго ученія; 2) въ словахъ на дни высокотожественные преимущественно говорилъ или о благотворности союза между церковію и государствомъ, или же о нравственномъ долгѣ и обязанностяхъ гражданина и патріота; 3) слово, сказанное по избраніи судей для с.-петербургской губерніи, имѣетъ спеціально правоучительный характеръ и, наконецъ, 4) слова, сказанныя при погребеніи трехъ архипастырей, имѣютъ похвально-правоучительный характеръ.

Должно замѣтить, что проповѣди Макарія, относящіяся къ петербургскому періоду его жизни, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ позднѣйшихъ проповѣдей его. Поэтому, мы попытаемся здѣсь охарактеризовать архим. Макарія, какъ проповѣдника, принявъ во вниманіе при этомъ, что изъ обозрѣваемой нами эпохи петербургскаго служенія Макарія сохранилось наибольшее количество проповѣдей сравнительно съ другими эпохами того же періода его жизни. Слѣдовательно, сказанное теперь будетъ относиться ко всему вообще петербургскому періоду жизни Макарія.

Характеристическія особенности петербургскихъ проповѣдей Макарія состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде всего, содержаніе ихъ преимущественно догматическое, отвлеченное и отрѣшенное отъ дѣйствительной жизни. Съ другой стороны, даже проповѣди не догматическаго содержанія имѣютъ характеръ и построеніе научныхъ, такъ сказать, школьныхъ разсужденій; нѣкоторые же изъ нихъ имѣютъ характеръ какъ будто схоластическій. Далѣе, уже въ этотъ періодъ у Макарія замѣчается тяготѣніе къ одному предмету, который впослѣдствіи становится преимущественною темою проповѣдей его: это, какъ онъ самъ выражается, „законъ христіанской любви“¹⁾. Вообще въ петербургскій періодъ своей жиз-

¹⁾ См. Слово на день коронаціи Государя Императора Николая Павловича въ 1846 г. тамъ же стр. 97.

ни архим. Макарій принадлежалъ „къ той серьезной и строгой проповѣднической школѣ, произведенія которой не только въ изложеніи и построеніи, но и въ самомъ выборѣ предметовъ рѣчи, характеризуются строгою выдержанностію законовъ гомилетики“¹⁾ и логики, возвышенностію и отлеченностію своего содержанія. Впрочемъ, это и неудивительно. У Макарія, все время проводившаго въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія, научное богословское міровоззрѣніе—предметъ академическаго преподаванія—отъ долгаго обращенія съ нимъ въ тишинѣ ученаго кабинета и на академической кафедрѣ, обратилось, какъ говорятъ, въ плоть и кровь его духовно-нравственнаго существованія, а мышленіе его сложилось въ строго-логическія и методически-правильныя формы. Поэтому, проповѣди Макарія въ петербургскій періодъ его жизни и не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ только возвышенными, отвлеченными и построенными по правиламъ гомилетики и логики разсужденіями о догматахъ вѣры и правилахъ нравственности. Прямымъ слѣдствіемъ служебнаго положенія архим. Макарія, какъ академическаго наставника, была также и слѣдующая особенность петербургскихъ проповѣдей его. Въ нихъ замѣчается наклонность къ размышленіямъ о предметахъ догматическихъ и любовь къ подтвержденію своихъ мыслей свидѣтельствами исторіи. Очевидно, это было не случайностію, а прямымъ слѣдствіемъ того, что архим. Макарій въ это время занимался преимущественно догматикой и церковной исторіей.

Изъ сказаннаго нетрудно видѣть, что всѣ характеристическія особенности петербургскихъ проповѣдей Макарія получаютъ достаточное объясненіе собственно въ одномъ обстоятельствѣ: въ положеніи его, какъ академическаго наставника. Въ тѣснѣйшей же причинной связи съ этимъ его по-

¹⁾ См. Русск. Стар. т. 38 (1883 г.) стр. 676.

ложеніемъ находится и самое количество его петербургскихъ проповѣдей. Понятно, что Макарій во весь петербургскій періодъ своей жизни, какъ лицо подчиненное, не имѣвшее определенной кафедры, съ которой онъ могъ бы систематически поучать постоянныхъ своихъ слушателей, долженъ былъ по необходимости проповѣдывать только тамъ и тогда, гдѣ и когда ему назначало начальство его. Поэтому, по нашему мнѣнію, является совершенно лишнимъ и даже неумѣстнымъ вопросъ о томъ, почему Макарій въ данное время проповѣдывалъ мало. Гораздо интереснѣе будетъ рѣшить вопросъ о томъ, почему не всѣ сохранились проповѣди Макарія, сказанныя имъ въ петербургскій періодъ. Вопросъ этотъ сдѣлается еще болѣе интереснымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее. Во 1-хъ) Макарій, отличавшійся необыкновенною аккуратностію и бережливостію во всемъ, былъ также весьма аккуратенъ и въ сохраненіи всѣхъ своихъ рукописей. Достаточно будетъ замѣтить, что онъ тщательно хранилъ всѣ свои ученическія упражненія, мельчайшія замѣтки и даже рукописи тѣхъ сочиненій, какія были напечатаны при его жизни. Почему же, спрашивается, не сохранились всѣ его проповѣди петербургскаго періода? Можетъ быть, потому что Макарій не всѣ свои проповѣди предварительно записывалъ, а нѣкоторые изъ нихъ произносилъ наизусть, какъ это онъ весьма часто дѣлалъ впоследствии¹⁾? Но во 2) это предпо-

¹⁾ Изъ писемъ преосв. Макарія къ своему брату прот. А. П. Булгакову видно, что онъ очень часто говорилъ проповѣди въ Тамбовѣ и Харьковѣ наизусть, безъ предварительной ихъ записи. О томъ же самомъ говоритъ преосв. Макарій и въ предисловіи къ собранію „словъ и рѣчей“ изданныхъ имъ въ 1864 году. „Издавая въ свѣтъ эти „Слова и Рѣчи“, читаемъ здѣсь, „единственно по желанію многихъ изъ моихъ духовныхъ чадъ, питаю себя надеждою, что они навѣяютъ меня, если не найдутъ въ моемъ изданіи всего того, чего могли ожидать, не найдутъ большей части моихъ церковныхъ поученій, — которыя они слышали, а встрѣтятъ только некоторые, весьма немногія. Съ любовію отдаю все, что имѣю: печатаю всѣ тѣ слова и рѣчи, какія успѣлъ записать вскорѣ послѣ ихъ произнесенія, но не печатаю и не могу напечатать тѣхъ, кото-

женіе не можетъ быть принято. „До епископскаго сана“, выполнѣ справедливо замѣчаетъ проф. Кипарисовъ, „всѣ проповѣди (Макарія) потому уже должны быть писанными предварительно, что тогда и Макарій подчиненъ былъ одному

ря, по обстоятельствамъ, не были мною своевременно записаны“. (См. Слова и Рѣчи Макарія, архіеп. харьковскаго. СПб. 1864 г. предисловіе). Въ высшей степени любопытно съ приведеннымъ свидѣтельствомъ преосв. Макарія о томъ, что большая часть его поученій была не записана до произнесенія и потому не напечатана, сопоставить слѣдующія разсужденія проф. Кипарисова: „о количествѣ проповѣдей Макарія, не смотря на самый тщательный сборъ ихъ, сдѣланный уже послѣ его смерти, должно сказать, что количество всякаго рода рѣчей его, сказанныхъ въ качествѣ пастыря при какомъ бы то ни было случаѣ, количество это никакъ не превышаетъ двухъ сотъ (собственно 198). Мы, конечно, говоримъ судя по доступному намъ источнику—по печатнымъ изданіямъ его проповѣдей. Но можетъ быть здѣсь именно и имѣетъ приложение то соображеніе, что проповѣдывать и печатать проповѣди—не одно и тоже и одно не совпадаетъ съ другимъ? Къ сожалѣнію (если только можно сожалѣть объ этомъ), случаи, гдѣ нашъ авторъ несомнѣнно сказывалъ проповѣди, но она не была записана, и потому не могла дойти до настоящаго времени, всѣ извѣстны почти наперечетъ и далѣе мы должны будемъ отмѣтить, что иначе, т. е. *многочисленныя проповѣди устныхъ и быть почти не могло“*.... „Очень можетъ быть, что для нѣкоторыхъ проповѣдей... написаніе могло послѣдовать позднѣе произнесенія, къ чему, конечно, давала удобство и извѣстная краткость его словъ; но большинство рѣчей, безспорно, не импровизации, но рѣчи частію предварительно даже и написанныя, а во всякомъ случаѣ плодъ не только минутнаго, но даже, вѣроятно, и не часоваго вдохновенія, а обычной умственной работы привычнаго къ мысленію человека“ (См. Цѣл. соч. стр. 10. 98). По поводу собственно послѣдняго замѣчанія почтеннаго профессора о томъ, что „большинство рѣчей Макарія безспорно были не импровизаціи“, позволяемъ себѣ привести слѣдующія собственныя слова преосв. Макарія изъ письма къ его брату А. П. Булгакову отъ 16 іюня 1857 года: „я выѣхалъ изъ Тамбова уже болѣе недѣли, проѣзжалъ разныя города и села, часто служилъ, иногда по три дня сразу и почти вездѣ говорилъ проповѣди, безъ *приготовленія, прямо на память. Проповѣди эти я не записываю и всѣ онѣ не увидятъ печати*; да и не нужно. Но я вижу и чувствую, что онѣ, при всей своей простотѣ и безыскусственности, дѣйствительнѣ проповѣдей, сочиненныхъ—искусственныхъ, какъ свободное изліаніе мыслей. Иногда эти импровизаціи не совсѣмъ удаются когда я бываю утомленъ службою.—или несовсѣмъ здоровъ, а иногда выходятъ очень удачны, какъ, напр., нынче въ Липецкѣ, гдѣ я, по случаю водъ цѣлебныхъ которыми пріѣхалъ самъ лѣчиться, поговорилъ православнымъ о водахъ духовныхъ необходимыхъ для излѣченія душъ“....

со всѣми общему закону—закону предварительной цензуры, тогда въ особенности строго блюдомому¹⁾. Слѣдовательно, всѣ проповѣди петербургскаго періода, по крайней мѣрѣ, до 1851 г. Макарій долженъ былъ предварительно записывать и представлять цензору. Но если такъ, то мы должны признать за несомнѣнный фактъ, что многія изъ петербургскихъ проповѣдей почему-то не были напечатаны Макаріемъ. Утверждаемъ это на слѣдующемъ основаніи. Изъ документальныхъ данныхъ видно, что Макарій произнесъ въ Петербургѣ проповѣдей гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ извѣстно въ печати. Такъ, напр., въ 1844 г. Макарій, по порученію начальства, произносилъ 4 проповѣди: 14 мая и 30 Августа въ Александро-Невской лаврѣ, 13 февраля и 11 іюля въ Казанскомъ соборѣ²⁾; между тѣмъ намъ извѣстно изъ 1844 года только два его слова: въ Великій Пятокъ и въ недѣлю Православія³⁾. Въ 1845 г. архим. Макарій, по порученію начальства, долженъ былъ произносить три проповѣди: 28 генваря и 6 декабря въ Казанскомъ соборѣ и 30 Августа въ Александро-Невской Лаврѣ. Но отъ проповѣди 28 генваря 1845 года архим. Макарій почему-то отказался и въ отвѣтъ на его прошеніе объ этомъ с.-петербургская духовная Консисторія просила Академическое Правленіе сообщить ему, что отъ произнесенія проповѣди 28 генваря 1845 г. онъ уволенъ; слѣдовательно, архим. Макарій въ 1845 г., повидимому, произносилъ двѣ проповѣди (30 августа и 6 декабря)⁴⁾, между тѣмъ какъ въ печати извѣстны три проповѣди его за этотъ годъ: по избраніи судей къ Казанскомъ соборѣ, на Пасху въ Александро-

¹⁾ См. его сочиненіе: 1893 г. „Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“ стр. 98.

²⁾ (м. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1843 г. дѣло № 8.

³⁾ См. Слова и Рѣчи СПб. 1891 г. стр. 31—51.

⁴⁾ См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1844 г. № 73.

Невской Лаврѣ и 6 декабря въ Никольскомъ соборѣ¹⁾. Въ 1846 году архим. Макарій долженъ былъ произнести три проповѣди: 24 февраля и 22 августа въ Казанскомъ соборѣ и 5 апрѣля (Великій Пятокъ) въ Александро-Невской Лаврѣ²⁾, а въ печати извѣстно только два слова: въ Великій Пятокъ и въ день (22 августа) священнаго вѣнчанія на царство императора Николая I³⁾. Въ 1847 году архим. Макарій, по назначенію начальства, долженъ былъ произносить 4 проповѣди: 23 марта (день св. Пасхи) въ Александро-Невской Лаврѣ и 26 февраля, 21 апрѣля и 20 ноября въ Казанскомъ соборѣ⁴⁾, а между тѣмъ извѣстно только два слова за этотъ годъ: на день Св. Пасхи и въ день рожденія Государыни Цесаревны Маріи Александровны⁵⁾. Въ 1848 году архим. Макарій, по назначенію начальства, произносилъ двѣ проповѣди: 29 февраля въ Казанскомъ соборѣ и 30 августа въ Александро-Невской лаврѣ⁶⁾; обѣ эти проповѣди сохранились и въ

¹⁾ См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 52—79. Въ настоящемъ случаѣ между печатнымъ изданіемъ проповѣдей и свидѣтельствомъ архива замѣчается противорѣчіе; по даннымъ архива, архим. Макарій долженъ былъ произнести только два слова, а между тѣмъ извѣстно ихъ три; по свидѣтельству архива, 6 декабря 1845 г. архим. Макарій говорилъ проповѣдь въ Казанскомъ соборѣ, а по печатному изданію проповѣдей (1869 г. и 1891 г.)—въ Никольскомъ С.-Петербургскомъ соборѣ. Для устраненія этого противорѣчія мы предлагаемъ слѣдующую догадку: во 1) не есть ли слово „по избраніи судей“ та самая проповѣдь, какая назначалась Макарію на 28 января 1845 г. и отъ которой онъ сначала отказался, а потомъ, быть можетъ, и произнесъ, или во всякомъ случаѣ написалъ ее? во 2) слово 6 декабря 1845 г. было произнесено, вѣроятно же всего, въ Казанскомъ, а не Никольскомъ соборѣ; по крайней мѣрѣ, въ изданіи 1847 г. оно отмѣчено произнесеннымъ въ Казанскомъ соборѣ; слѣдов., въ позднѣйшіи изданія могла вкрасться ошибка.

²⁾ См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1846 г. дѣло 21.

³⁾ См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 80—102.

⁴⁾ См. архивъ с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1846 г. дѣло № 21.

⁵⁾ См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 103—117.

⁶⁾ См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1847 г. дѣло № 17.

печати ¹⁾. Въ слѣдующемъ 1849 г. архим. Макарій, по назначенію начальства, говорилъ двѣ проповѣди: 30 августа въ Александро-Невской Лаврѣ и 21 апрѣля въ Казанскомъ соборѣ ²⁾; сохранилось же три проповѣди, при чемъ третья (при погребеніи м. Іоны 24 іюня 1849 г.) была сказана Макаріемъ, очевидно, по собственному желанію ³⁾. Наконецъ, въ 1850 г. архим. Макарій произносилъ, по назначенію начальства, двѣ проповѣди: 21 апрѣля (въ Великій Пятокъ) въ Александро-Невской Лаврѣ и 6 декабря (въ день Чудотворца святителя Николая и тезоименитства Государя Императора Николая 1-го (въ Казанскомъ соборѣ) ⁴⁾, а между тѣмъ въ печати извѣстно три, при чемъ два слова (при погребеніи архіепископовъ: Игнатія воронежскаго и Іакова нижегородскаго) были произнесены архим. Макаріемъ, очевидно, по собственному желанію, а слово въ Великій Пятокъ (21 апрѣля) не сохранилось ⁵⁾.

Итакъ, за время своего служенія въ должности инспектора и профессора Академіи архим. Макарій произносилъ 23 проповѣди, изъ нихъ сохранилось 18; видимо, что пять проповѣдей не было напечатано. Категорически рѣшить вопросъ о причинѣ ненапечатанія архим. Макаріемъ 5 произнесенныхъ имъ проповѣдей мы не беремся, за отсутствіемъ какихъ-либо несомнѣнныхъ основаній для этого рѣшенія. Ограничимся только предложеніемъ болѣе или менѣе вѣроятной догадки. Можно именно думать, что архим. Макарій былъ недоволенъ почему либо тѣми проповѣдями, какія онъ не рѣшился напечатать. Объ этомъ можно заключать, между прочимъ, и на томъ основаніи, что архим. Макарій впослѣдствіи жалѣлъ даже о

¹⁾ См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 118—131.

²⁾ См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Прав. за 1848г. дѣло № 14.

³⁾ См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 132—152.

⁴⁾ См. арх. с.-петербург. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1850 г. дѣло № 10.

⁵⁾ См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 153—177.

напечатаніи тѣхъ проповѣдей, какія вошли въ изданіе 1847 г. Посылая свое „собраніе нѣсколькихъ словъ“ ¹⁾ преосв. Иннокентію, архим. Макарій писалъ ему 28 генваря 1847 г. слѣдующее: „на мои проповѣди прошу смотрѣть какъ на грѣхъ моей юности: объ изданіи ихъ, задуманномъ въ минуту неосмотрительности, я уже немощно жалѣю. Надобно сказать, что здѣсь—въ Петербургѣ проповѣдь въ крайнемъ упадкѣ вообще“ ²⁾. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что преосв. Иннокентій не согласился съ такимъ мнѣніемъ архим. Макарія о своихъ проповѣдяхъ. Преосв. Иннокентію понравились проповѣди его ученика и въ отвѣтномъ письмѣ къ нему онъ, между прочимъ, замѣчалъ: „напрасно желдете вы объ изданіи въ свѣтъ проповѣдей вашихъ. Мало ли чего можно пожелать для совершенства своихъ произведеній! Но будемъ довольны тѣмъ, что Богъ далъ. Книжка, вами изданная, будьте увѣрены, составитъ нѣкогда одно изъ колецъ въ цѣпи исторіи литературы проповѣднической. Мнѣ она весьма понравилась“ ³⁾. По заключенію спеціальнаго изслѣдователя проповѣднической дѣятельности Макарія, это послѣднее предсказаніе преосв. Иннокентія въполнѣ сбылось ⁴⁾. Не смотря однакожъ на лестный отзывъ преосв. Иннокентія о петербургскихъ проповѣдяхъ архим. Макарія, самъ онъ оставался прежняго мнѣнія о нихъ, былъ недоволенъ ими и ставилъ ихъ значительно ниже позднѣйшихъ своихъ проповѣдей. „Радуюсь, что тебѣ нравятся мои проповѣди тамбовскія“, писалъ преосв. Макарій 19 октября 1858 года своему брату А. П. Булгакову. „Я и самъ предпочитаю ихъ прежнимъ. Тѣ писаны волей-неволей на данные случаи“

¹⁾ По нашему мнѣнію, даже самое заглавіе: „Собраніе нѣсколькихъ словъ“ показывалъ, что въ это собраніе вошли не всѣ проповѣди, произнесенныя Макаріемъ до 1847 г.

²⁾ См. Х; ист. Чт. 1884 г. т. I стр. 804—805.

³⁾ См. Церкви. Вѣсти. 1883 г. № 24.

⁴⁾ См. В. Кипарисова цит сочин. стр. 228—229.

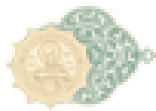

и собственно сочинены послѣ немалыхъ размышленій и хлопотъ для предварительнаго показа начальству, и потому отзываются искусственностію и холодностію. Тамбовскія совсѣмъ напротивъ: ты знаешь отъ меня, какъ онѣ создаются“^{*)}... Можно думать, что сознаніе недостатковъ (особенно искусственности и холодности) въ связи съ „крайнимъ упадкомъ проповѣди вообще въ Петербургѣ“ было главною причиною, почему архим. Макарій не счелъ нужнымъ напечатать въ свои петербургскія проповѣди.

Θ. Титовъ.

(Продолженіе будетъ)

^{*)} Изъ неадаптированнаго письма

Педагогика Джона Локка.

Въ 1693 году у А. Чорчилля въ Лондонѣ появилось сочиненіе, носившее заглавіе „Some thoughts concerning education“, авторомъ котораго, какъ можно было заключать изъ посвященія книги, былъ англійскій философъ Джонъ Локкъ. Написанныя сначала въ формѣ писемъ къ одному изъ друзей, Эдуарду Клерку изъ Чипли, эти „Мысли“ затѣмъ, по просьбѣ Молина, были соединены вмѣстѣ и наконецъ явились въ печати. Скромный авторъ далека былъ отъ претензіи на солидность, ученость и вообще большое значеніе своего труда. По его собственному выраженію, этими „необработанными набросками“ онъ желалъ лишь внести и „свою лепту“ въ важное дѣло разъясненія методовъ правильнаго воспитанія. „Я такъ далека отъ того, чтобы придавать значеніе чему-нибудь изъ предлагаемаго здѣсь мною, писалъ онъ, что нисколько не огорчился-бы..., если-бы кто другой, способнѣе и пригоднѣе меня для такого дѣла, исправилъ сдѣланныя мною здѣсь ошибки въ полномъ трактатѣ о воспитаніи“...¹⁾. Однако вышло иначе: то, что авторъ считалъ не больше, какъ мыслями или набросками, скоро приобрѣло большую популярность, распространилось далеко за предѣлами Англии, отозвалось въ „огненныхъ“ рѣчахъ автора „Эмиля“, отразилось и у насъ, въ воспитательныхъ идеяхъ Екатерины II и передовыхъ людей ея времени.

¹⁾ Мысли о воспитаніи Джона Локка. Перев. Петра Вейнберга. СПб. 1890. стр. 2.

Переводъ книги у насъ сдѣланъ былъ впервые въ 1759 году профессоромъ Поповскимъ, не съ подлинника, а съ французскаго языка ¹⁾, и выдержалъ два изданія (второе вышло въ 1788 году). Новый переводъ явился около 70 лѣтъ спустя и печатался въ видѣ особаго прибавленія къ книжкамъ журнала „Русскій Педагогическій Вѣстникъ“ (за 1857 и 1858 г.г.). Наконецъ, въ 1890 году редакция журнала „Русская школа“, въ виду важности сочиненія, съ одной стороны, и недостатковъ существовавшаго перевода, съ другой, издала новый, полный и близкій къ подлиннику, переводъ П. Вейнберга.

Итакъ, скромныя „Мысли“ Локка не утратили своего интереса и до настоящаго времени. Мало того: единогласнымъ судомъ педагогической критики книга отнесена къ числу *классическихъ* сочиненій по вопросамъ воспитанія. Чему обязанъ англійскій философъ такую популярностію своего педагогическаго сочиненія? Какое объективное значеніе должно признать за его „Мыслями“ въ общемъ историческомъ развитіи педагогическихъ идей?

Принципы педагогики Локка не разъ подвергались обсужденію, но только какъ-бы вскользь, мимоходомъ, большею частію на страницахъ сочиненій по общей исторіи воспитанія. Критическія замѣчанія, встрѣчающіяся здѣсь, крайне поверхностны, не основаны на всестороннемъ научномъ изслѣдованіи предмета; отдѣльнаго-же, такого именно разбора педагогическихъ началъ Локка, насколько намъ извѣстно, въ русской литературѣ нѣтъ. Между тѣмъ, книга Локка заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія уже хотя-бы потому, что вышла изъ подъ пера великаго философа.

Въ педагогическомъ ученіи Локка не могли не отра-

¹⁾ „О воспитаніи дѣтей господина Локка переведено съ французскаго на російскій языкъ Императорскаго Московскаго Университета Профессоромъ Ник лаемъ Поповскимъ. Печатано при Импер. Моск. Университетѣ. 1759 года“

виться его философскія идеи; даже болѣе—послѣднія непремѣнно должны были лечь въ основу перваго. Поэтому для правильнаго пониманія „Мыслей“ Локка необходимо рассмотреть ихъ въ связи съ философіей автора,—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ эта связь выразилась наиболѣе рельефно,—для надлежащей-же оцѣнки значенія ихъ въ исторіи педагогики необходимо выяснить тѣ условія, среди которыхъ онѣ появились, т. е. состояніе педагогики въ эпоху Локка, и то вліяніе, какое произвели онѣ на послѣдующее развитіе теоріи воспитанія.

Приступая къ разбору и оцѣнкѣ педагогическаго труда Джона Локка, постараемся рассмотреть его именно съ этихъ сторонъ.

I.

Семнадцатый вѣкъ, время, въ которое выступилъ со своимъ ученіемъ Локкъ, это, такъ сказать, голова Януса въ исторіи педагогики: съ одной стороны—здѣсь мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ попытокъ внести новыя начала въ педагогическое дѣло, съ другой же стороны—послѣднее, какъ бы оглядываясь назадъ, все еще твердо держится традицій схоластики.

То направленіе средневѣковой школьной науки, которое увѣковѣчено въ исторіи подъ именемъ схоластики, характерно крайнею безжизненностію, косностію, какъ по своему содержанію, такъ и по методамъ преподаванія. Пресловутыя „Artes liberales“, завѣщанныя среднимъ вѣкамъ древностію и нашедшія здѣсь такое надежное убѣжище для себя, служили лишь подготовительною школою къ богословію; въ частности, логика съ діалектикой, входившія въ программу этихъ „свободныхъ искусствъ“, прямою задачею для себя ставили приготовленіе ума къ тонкостямъ богословской аргументаціи. Естественныя науки остаются въ совершенномъ загонѣ. Галилей жалуется, что ему никогда не удастся убѣдить кого-нибудь

изъ ученыхъ посмотрѣть въ его телескопъ. И не удивительно: современные ему ученые твердо вѣрятъ, что истину, въ какой угодно области, можно узнать только путемъ изученія древнихъ манускриптовъ. Здѣсь, въ твореніяхъ древнихъ и главнымъ образомъ—Аристотеля, заключается вся возможная для человѣческаго познанія мудрость. Поэтому пользоваться этими твореніями, толковать ихъ по образцу толкованія Библии въ области вѣроученія—вотъ все дѣло науки. Методъ ея дедуктивный. Путемъ спекулятивныхъ заключеній можно познать истину вѣрнѣе, основательнѣе и глубже, чѣмъ путемъ тщательныхъ изслѣдованій. Общія положенія и часто неясныя идеи для большинства представляютъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ добытые съ большимъ трудомъ, приобретенные путемъ самой скрупулезной детальной разработки единичные факты точныхъ наукъ. Таковъ-же и методъ школьнаго преподаванія—чисто формальный, механический. Не только въ грамматикѣ, но и во всѣхъ другихъ наукахъ ученику сообщаются въ готовой догматической формѣ общія положенія или правила, которыя ему приходится усвоить только памятью. Мышленіе, такимъ образомъ, остается незатронутымъ; работаетъ одна память. За то съ изумительною любовью разрабатывается область диспута, являющагося главнымъ нервомъ всего схоластическаго обученія и единственнымъ упражненіемъ для ума учениковъ. Всѣ силы мысли, жаждущей жизни и дѣятельности, разряжаются въ бесплодныхъ тонкостяхъ діалектическаго разсужденія, удаленнаго отъ всего сколько-нибудь реальнаго. Само собою понятно, что эта логическая гимнастика, доходившая до акробатства, не только не будила пытливости въ душѣ учениковъ, но наоборотъ, притупляла мысль, усыпляла въ ней всякое стремленіе къ жизни, такъ какъ не предлагала ей никакой пищи.

Итакъ, движенія впередъ, прогресса, развитія на почвѣ схоластики не могло быть. И если человѣкъ, выступившій самымъ яркимъ противникомъ ея, написалъ на знамени своемъ

полный жизни девизъ: „plus ultra“ — „впередъ“, то самымъ характернымъ девизомъ схоластики можно-бы признать: „pop ultra“ — „ни съ мѣста“! Такимъ сковывающимъ, мертвящимъ духомъ вѣяла здѣсь вся постановка учебно-воспитательнаго дѣла.

Но пытливый по природѣ духъ человѣческій не могъ долго подчиняться токому противоестественному девизу. Великія открытія и изобрѣтенія по необходимости обращаютъ взоры всей Европы къ живой природѣ и порождаютъ новый взглядъ на міръ и человѣка. Какъ реформація въ церковной области, такъ естествознаніе въ области научной колеблутъ многое, доселѣ считавшееся непоколебимымъ. Методъ индуктивный заявляетъ свои права; наблюденіе и экспериментъ объявляютъ себя единственными источниками достовѣрнаго знанія. И это не только въ области естественныхъ наукъ: всѣ явленія духовной жизни, наравнѣ съ процессами физическими, по суду этого новаго направленія, должны подлежать всестороннему критическому изслѣдованію.

Это новое движеніе не могло пройти безслѣдно и для педагогики. Во Франціи, въ Англіи, въ Германіи покачнулись основныя столбы, на которые опиралось все зданіе воспитанія. Сначала робко и едва замѣтно, потомъ все громче и настойчивѣе стали раздаваться протесты по адресу дряхлѣющей схоластики, указывавшіе на необходимость измѣненія всего строя учебно-воспитательнаго дѣла, соотвѣтственно новымъ условіямъ жизни и культуры.

Такимъ протестантомъ является уже Франсуа Раблѣ (1483—1553) въ своемъ сатирическомъ романѣ „Достославная жизнь великаго Гаргантюа“¹⁾. Здѣсь, подъ прикрытіемъ смѣха и шутокъ, въ веселомъ популярномъ разсказѣ о похожденіяхъ героя французскихъ народныхъ легендъ богатыря Гаргантюа, авторъ высказываетъ много смѣлыхъ мыслей касательно различныхъ сторонъ современной жизни и, между прочимъ, касательно воспитанія. Такъ, описывая дѣтскіе годы

¹⁾ „La vie inestimable du grand Gargantua“. Тагъ озаглавлена 1-я часть романа, появившаяся въ 1532 г.

своего героя, онъ выводитъ на сцену знаменитаго доктора теологіи Тубала Олоферна, который приступаетъ къ обученію Гаргантюа по всѣмъ правиламъ схоластики. Подъ его опытнымъ руководствомъ, мальчикъ за 5 лѣтъ и 3 мѣсяца одолеваетъ азбуку. Затѣмъ 13 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 2 недѣли онъ читаетъ латинскую грамматику и параболы Алана. 18 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ послѣ этого уходятъ на чтеніе трактата Іоанна Гарланда „De modis significandi“ съ комментаріями различныхъ ученыхъ. Результаты получаются самые блестящіе: ученикъ настолько близко знакомится съ текстомъ трактата, что можетъ прочесть его наизусть отъ начала до конца и отъ конца къ началу. Наконецъ, еще 16 лѣтъ и 2 мѣсяца посвящаются счисленію... Послѣ такого ѣдкаго сарказма, направленного противъ схоластическихъ пріемовъ современной школы, Раблѣ рисуетъ свой идеаль воспитанія, отдавая своего героя, окончательно отупѣвшаго отъ столь долгаго зубренія, другому наставнику, Повократу. Подъ руководствомъ послѣдняго, черезъ нѣсколько лѣтъ Гаргантюа превращается изъ грубаго животнаго въ гармонически развитого человѣка, представителя идей и стремленій гуманизма. Въ программу обученія его входятъ уже и географія, и естественная исторія, и антропология. Большое вниманіе обращается на его физическое развитіе, для чего извѣстные часы онъ проводитъ въ играхъ и различныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ на свѣжемъ воздухѣ: ѣздитъ верхомъ, фехтуетъ, стрѣляетъ въ цѣль, въ дурную же погоду въ закрытомъ помѣщеніи молотить снопы, рубить дрова, рисуетъ или же посѣщаетъ мастерскія ремесленниковъ, фехтовальныя залы и т. п. Познанія свои Гаргантюа пріобрѣтаетъ легко, безъ всякаго насилія, потому что обученіе ведется самымъ нагляднымъ способомъ: онъ знакомится съ предметами, изучая ихъ или въ самой природѣ, во время прогулокъ, или путемъ бесѣды за обѣденнымъ столомъ, или съ помощью картъ и т. д. Цѣль, къ которой направляется все дѣло такого воспита-

нія, — развить самостоятельность мышленія и сужденія.

Въ этихъ мысляхъ своихъ Раблэ, безспорно, является уже новаторомъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Еще рѣшительнѣе высказывается противъ началъ и методовъ современнаго воспитанія Монтань (1533—1592). Пылкій, увлекающійся, склонный къ беззаботному эпикуреизму, этотъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ изъ современниковъ, безправственный и грязный циникъ, Монтань занимаетъ мѣсто на страницахъ исторіи, благодаря своимъ „Essais“¹⁾. Признавая важное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ великую трудность воспитательнаго дѣла, Монтань указываетъ конечную цѣль его въ благоразуміи и добродѣтели питомца. Средствами для достиженія этой цѣли должны служить 1) закаленіе тѣла путемъ физическаго труда и самыхъ суровыхъ тѣлесныхъ упражненій и 2) развитіе души—путемъ обученія, путемъ знакомства съ окружающимъ міромъ и путемъ опыта собственной жизни самого питомца. Въ частности, отъ обученія онъ требуетъ, чтобы оно 1) непремѣнно имѣло воспитательное значеніе и 2) отвѣчало цѣлямъ практической жизни. Первое достигается въ томъ случаѣ, если ученикъ дѣйствительно усваиваетъ и самостоятельно перерабатываетъ то, что предлагается ему въ книгахъ. Соединяя заимствуемое отсюда въ новыя связи и комбинаціи, онъ создаетъ свои собственные взгляды и сужденія. Въ этомъ смыслѣ Монтань говоритъ, что науку нельзя *надѣвать* подобно платью, а необходимо *насаждать* въ душѣ питомца; если же эта послѣдняя послѣ ученія не становится на лучшій путь, сужденія питомца не дѣлаются болѣе здоровыми, то гораздо лучше было-бы питомцу все время

¹⁾ „Les essais de messire Michel, seigneur de Montaigne“ были напечатаны въ 1580 г. въ Бордо, въ двухъ томахъ, потомъ въ 1588 г., съ прибаловленіемъ третьей книги, были изданы въ Парижѣ. На русскій языкъ книга была переведена впервые въ 1762 г. Сергѣемъ Волчковымъ подъ заглавіемъ: „Михайла Монтаніева опыты“.

потраченное на обученіе, провести за игрою въ мячъ: въ такомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, его тѣло сдѣлалось-бы здоровѣе. Наука—это опасный мечъ, который можетъ и ранить неумѣлую или слабую руку; поэтому обученіе не всякому принесетъ пользу. Оно не можетъ сдѣлать зрячимъ слѣпца, потому что оно не даетъ зрѣнія, а лишь устанавливаетъ направление взора; оно только указываетъ путь, предполагая, что ноги здоровы и сильны. Далѣе, по своему содержанію и характеру, сообщаемыя при обученіи свѣдѣнія непременно должны отвѣчать цѣлямъ практической жизни. Выходя изъ этого требованія, Монтэнъ находитъ большую часть наукъ современной ему школы совершенно ненужными, а въ тѣхъ, которыя сколько нибудь отвѣчаютъ этой цѣли, онъ видитъ слишкомъ много безполезныхъ расширеній и тонкостей. Поэтому лучше было-бы всѣ ихъ выбросить за бортъ школьнаго преподаванія, ограничивъ все дѣло послѣдняго только исполнѣ пригоднымъ къ практической жизни.

Правильная оцѣнка этихъ педагогическихъ положеній Монтэня требуетъ сопоставленія ихъ съ общими началами его чисто - эпикурейскаго міровоззрѣнія. Но и не вдаваясь въ такой критическій разборъ ученія Монтэня, не трудно видѣть, насколько шло оно въ разрѣзъ со всѣмъ характеромъ схоластики. Монтэнъ обращается къ дѣятельному, жизненному образованію, требуетъ самостоятельнаго участія въ немъ ученика, превозноситъ реальныя знанія въ противоположность царствовавшей въ схоластическихъ школахъ словесной виртуозности, настаиваетъ на необходимости, рядомъ съ развитіемъ духовной стороны питомца, укрѣпленія его физическихъ силъ. Ничего этого не знала старая школа.

Но ни Раблэ, ни Монтэнъ, не смотря на всю увлекаемость горячаго протеста послѣдняго, не оказали прямого и существеннаго вліянія на измѣненіе педагогической практики. Обоимъ не доставало основательныхъ научныхъ доводовъ

въ пользу своего ученія, да и ни одинъ изъ нихъ не привелъ своихъ взглядовъ въ стройную педагогическую систему.

Но вотъ раздается протестъ противъ всего строя и направленія схоластической науки въ другой странѣ. Оружіе на борьбу съ царствомъ косности и тьмы на этотъ разъ вынимается изъ арсенала самой-же науки, но науки живой, дѣйствующей на почвѣ природы. Геніальный авторъ „Великаго обновленія“, Бэконъ Веруламскій (1561—1626) указываетъ на опытъ и индукцію, какъ на единственно вѣрный путь къ истинѣ. Только такимъ путемъ постиженіе фактовъ ведетъ къ познанію причинъ, а это послѣднее и есть истинное знаніе, потому что „*vere scire est per causas scire*“¹⁾. Но что самое главное, что совершенно отвѣчало духу новыхъ вѣяній и стремленій человѣческой мысли, это-та цѣль, которую ставить Бэконъ для всего дѣла науки и которой обѣщаетъ достигнуть. Идя новымъ, указаннымъ имъ путемъ, человѣческая наука не ощупью и наугадъ, а навѣрное придетъ къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ и тѣмъ самымъ завоюетъ человѣку господство надъ природою. Можно сказать, что ничѣмъ такъ не подрывалась рабская вѣра въ авторитетъ схоластической науки, какъ великимъ тезисомъ „Новаго органа“: „*Meta scientiarum vera et legitima non alia est, quam ut dotetur vita humana novis inventis et copiis*“²⁾.

Такимъ образомъ, побуждая духъ человѣческій отказаться отъ косной вѣры въ абсолютную истину древней науки и, оторвавшись отъ мертвыхъ манускриптовъ, открытымъ взоромъ взглянуть на живую, дѣйствительную природу, Бэконъ тѣмъ самымъ оказалъ неоцѣненную услугу историческому развитію науки вообще, сдѣлавшись оцомъ новаго, противоположнаго схоластикѣ, *реальнаго* направленія ея. Но въ этомъ-же заключается, если не прямая, то все-же весьма важная заслуга

¹⁾ Novum Organum scientiarum. Lugd. Bat. 1645. L. II. c. II. p. 156.

²⁾ Ibid. L. I, c. LXXXI. p. 88.

Бэкона и относительно педагогики. Хотя въ его великомъ зданіи наукъ теоріи воспитанія отводится скромное мѣсто приложенія къ психологіи и педагогическимъ вопросамъ посвящаются лишь немногія замѣчанія, тѣмъ не менѣе выдвинутое имъ новое направленіе всей науки вообще не могло пройти мимо педагогики, не затронувъ и ея принциповъ, не пробудивъ и здѣсь пытливую мысль отъ многовѣковаго сна. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ.

Конечно Бэконъ со своими педагогическими афоризмами еще менѣе могъ разсчитывать на прямое преобразование современныхъ школъ и воспитательнаго дѣла вообще, нежели Раблзъ и Монтанъ; но новое направленіе человѣческой мысли, вызванное его ученіемъ, породило и воспитало такого яраго реформатора дидактики, какъ Вольфгангъ Ратке (1571—1635), который всю жизнь свою провелъ въ борьбѣ за свои педагогическія идеи, въ попыткахъ примѣнить ихъ въ современной школѣ. Увлеченный смѣлымъ ученіемъ Бэкона, Ратке ставитъ для себя еще болѣе смѣлый девизъ: „*Vetustas cessit, ratio vincit*“ и, воодушевляемый имъ, горячо возстаетъ противъ схоластическихъ приѣмовъ современнаго обученія. Противъ нихъ онъ выставляетъ свой жизненный принципъ: „*juxta methodum naturae omnia*“ и—какъ прямой выводъ отсюда—„*omnia primum in lingua vernacula*“. Въ этомъ требованіи обучать сначала на родномъ языкѣ, требованіи повидимому такого примитивнаго, азбучнаго свойства, должно признать великую заслугу Ратке, если принять во вниманіе то зло, какое причиняла всему дѣлу обученія тогдашняя латинская постановка его. Вообще мы находимъ у Ратке не только глубокое пониманіе ненормальности современной постановки школы, но и самыя горячія усилія создать и, что еще важнѣе, *примѣнить на практикѣ* новый методъ обученія. Такимъ образомъ, въ его личности борьба со схоластикой, такъ сказать, переходитъ изъ области слова на поле самого педагогическаго дѣла ¹⁾.

¹⁾ (см. подробности въ нашей статьѣ: „Вольфгангъ Ратке, какъ реформаторъ дидактики“. Труды К. Д. А. 1893 г. Ноябрь.

Но и девизъ Ратке былъ еще слишкомъ смѣлъ и, безъ сомнѣнія, не одни только мечтательность, увлеченіе и отсутствіе практическаго такта были причиною всѣхъ неудачъ реформатора—энтузіаста: причиною для нихъ служила и сама новизна его идей, къ принятію которыхъ человѣчество еще только подготовлялось. Словомъ—*vetustas adhuc non cessit*. Нужно было болѣе подробное и болѣе осязательное раскрытіе новыхъ идей, чтобы произвести рѣшительный переворотъ въ еще крѣпкихъ схоластическихъ началахъ.

И такая работа уже назрѣвала. За Ратихіемъ уже шелъ тотъ великій славянскій педагогъ, дѣло котораго, по своей грандіозности и плодотворности, никогда не перестанетъ привлекать къ себѣ мысль благодарнаго человѣчества. Янъ Амосъ Коменскій (1592—1671), съ изумительною энергіею, постоянствомъ и любовью въ теченіи всей своей жизни трудившійся на пользу воспитанія и словомъ и дѣломъ своимъ, оставилъ глубокій неизгладимый слѣдъ въ исторіи педагогики. Его великія идеи, получившія детальное раскрытіе и сведенныя въ цѣльную стройную систему, обоснованію и разъясненію которой посвящены многія сочиненія его, имѣли огромное вліяніе на послѣдующее развитіе теоріи и практики воспитанія¹⁾. Но Коменскій былъ уже современникомъ Локка (1633—1704), хотя и родился на 40 лѣтъ раньше его. Естественнo поэтому, что англійскій философъ еще не видѣлъ осуществленія идей великаго славянскаго педагога въ своемъ отечествѣ. Напротивъ, оба они застаютъ и отмѣчаютъ, иногда даже одинаковыми чертами, одни и тѣ-же недостатки въ современной постановкѣ педагогическаго дѣла.

¹⁾ Педагогическіе труды и идеи Коменскаго вызвали не только заграничею, но и у насъ цѣлую обширную литературу, которая особенно замѣтно стала появляться съ 1892 года, когда весь ученый міръ торжественно праздновалъ трехсотлѣтній юбилей великаго педагога. См. напр., Ж. М. Н. Н. 1893 г. Ноябрь: «русская библіографія о Коменскомъ. Изг. А. Лѣве».

Итакъ, послѣ этого краткаго обзора главнѣйшихъ явленій въ исторіи педагогики ближайшей къ Локку, мы не должны удивляться тому, что голова Лануса еще внимательно смотрѣла назадъ, на всѣ тѣ принципы и методы воспитанія, какіе выработала средневѣковая схоластика. Какъ видимъ, и до Локка не было недостатка въ реформаторскихъ попыткахъ уяснить и уничтожить дурныя стороны схоластическаго строя воспитанія. Но эти попытки были еще слишкомъ слабы, а старыя устои, наоборотъ, слишкомъ крѣпки—для того, чтобы борьба реформаторовъ увѣнчалась полною побѣдой. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ далеко еще было до такой побѣды и даже какъ мало еще было сдѣлано въ этомъ отношеніи, взглянемъ теперь на самое учебно-воспитательное дѣло, какъ было поставлено оно въ эпоху Локка. Будемъ основываться, главнымъ образомъ, на свидѣтельствѣ самого-же Локка.

Дѣти высшихъ сословій вырастали и развивались, большею частью, въ тиши и уединеніи своихъ помѣстій и деревень. Безъ сомнѣнія, само мѣсто должно было благоприятствовать болѣе естественному, здоровому развитію этихъ юныхъ аристократовъ Альбіона сравнительно съ тѣми сверстниками ихъ, которыхъ окружала искусственная атмосфера городской жизни. Однако мы видимъ, что правильныя, естественныя условія жизни среди природы не устранили неправильности духовнаго развитія знатнаго англійскаго юношества.

Уже тогда Франція задавала тонъ всей Европѣ и въ литературѣ, и во всѣхъ вопросахъ частной и общественной жизни. „Ея авторитетъ, говоритъ Маколей, царилъ во всѣхъ вопросахъ хорошаго тона, отъ дуэли до минуэта... Въ литературѣ она была законодательницею міра. Французскій языкъ быстро дѣлался всемірнымъ языкомъ, языкомъ высшаго общества, языкомъ дипломатическимъ“¹⁾. Передъ его обаяніемъ

¹⁾ Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова II. Ч. 1. Изданіе Н. Тяблова. СПб. 1861 стр 392--393.

не могъ устоять даже языкъ латинскій, бывшій до того времени въ такомъ почетѣ въ высшемъ обществѣ и служившій языкомъ дипломатіи. Теперь „джентльменъ, который цитировалъ Горація или Теренція, считался въ хорошемъ обществѣ надутымъ педантомъ. Напротивъ, украшая свой разговоръ французскими фразами, онъ представлялъ наилучшее доказательство своихъ талантовъ и познаній“¹⁾. Естественно поэтому, что главными, а то и единственными воспитателями въ семействахъ высшаго круга являлись французскіе аббаты и бонны, а главнымъ предметомъ обученія — французскій языкъ. Безъ всякихъ грамматическихъ правилъ, путемъ одного только разговора, дѣти быстро, въ годъ-два, овладѣвали французскою рѣчью²⁾, но за то въ ущербъ для родного языка. Въ результатѣ оказывался тотъ печальный фактъ, что въ жертву французскому языку приносился не латинскій только, но и родной языкъ, на которомъ люди высшаго сословія не умѣли правильно говорить. „При многихъ дворахъ, по свидѣтельству Маколей, принцы и аристократы говорили на французскомъ языкѣ правильнѣе и изящнѣе, чѣмъ на природномъ своемъ языкѣ“³⁾. „Я могу спросить своего читателя, говорить и Локкъ: развѣ онъ не знаетъ очень много такихъ, которые, живя въ своихъ имѣніяхъ и такимъ образомъ долженствуя, вмѣстѣ съ названіемъ джентльмена, имѣть и его качества, не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, рассказать простую исторію, а ужъ и подавно говорить ясно и убѣдительно въ какомъ-бы то ни было дѣлѣ? Это, по моему мнѣнію, вина не столько ихъ собственная, сколько ихъ воспитанія... Этихъ людей... никогда не учили хорошо выражаться словами или перомъ на томъ языкѣ, который у нихъ въ постоянномъ употребленіи“⁴⁾.

Такова характерная черта воспитанія высшихъ классовъ

¹⁾ Ibid. стр. 393.

²⁾ Мысли о воспитаніи. § 165. стр. 184.

³⁾ Маколей. Т. VI. стр. 393.

⁴⁾ Мысли о воспитаніи. § 189. стр. 214.

общества. Но для того, чтобы представить общую картину, подвести общий итог всему учебно-воспитательному дѣлу за это время, для насъ важнѣе знать, какъ воспитывалось большинство, т. е. дѣти среднихъ и бѣднѣйшихъ сословій, а для этого необходимо переступить порогъ тѣхъ Grammar—Schools, въ душевной атмосферѣ которыхъ протекали лучшіе годы подрастающаго поколѣнія.

Нужно-ли говорить, что о *воспитывающемъ* обученіи менторы этихъ школъ еще не имѣли и представленія? Вся задача такой школы состояла въ сообщеніи знаній. „Ученіе, говоритъ Локкъ, обыкновенно признается главнымъ, если не единственно важнымъ для дѣтей занятіемъ и почти его одно имѣютъ люди въ виду, когда говорятъ о воспитаніи“¹⁾. По его мнѣнію, пельзя „найти такой школы, въ которой паставнику есть возможность слѣдить за нравственностью своихъ учениковъ и которая можетъ похвалиться хорошими результатами“ въ этомъ отношеніи²⁾. Всѣ заботы школы направлялись къ тому, чтобы наполнить юныя головы тяжелымъ грузомъ тогдашней науки. Для чего? Что могъ извлечь отсюда питомецъ такой школы послѣ, сдѣлавшись взрослымъ человекомъ и занявши свое мѣсто въ общественной и государственной жизни? Объ этомъ думали меньше всего и потому центр тяжести обученія лежалъ именно въ такихъ предметахъ, которые послѣ составляли только никуда негодный, а то и прямо вредный балластъ въ головѣ человека. Сенека жалуется на свое время, говоритъ Локкъ, „а между тѣмъ въ ту пору Берджерсидиціусами и Шейблерами³⁾ свѣтъ не кишѣлъ такъ, какъ кишитъ въ наши дни. Что подумалъ-бы онъ, если-бы жилъ теперь, когда воспитатели считаютъ своею великою

¹⁾ Ibid. § 147. стр. 169.

²⁾ Ibid. § 70 стр. 62.

³⁾ Авторы нѣсколькихъ, популярныхъ въ то время, сочиненій по логикѣ и метафизикѣ.

обязанностью наполнять классныя комнаты и головы своихъ воспитанниковъ такими писателями, какъ вышеупомянутые! У него было-бы гораздо больше основаній сказать--какъ онъ выразился—*Non vitae, sed scholae discimus* („мы учимся не для жизни, а ради учености“); и наше нынѣшнее воспитаніе дѣлаетъ насъ тоже пригодными больше для университетовъ, чѣмъ для жизни“. Видя въ этомъ печальномъ фактѣ своего рода слѣдованіе разъ установившейся модѣ или обычаю, философъ удивляется тому, что обычай этотъ такъ обятельно дѣйствуетъ на всѣхъ людей, не исключая самыхъ „порядочныхъ и способныхъ“ между ними. Между тѣмъ, если-бы эти люди „посоветовались со своимъ разсудкомъ, то онъ сказалъ-бы имъ, что нельзя наполнять головы питомцевъ запасомъ хлама, о большей части котораго они обыкновенно никогда не вспоминаютъ и, конечно, не встрѣчаютъ надобности вспоминать, во все продолженіе своей жизни“ ¹⁾.

Латинскій и, частію, греческій языки, „искусство доказывать что-либо логическими тонкостями“, „отвлеченныя спекуляціи натуральной философіи и метафизики“ ²⁾—вотъ предметы, на которые обращалось почти все вниманіе современной Локку школы. „Когда я вижу, говоритъ онъ, какой шумъ поднимаютъ изъ-за капли латыни и греческаго, сколько лѣтъ тратится на нихъ, и сколько тревоги и заботы вызывается ими безъ цѣли, то съ трудомъ могу не быть того мнѣнія, что родители дѣтей постоянно живутъ подъ страхомъ розги учителя, на которую они смотрятъ, какъ на единственное орудіе воспитанія, находя также, что весь предметъ его составляютъ одинъ-два языка. Иначе какъ было-бы возможно, чтобы ребенка приковывали къ скамѣ въ теченіи семи, восьми или десяти лучшихъ лѣтъ его жизни, для ознакомленія его съ однимъ—двумя языками, выучиться которымъ

¹⁾ Мысли о воспитаніи § 94 стр. 101—102

²⁾ Ibid стр. 99.

можно-бы, по моему мнѣнію, при гораздо меньшемъ расходованіи времени и труда и почти играя¹⁾.

При обученіи латинскому языку, въ качествѣ грамматики употреблялся трактатъ испанскаго лингвиста конца XVI в. Санкція Броцензиса: „Minerva seu de causis linguae latinae“, снабженный комментаріями ученыхъ Сціппія и Перизонія²⁾. Для упражненія и совершенствованія въ языкѣ, учениковъ заставляли писать на немъ разсужденія, рѣчи и стихи. „Напримѣръ, говоритъ Локкъ, требуется сочинить разсужденіе на какую-нибудь латинскую поговорку въ родѣ „Omnia vincit amor“, или „Non licet in bello bis pectore“. И тутъ бѣдный мальчикъ, не имѣющій никакого знакомства съ вещами, о которыхъ ему приходится говорить, знакомства, приобретаемаго только временемъ и наблюденіемъ, долженъ подвергаться пыткамъ всю свою изобрѣтательность, чтобы сказать что-нибудь, когда онъ не знаетъ ничего... Въ такихъ случаяхъ бѣдныя дѣти отправляются къ ученикамъ высшихъ классовъ съ такою просьбой: „пожалуйста, одолжите мнѣ немного смысла“. Болѣе-ли это разумно, или болѣе смѣшно—рѣшить не легко“, прибавляетъ Локкъ³⁾. Рядомъ съ такими сочиненіями шли упражненія въ составленіи латинскихъ стиховъ, „подвергая воображеніе дѣтей превышающей ихъ силу пыткамъ и неестественными трудностями препятствуя имъ бодро подвигаться впередъ въ изученіи языковъ“⁴⁾.

Греческому языку посвящалось уже меньше заботъ сравнительно съ латинскимъ, которому безспорно принадлежала пальма первенства во всей программѣ обученія⁵⁾. За то п-

¹⁾ Ibid. § 147. стр. 169—170

²⁾ Ibid. § 167. стр. 186.

³⁾ Ibid. § 171. стр. 187—198.

⁴⁾ Ibid. § 189. стр. 216—217.

⁵⁾ „Греческая эрудиція, говоритъ Маколей, не процвѣтала у насъ при Карлѣ II... Были, конечно, ученые, знакомые со всею греческою литературою отъ Гомера до Фотія; но такіе ученые встрѣчались почти исключительно между ду-

четное мѣсто было отведено тому, что Локкѣ называетъ „искусствомъ доказывать путемъ логическихъ тонкостей“, т. е. диспуту, и философъ рельефно выставляетъ на видъ всю фальшь и вредъ существовавшая въ современной ему школѣ увлеченія этимъ искусствомъ. „Не можетъ быть ничего столь нелѣпаго..., какъ неподчиненіе себя здравому смыслу или убѣдительности ясныхъ доводовъ. Есть ли что-нибудь болѣе несовмѣстимое съ приличною бесѣдой и цѣлью всякихъ преній, какъ не принимать никакого отвѣта, какъ-бы онъ ни былъ полонъ и удовлетворителенъ, но все продолжать спорить?... Идетъ-ли это къ дѣлу или не идетъ, есть-ли здѣсь смыслъ или бессмыслица, согласно-ли это съ тѣмъ, что сказано диспутантомъ прежде, или совсѣмъ противоположно ему—до того итъ дѣла. Ибо таковы, въ короткихъ словахъ, метода и высшая ступень логическаго диспута, что оппонентъ никогда не принимаетъ никакого возраженія, а диспутантъ не уступаетъ никакому доводу. Этого—что-бы ни случилось съ правдой и знаніемъ—не должны позволять себѣ ни тотъ, ни другой, если не хочеть прослыть за жалкаго простака и навлечь на себя постыдное обличеніе, что онъ оказался неспособнымъ поддержать то, что однажды утверждалъ,—ибо въ этомъ и заключается главная цѣль и слава диспутированія“. Не трудно понять, что послѣднее приводило „не столько къ открытію истины, сколько къ запутанному и фальшивому употребленію сомнительныхъ словъ“¹⁾...

Но удивительно, что рядомъ съ такимъ увлеченіемъ искусствомъ спорить и доказывать стояло въ тогдашней школѣ полнѣйшее равнодушіе къ совершенствованію въ родномъ языкѣ. „Всюду и у всѣхъ вижу я, говорить Локкѣ, какъ прене-

хоженствомъ, находившимся при университетахъ, да и при университетахъ ихъ было не много, и они по вполнѣ были цѣнны. Въ Кембриджѣ отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы богословъ умѣлъ читать Евангеліе въ подлинникѣ“.—Т. VI. стр. 391.

¹⁾ Мысли о воспитаніи. § 189. стр. 213—214.

брегаютъ усовершенствованіемъ молодыхъ людей въ ихъ собственномъ языкѣ... Если кто между нами говоритъ на своемъ родномъ языкѣ съ болѣе чѣмъ обыкновенною легкостью и чистотою, то этимъ онъ обязанъ случаю, или своимъ способностямъ, или чему нибудь другому, только не своему воспитанію и заботамъ со стороны своего учителя. Наблюдать за тѣмъ, какъ говорить или пишетъ мальчикъ по англійски—это считается ниже своего достоинства наставникъ его, воспитавшійся между греками и латинянами, хотя-бы въ немъ самомъ они присутствовали въ незначительной степени... Англійскій языкъ считается языкомъ необразованной массы¹⁾.

Итакъ, даже этотъ предметъ, столь близкій сердцу каждаго человѣка и столь необходимый въ жизни, не напелъ надлежащей оцѣнки и вниманія къ себѣ въ тогдашней школѣ, которая вся была построена на латинскомъ языкѣ и для него. Что-же говорить о другихъ дисциплинахъ—*реальной* характера? Здѣсь царилъ мертвое слово древняго Рима и рядомъ съ нимъ не оставалось мѣста ничему живому. Поэтому, вмѣсто естествознанія, питомцы латинской школы знакомились съ натуръ-философіей и метафизикой, гдѣ, между прочимъ, трактовалось о сущности пространства и времени, о причинности и цѣлесообразности и другихъ подобныхъ отвлеченныхъ матеріяхъ.

Для полноты картины остается прибавить еще нѣсколько штриховъ изъ области методики. Какимъ путемъ усвоилась вся эта премудрость?

Въ классѣ въ учебные часы не занимались объясненіемъ учебнаго матерьяла: вся работа поручалась ученикамъ на домъ. При этомъ большая часть труда должна была уйти на буквальное заучиваніе длинныхъ отрывковъ изъ латинскихъ писателей. Къ чему вело такое пріятное занятіе? „Заучиваніе уроковъ наизусть, говоритъ Локкъ, въ томъ видѣ, какъ они

¹⁾ Ibid. стр. 217.

попадаютъ на глаза въ книгѣ, безъ разбора и различія, служить, я полагаю, ни къ чему иному, какъ къ безплодной тратѣ времени и труда и къ тому, чтобы поселять въ дѣтяхъ отвращеніе къ ихъ книгамъ, въ которыхъ они не находятъ ничего, кромѣ бесполезныхъ непріятностей¹⁾.

Не удивительно, что при такой методѣ обученія ученики, если ихъ не занимали „запутанными логическими диспутами“, оставались въ классѣ все время только „безмолвными, небрежными, сонливыми слушателями“²⁾. Юный пытливый умъ жаждалъ жизни и реального знанія, а его приковывали къ формамъ и правиламъ древнихъ мертвыхъ языковъ, скрупулезно разыскивали оттѣнки выраженій и случаи употребленія ихъ. И чѣмъ меньше понимали сами учителя духъ и характеръ языка, тѣмъ старательнѣе закапывались они въ его элементы и забивали головы своихъ слушателей одними сухими правилами. Педантизмъ, точное слѣдованіе разъ установившемуся шаблону, отнимавшее всякую возможность выработки болѣе живой методѣ, какого нибудь приспособленія къ силамъ и требованіямъ учениковъ, заучиваніе наизусть безъ пониманія смысла заучиваемаго—вотъ характерныя черты школьной методѣ. Ни одинъ часъ не проходилъ здѣсь въ живой полезной работѣ. О свободномъ, самостоятельномъ пониманіи учениками содержанія учебниковъ, даже хотя-бы о какомъ-нибудь облегченіи имъ этого дѣла здѣсь не было ни малѣйшей заботы. О томъ, чтобы поддерживать вниманіе учениковъ, возбуждать въ нихъ интересъ къ объектамъ обученія, поселить въ ихъ душѣ уваженіе и любовь къ учителю, конечно, думали еще меньше. Естественно поэтому, что всю надежду на возможный успѣхъ учениковъ въ этой схоластической мудрости приходилось возлагать на всемогущую розгу, въ которой видѣли единственное исполнѣ цѣлесообразное средство и обу-

¹⁾ Мысли о воспитаніи. § 175. стр. 202.

²⁾ Ibid. § 98. стр. 107.

ченія и воспитанія. Въ концѣ концовъ вся такая школа представляла изъ себя явленіе крайне жалкое, несимпатичное даже въ глазахъ современниковъ, въ дѣтяхъ же способное поселить лишь ужасъ и отвращеніе. „При обученіи юношества, говоритъ Коменскій, по большей части примѣнялся столь жестокий методъ воспитанія, что на школы обыкновенно смотрѣли какъ на домъ ужаса и мѣсто пытокъ, и большая часть учениковъ послѣ того какъ имъ надоѣли ученье и книги, бѣжали въ мастерскія ремесленниковъ или къ другимъ жизненнымъ занятіямъ“ ¹⁾. „Почему обученіе латинскому и греческому требуютъ розги,—возмущается Локкъ,—а французскому и итальянскому можетъ обходиться безъ нея? Дѣти учатся танцовать и фехтовать безъ сѣченья; даже ариметикой, рисованіемъ и т. п. они занимаются довольно прилежно безъ побоевъ; и это можетъ навести на предположеніе, что есть нѣчто чуждое, ненатуральное и для этого возраста непріятное въ предметахъ, требуемыхъ грамматическими школами, или въ методахъ, тамъ употребляемыхъ, если дѣтей нельзя заставить заниматься этимъ безъ строгости розги, да и съ нею—далеко не безъ труда“ ²⁾.

Предоставляемъ теперь самому читателю рѣшить вопросъ: далеко-ли ушла школа Локка отъ традицій схоластики? Въ отвѣтъ остается только еще разъ повторить, что не смотря на неоднократныя попытки бороться съ этими традиціями и реформировать педагогическое дѣло, послѣднее все еще держалось старыхъ началъ.

И вотъ, въ одну изъ такихъ школъ—въ Вестминстерскую—поступаетъ и Локкъ. Можно съ увѣренностью сказать, что тѣ дурныя стороны современнаго воспитанія, на которыя такъ жалуется философъ въ своихъ „Мысляхъ“, онъ узналъ уже въ раннемъ дѣтствѣ, перенесъ ихъ на себѣ самомъ въ этомъ Вестминстерскомъ училищѣ. Для характеристики по-

¹⁾ Великая Дидактика. XI, 7 „Гимназія“. 1893 г. Ноябрь—Декабрь.

²⁾ Мысли о воспитаніи. § 86. стр. 86—87.

слѣднаго достаточно указать на доктора Бозби, одного изъ учителей этой школы во время обученія въ ней Локка. Этотъ достойный сынъ своего вѣка розгу обыкновенно называлъ ситомъ, посредствомъ котораго онъ узнаетъ хорошаго ученика: кто не прошелъ чрезъ это сито, тотъ для него и не ученикъ¹⁾. И предметы обученія, и метода преподаванія ихъ, и результаты многолѣтняго зубренія ихъ—все это, безъ сомнѣнія, благополучно пребывало въ Вестминстерской школѣ именно въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ его Локкъ.

Не лучше было поставлено дѣло образованія и въ Оксфордскомъ университетѣ, куда въ 1652 г. отправленъ былъ Локкъ на казенный счетъ, какъ лучший изъ воспитанниковъ Вестминстерской школы, и гдѣ пробылъ онъ, почти безвыѣздно, 13 лѣтъ,—сначала въ качествѣ студента, а потомъ, получивши степени бакалавра и магистра, въ должностяхъ преподавателя и цензора. Эти годы оставили въ его душѣ далеко не свѣтлыя воспоминанія. Въ обширной программѣ университетскихъ лекцій не нашлось ни одного предмета, на которомъ могъ-бы съ любовью остановиться пытливый умъ Локка, который завладѣлъ бы его симпатіями. По самому складу своего ума, Локкъ былъ расположенъ къ наукамъ конкретно—практическаго характера: отъ каждой области знанія онъ требовалъ прежде всего ясности, затѣмъ—практической пригодности, пользы. Между тѣмъ, чтó нашелъ онъ въ университетѣ?—тѣ же латинскій и греческій языки, тѣ же грамматику и риторику и многое другое, что такъ опротивѣло ему уже въ Вестминстерской школѣ. Правда, были и новые предметы, еще совершенно незнакомые Локку, но большинство изъ нихъ своею туманностію и отвлеченностію едва не довели его до отчаянія: честный, добросовѣстный юноша, на-

¹⁾ John Locke's „Gedanken über Erziehung“ dargestellt und gewürdigt von Dr. Ed. Fechtner. Wien. 1894. S 7.

ходя себя прямо неспособнымъ понимать эту высшую премудрость, готовъ былъ оставить университетъ и искать какого нибудь другого занятія, которое болѣе отвѣчало бы его природнымъ дарованіямъ. Удручающимъ образомъ дѣйствовала на Локка и вся постановка университета, духъ и характеръ его. Ему противны были и та внѣшняя чопорность, напускная важность, въ которую драпировались профессора съ цѣлью прикрыть свое внутреннее убожество, и то высокое самоиѣніе ихъ, рядомъ съ которымъ прекрасно уживалось самое низкое пресмыкательство предъ общепризнанными авторитетами, ихъ стремленіе рисоваться своею мнимою ученостію, выставлѣть на показъ свою схоластическую эрудицію, побѣждать, хотя бы парадоксами, на диспутахъ и пр. Съ сожалѣніемъ вспоминаетъ онъ объ этихъ профессорахъ въ 1669 году, когда говоритъ: „если они занимались тонкими диспутатами на основаніи принятыхъ принциповъ, то это дѣлалось ими только для пріобрѣтенія славы, репутаціи... Міръ наполненъ книгами и диспутами; книги умножаются безъ увеличенія знанія“ и т. д.¹⁾

Итакъ, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что либеральныя педагогическія идеи могли зародиться въ умѣ Локка уже подъ вліяніемъ недостатковъ той самой школы, въ которой получилъ онъ свое образованіе. Между тѣмъ, обстоятельства жизни Локка сложились такимъ образомъ, что ему не разъ приходилось останавливаться мыслію на вопросахъ воспитанія и свои выводы провѣрять на практикѣ.

Задыхаясь въ душной атмосферѣ университета, Локкъ инстинктивно стремится къ другой области знанія, болѣе отвѣчающей природѣ его ума, и скоро сближается съ Бойлемъ и другими членами естественно-научнаго общества, образовавшагося къ тому времени въ Оксфордѣ. Подъ вліяніемъ этихъ

¹⁾ В. Серебrenиковъ. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. СПб. 1892. стр. 21 и др.

ученыхъ естествоиспытателей, въ немъ зараждается любовь къ естественнымъ наукамъ, изъ которыхъ онъ скоро выдѣляетъ медицину, какъ предметъ наиболѣе полезный вообще, а для него лично, при его плохомъ здоровьи и матеріальной необеспеченности, въ особенности. Какихъ познаній и успѣховъ достигъ Локкъ въ области медицины, объ этомъ лучше всего говорить его сближеніе съ Сиденгамомъ. Этотъ знаменитый врачъ своего времени, указавшій на значеніе опыта, изслѣдованія въ дѣлѣ медицины,—въ противоположность практиковавшемуся въ то время схоластическому методу подведенія всякой болѣзни подъ какую-нибудь общепринятую гипотезу,—былъ учителемъ и практическимъ руководителемъ Локка. И этотъ же Сиденгамъ, посвящая третье изданіе своего „Methodus curandi febres“ одному изъ своихъ друзей, открыто заявляетъ о своемъ уваженіи къ медицинскому авторитету Локка. „Вы знаете, пишетъ онъ, какъ мой методъ *вполнѣ одобряется* близкимъ и общимъ нашимъ другомъ, который внимательно и надлежащимъ образомъ изслѣдовалъ этотъ предметъ,—т. е. Локкомъ“¹⁾. Такимъ образомъ, Локкъ могъ бы принести не малую пользу обществу и на поприщѣ медицинскомъ, еслибы посвятилъ ему всѣ свои силы.

Но философъ не пошелъ дорогою врача. Свои медицинскіе совѣты Локкъ давалъ только близкимъ друзьямъ своимъ и то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, вынуждаемый лишь настоятельною просьбою ихъ. Тѣмъ не менѣе, медицина оказала важную услугу Локку. Именно благодаря ей, онъ познакомился и близко сошелся съ человѣкомъ, игравшимъ послѣ такую важную роль въ его жизни. Разумѣемъ лорда Ашли, впоследствии графа Шефтсбери. Послѣдній познакомился съ Локкомъ (въ 1666 г.) именно какъ съ врачомъ. Потомъ они узнали другъ друга на столько коротко, что лордъ, цѣня умъ и познанія Локка, предложилъ ему пріютъ въ своемъ домѣ,

¹⁾ Ibid. стр. 37 прим. 2.

а Локкѣ, съ своей стороны уважая Ашли, принялъ это радужное приглашеніе и, въ знакъ благодарности, взялъ на себя дѣло воспитанія единственнаго, умственно и физически слабаго сына лорда ¹⁾).

Къ своимъ обязанностямъ педагога Локкѣ отнесся не только вполне серьезно, но и со свойственными его характеру ревностію, энергіею и увлеченіемъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на физическую сторону дѣла. Его питомецъ былъ крайне болѣзненный юноша, здоровье котораго внушало его отцу серьезныя опасенія. Локкѣ призвалъ на помощь всю свою медицинскую опытность, и, дѣйствительно, его заботы увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какимъ характеромъ отличалась собственно педагогическая дѣятельность Локка, къ сожалѣнію мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, авторитетъ воспитателя стоялъ такъ высоко въ пріютившей его семьѣ, что его совѣты и указанія руководили молодого лорда, даже и тогда, когда послѣдній достигъ уже зрѣлаго возраста и рѣшилъ вступить въ бракъ. Старшій изъ сыновей отъ этого брака, отличавшійся большими дарованіями, опять былъ порученъ воспитательному надзору Локка. Этотъ второй педагогическій опытъ оказался еще болѣе удачнымъ. Внукъ знаменитаго графа Шефтсбери послѣ сдѣлался вполне достойнымъ и своего дѣда и своего воспитателя, заслуживъ славу своими философскими сочиненіями.

Такимъ образомъ, уже въ семействѣ Ашли Локку по необходимости пришлось столкнуться съ вопросами воспитанія и рѣшать ихъ не въ головѣ только, а и на практикѣ. Но на этомъ педагогическіе опыты его не окончились.

Послѣ паденія своего друга и партіи Вигговъ, Локкѣ, какъ приверженецъ послѣдней, долженъ былъ бѣжать изъ оте-

¹⁾ Естественно, что онъ оказывалъ при этомъ большія услуги семьѣ и своими медицинскими совѣтами. Такъ, удачною операціею онъ спасъ жизнь самому Шефтсбери.

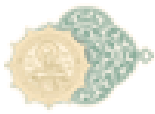
чества (въ 1683 г.). Пріютъ для себя онъ нашелъ въ Голландіи, гдѣ прожилъ болѣе пяти лѣтъ и пріобрѣлъ новыхъ друзей и знакомыхъ. И вотъ, преслѣдуемый философъ находитъ здѣсь утѣшеніе для себя въ занятіяхъ съ дѣтми, въ семействахъ „блестящаго“ богослова Лимборха и купца Форлея. Особенно привязался онъ къ маленькому Веніамину Форлею, къ которому и послѣ всегда относился съ чисто отеческимъ участіемъ.

Наконецъ, уже на закатѣ дней своихъ, послѣ того какъ (въ 1688 г.) онъ возвратился на родину и, приближенный и обласканный новымъ правительствомъ, не мало потрудился на пользу ея, Локкъ опять становится очень близко къ воспитательному дѣлу. Это было въ прекрасномъ по климату и положенію помѣстьи Oates, въ 25 миляхъ отъ Лондона, куда уѣхалъ философъ изъ шумной столицы, ища подкрѣпленія своимъ слабѣвшимъ силамъ,—въ домѣ леди Машамъ, дочери Кудворта, одного изъ многочисленныхъ друзей его. Здѣсь духъ и взгляды Локка царили во всемъ строѣ семьи, проводившей строго-благочестивую жизнь. Здѣсь же, въ частности, педагогическія наставленія Локка примѣнялись къ воспитанію юнаго Франсиса Машамъ.

Итакъ мы видимъ, что мысль знаменитаго философа далеко не всегда витала на высотахъ умозрѣнія. Часто приходилось ее спускаться, между прочимъ, и къ дѣтскому міру и внимательно слѣдить за его постепеннымъ развитіемъ. Кроме Шефтсбери, графъ Петерборо, Клеркъ, Молине не разъ обращались къ нему за совѣтомъ по вопросамъ педагогическимъ. И насколько удовлетворительно отвѣчалъ имъ философъ, это лучше всего можно видѣть, конечно, изъ его „Мыслей о воспитаніи“, которыя явились отвѣтомъ на такіе вопросы и къ которымъ мы и перейдемъ теперь.

II. Маккавейскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ ЗАГРАНИЧНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ.

Чтобы понять значеніе приведенныхъ нами (въ извлеченіи) энцикликъ папы Льва XIII касательно восточныхъ церквей, необходимо познакомиться съ тѣмъ, какъ смотрятъ на „Востокъ“ ультрамонтанскіе представители католицизма. Подъ именемъ „Востока“ христіанскаго они понимаютъ „всѣ народности христіанскія въ Азіи и Европѣ, которыя въ совершеніи св. таинствъ и богослужебныхъ обрядовъ слѣдуютъ обычаямъ, несогласнымъ съ церковію латинскою. Эти народности разбѣяны въ Абиссиніи, Египтѣ, Персіи, Турціи, Греціи, Болгаріи, Сербіи, Черногоріи, Румыніи, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Австро-Венгріи и Россіи“. Часть ихъ католическая церковь признаетъ находящимися въ уніи съ собою,—другими словами: одна часть ихъ признаетъ верховное главенство Римскаго Первосвященника. Но по мнѣнію ультрамонтанъ, число этихъ послѣднихъ къ несчастію очень незначительно. Только около 6 милліоновъ находится въ уніи, тогда какъ почти 100 милліоновъ остается внѣ ея.—Эту послѣднюю громадную часть восточныхъ христіанъ и имѣютъ въ виду энциклики Льва XIII, изданныя въ концѣ прошедшаго года. Надежды католическаго міра основаны на томъ, что восточные христіане не соединены подъ властію одной іерархіи, какъ представители католицизма; что они представляютъ изъ себя рядъ обществъ совершенно различныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, потому что они различны по національности, расѣ

и языку, а также и по своимъ богослужебнымъ обрядамъ. Такъ что, на востокѣ въ сущности находится семь уніатскихъ католическихъ церквей: 1) маронитская, подъ властію Антиохійскаго патріарха; 2) греко-католическая, глава которой имѣетъ титулъ патріарха Александрійскаго, Антиохійскаго и Іерусалимскаго, 3) армяно-католическая подъ управленіемъ патріарха Киликійскаго; 4) Халдейская подъ управленіемъ патріарха Вавилонскаго; 5) Сирійская съ патріархомъ Антиохійскимъ; 6) коптская-католическая подъ управленіемъ апостоліческаго викарія, и наконецъ 7) католическо-абиссинская тоже подъ управленіемъ апостоліческаго викарія. Число уніатовъ, принадлежащихъ къ этимъ церквямъ простирается до 640,000 человекъ. Остальное количество уніатскихъ членовъ католики относятъ къ народностямъ христіанскимъ, населяющимъ восточную Европу. Всѣ неподходящіе подъ это послѣднее понятіе извѣстны у католиковъ подъ именемъ „церкви греческой“. Но по мнѣнію католиковъ, это понятіе менѣе всего выражаетъ то, что ему должно соотвѣтствовать, потому что большая часть церкви греческой находится въ странахъ негреческихъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ католическихъ органовъ, въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, можно рассчитывать на унію съ различными восточными христіанскими обществами и съ церковью греческою. Это потому, что „въ настоящее время политическое положеніе востока значительно улучшилось. Турецкая имперія открыта для европейскаго вліянія, народы востока, принадлежащіе къ церкви греческой (или,—какъ выражаются католическіе журналы,—народы, увлеченные Константинополемъ въ схизму) допускаютъ къ себѣ представителей западной культуры и сами проникаются идеями западной цивилизаціи. Поэтому св. Престолъ не можетъ упустить случая признать въ этихъ фактахъ благопріятныя для дѣла католической церкви явленія. Поэтому то папы XIX в. все больше и больше обращаютъ свои взо-

ры на востокъ, посылають туда миссіонеровъ и не упускають ни одного случая къ тому, чтобы „посѣять въ душахъ восточныхъ христіанъ сѣмена желанной уніи“. Къ той же цѣли направлены и католическіе конгрессы послѣднихъ лѣтъ (въ Іерусалимѣ, въ Реймсѣ), патріаршескія конференціи въ Римѣ и энциклики папы Льва XIII. То, что народы запада стали болѣе живо интересоваться вопросомъ объ уніи, служить признакомъ новой фазы развитія въ исторіи уніи. Но, говоря объ уніи, возлагая надежды на ея возможность, католическая печать не скрываетъ и того, что къ осуществленію ея есть значительныя препятствія. Первое и самое главное то, что христіанскіе народы востока слишкомъ долго жили въ раздѣленіи съ западомъ и, такъ сказать, окрѣпли въ „расколѣ“. Весьма важно при этомъ обратить вниманіе на то, что латиняне не называютъ восточныхъ христіанъ еретиками, а только раскольниками. Это потому что, вѣроисповѣднымъ различіямъ они не придаютъ, повидимому, большого значенія. Многіе изъ нихъ держатся того взгляда, что богословскіе вопросы и споры были не причиною раздѣленія церквей, а слѣдствіемъ этого раздѣленія. Причиною раздѣленія церквей они считаютъ цезаризмъ византійскій, стремившійся къ уравниенію правъ и полномочій преемника апостола Петра съ правами и полномочіями другихъ іерарховъ, что и вызвало возникновеніе автокефальныхъ церквей. Принципъ, которымъ руководились Византійскіе императоры, пережилъ имперію и породилъ самостоятельныя церкви: русскую, греческую, румынскую, сербскую болгарскую, черноторскую. Всѣ онѣ имѣють такъ же мало правъ на самостоятельность, какъ и церковь Константинопольская. Итакъ, причина раздѣленія церквей каноническаго происхожденія. Что касается вопросовъ вѣроученія, всѣ они могутъ быть болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшены, если церкви восточныя, какъ и латинская церковь, обратятся къ общему источнику, т. е. къ точнымъ свидѣтельствамъ христіанска-

го преданія. А такъ какъ въ настоящее время нѣтъ уже главной (политической) причины для раздѣленія востока отъ запада, то можно надѣяться, что и самое раздѣленіе отживаетъ свое время. Но есть и другое препятствіе къ воссоединенію церквей или по крайней мѣрѣ къ уніи восточныхъ христіанскихъ обществъ съ латинскою церковію. Латиняне не скрываютъ отъ себя, что это препятствіе даже можетъ быть болѣе серьезно, чѣмъ предыдущее. Это препятствіе въ дѣлѣ раздѣленія церквей будтобы не имѣло значенія, но за то весьма многое зависитъ отъ него въ дѣлѣ устраненія этого раздѣленія. Это препятствіе состоитъ въ распространенномъ на востокъ „предубѣжденіи“, что Римъ, приглашая восточныя страны къ воссоединенію, стремится подчинить ихъ себѣ, т. е. латинизировать. По мнѣнію католиковъ это „предубѣжденіе“ возникло во время крестовыхъ походовъ, оно было причиною того, что не состоялись уніи Ліонская и Флорентійская, а поддерживалось это „предубѣжденіе“ тѣмъ, что латинскіе епископы и миссіонеры на востокъ дѣйствительно (этого не скрываютъ сами католики) стремились къ латинизаціи обращенныхъ въ католичество. Но эти дѣйствія миссіонеровъ будто бы одобренія папъ не получали. Это „предубѣжденіе“ всегда живетъ на востокъ и служитъ причиною того, что „апостольскія окружныя писанія не проникаютъ въ сознаніе народныхъ массъ на востокъ“. Народныя массы якобы всегда,—хотя и не основательно,—убѣждены въ томъ, что, признавая главенство Римскаго епископа, или воссоединяясь съ латинскою церковью, они должны будутъ принести значительныя жертвы. Это обстоятельство, по мнѣнію католиковъ, служитъ причиною того, что латинскія миссіи на востокъ почти не имѣютъ успѣха. Въ настоящее время этому „восточному предразсудку“, по мнѣнію католиковъ, нанесенъ чувствительный ударъ, такъ что и это важное препятствіе къ воссоединенію падетъ само собою.—Средствами къ осуществленію уніи должны быть слѣ-

дуюція: необходимо отстранить на задній планъ вопросы богословскаго характера, т. е. вѣроисповѣдныя разности, вызывая постоянно только къ общему для всего христіанскаго міра древнехристіанскому преданію; необходимо также заставить умолкнуть взаимную подозрительность, позабыть вражду и проникнуться взаимными симпатіями; наконецъ, необходимо увѣрить восточныхъ политиковъ, что унія съ латинствомъ для нихъ имѣетъ только одна преимущества. Необходимо внушить восточнымъ христіанамъ довѣріе къ себѣ; а этого можно достигнуть только тѣмъ, что восточнымъ христіанамъ будутъ предлагаемы миссіонеры только изъ нихъ, т. е. миссіонеры одинаковаго съ ними происхожденія, воспитанія, языка, обряда и религіи. Эту дѣль, по заявленію католиковъ, якобы и преслѣдуютъ послѣднія энциклики папы Льва XIII. Но, присматриваясь ближе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя латинство хочетъ употребить для привлеченія востока къ единству, мы увидимъ, что это тѣ мѣры, которыя всегда были примѣняемы католицизмомъ, когда ему необходимо было распространить свое вліяніе. Именно: по мнѣнію католиковъ, *необходимо уніатскимъ обществамъ востока дать многочисленный, образованный и ревностный клиръ, способный плодотворно дѣйствовать на не-уніатовъ того же самаго обряда.* Въ такого рода духовенствѣ на востокъ всюду замѣчается большой недостатокъ. За исключеніемъ немногихъ лицъ, получившихъ образованіе въ школахъ „Римской Пропанды“ или во французскихъ семинаріяхъ, восточное уніатское духовенство стоитъ ниже того уровня, на которомъ оно должно стоять, чтобы служить дѣлу возсоединенія, потому что имѣетъ образованіе только самое общее, поверхностное, совершенно недостаточное въ наше время, когда образованіе начинаетъ проникать на востокъ. По этой причинѣ со времени вступленія на престолъ Льва XIII на востокъ и основано значительное число семинарій подъ управленіемъ латинскаго духовенства, по этой же причинѣ предположено основаніе

многихъ другихъ такихъ же семинарій. Воспитанники этихъ семинарій изучаютъ свое собственное родное вѣроисповѣданіе (т. е. вѣроисповѣданіе восточныхъ обрядовъ), но подъ руководствомъ такихъ лицъ, которыя готовятъ ихъ къ воссоединенію, такъ что по окончаніи курса эти молодые люди будутъ дѣйствовать на востокѣ согласно съ западными миссіонерами, присылаемыми изъ Европы. Для той же цѣли необходимо открывать въ разныхъ мѣстахъ востока католическія школы, потому что восточные люди чувствуютъ нужду въ образованіи. Последняя мѣра особенно необходима въ виду того, что на востокѣ усилилась пропаганда „еретическая“—протестантская (англійская, американская и нѣмецкая), грозящая опасностью востоку. Таковы мѣры, необходимыя по мнѣнію католиковъ для подготовки единенія съ латинствомъ восточныхъ церквей въ собственномъ смыслѣ, т. е. армянской, мельхитской, сирійской, яковитской, несторіанской, коптской и абиссинской. Что касается уніи такъ называемыхъ автокефальныхъ церквей въ восточныхъ странахъ то она зависитъ отъ государственной власти этихъ странъ, къ которой и нужно обратиться за помощью въ данномъ случаѣ. Въ отношеніи къ этимъ странамъ лучшею мѣрою можетъ послужить развитіе дружественныхъ отношеній между католическимъ клиромъ и клиромъ церкви православной.—Весь католическій міръ во главѣ съ папою выражаетъ надежды на то, что воссоединеніе церквей возможно. Основаніемъ для такихъ надеждъ служитъ уменьшеніе враждебности между востокомъ и западомъ, сознаніе восточными церквами своей слабости и безсилія въ борьбѣ съ протестантскою пропагандою, когда онѣ дѣйствуютъ обособленно другъ отъ друга (это на отдаленномъ востокѣ) и въ борьбѣ съ распространяющимся невѣріемъ (на востокѣ европейскомъ).—На всѣ эти разсужденія католической печати о восточныхъ церквахъ вообще и въ частности о православной церкви мы должны сказать прежде всего то, что народ-

ныя предубѣжденія никогда не возникаютъ безъ основаній. Въ частности „предубѣжденіе“ восточныхъ христіанъ противъ уніи съ латинствомъ слишкомъ часто оправдывалось въ исторіи попытокъ къ воссоединенію церквей: неудивительно, что съ теченіемъ времени оно приобрѣло характеръ увѣренности въ томъ, что Римъ хочетъ подчинить себѣ помѣстные церкви всего христіанскаго міра. Невѣрно то, что этого предубѣжденія не было до раздѣленія церквей. Римскіе епископы, отказывавшіеся подписывать опредѣленія вселенскихъ соборовъ развѣ не стремились навязать всему христіанскому міру свою власть, а вѣдь это было задолго до раздѣленія востока отъ запада. Самое раздѣленіе церквей было развѣ не вслѣдствіе желанія римскихъ епископовъ властно навязать христіанскому востоку догматъ объ исхожденіи Св. Духа „и отъ Сына“ и западный обрядъ совершенія таинства причащенія? Организція и благословеніе крестовыхъ походовъ противъ востока, основаніе государствъ подъ главенствомъ папы, завоеваніе Византіи и основаніе латинской имперіи въ греческихъ странахъ—развѣ это не достаточные факты для возникновенія на востоцѣ „предубѣжденія“ противъ латинянъ? Развѣ поведеніе Евгенія IV во время Флорентійской уніи, или отношеніе Рима къ уніатамъ западно-русскимъ послѣ Брестской уніи не представляютъ рядъ самыхъ грубыхъ насилій надъ восточными христіанами съ цѣлю принудить ихъ къ переходу въ латинство? Еще недавно въ Галиціи предпринято было введеніе вмѣсто юліанскаго календаря календаря грегорианскаго и безбрачія духовенства насильственнымъ путемъ, и не далѣе какъ въ запрошломъ году тѣ же мѣры рекомендованы въ отношеніи къ уніатамъ американскимъ (переселенцамъ). Развѣ эти факты вымыслены? Можно ли составившійся на основаніи ихъ взглядъ на унію съ латинствомъ назвать „предубѣжденіемъ“ ни на чемъ неоснованнымъ“. Вѣдь католики сами признають, что ихъ миссіонеры проявляли неоднократно желаніе лати-

низировать людей, присоединявшихся къ латинству на началахъ униі. Говорятъ, что папы осуждали такое поведеніе миссіонеровъ. Собственно говоря, только отъ Льва XIII слышится голосъ противъ этого, но и то не въ формѣ осужденія, а въ формѣ признанія этихъ мѣръ не достигающими цѣлей, которыя преслѣдуетъ римскій католицизмъ. А какъ смотрѣть на непрерывное появленіе католическихъ сочиненій, въ которыхъ собраны безъ разбора всѣ пасквильныя выходки противъ православной церкви, въ особенности русской,—какъ напримѣръ сочиненія *Кни* (Knie), изъ которыхъ одно появилось почти наканунѣ созванія знаменитаго евхаристическаго конгресса католиковъ въ Іерусалимѣ? Можно ли вѣрить чистосердечности отзывовъ католиковъ о достоинствѣ восточныхъ обрядовъ послѣ того, что наговорено въ этой книгѣ, или въ ультрамонтанскихъ журналахъ, предназначенныхъ для чтенія славянскихъ народовъ (въ родѣ чешскаго журнала „Обрана“). Если папа хочетъ быть послѣдовательнымъ, если онъ имѣетъ въ виду снискать на востокѣ довѣріе къ своимъ увѣреніямъ касательно восточныхъ церквей, то онъ долженъ воспретить распространеніе недостойныхъ истиннаго христіанства выходокъ противъ православной церкви и ея представителей, а также и распространеніе каррикатуръ на все православное въ западномъ краѣ. Папа располагаетъ для этого достаточными средствами. А безъ этого всѣ оффиціальныя увѣренія окружающихъ посланій его будутъ всегда оставаться лицемѣрными попытками обмануть довѣріе православныхъ христіанъ. Есть и другія основанія подозрѣвать, что въ католическихъ заявленіяхъ о желаніи воссоединить восточныхъ христіанъ только на началахъ униі не всему можно вѣрить. Такъ, напримѣръ, въ началѣ настоящаго года въ Черногоріи папа дозволилъ католикамъ совершать литургію на славянскомъ языкѣ. Но не далѣе, какъ въ прошедшемъ году, въ Баденѣ были употреблены самыя строгія мѣры къ тому, чтобы изгнать изъ литургіи католической всѣ составныя части ея на нѣмецкомъ языкѣ. Почему такое не-

одинаковое отношеніе къ народному языку? Намъ кажется, потому, что въ Баденѣ было возможно приложить всевозможныя мѣры строгости, не рискуя утратить членовъ церкви, а въ Черногоріи нельзя. Невольно является мысль, что то же самое будетъ и въ Черногоріи, и въ другихъ странахъ съ ихъ обрядностію, когда наступитъ для этого вполне благоприятное время.

При переходѣ западныхъ христіанъ въ православіе, таинство крещенія не повторяется надъ тѣми изъ нихъ, которые признаютъ это священнодѣйствіе таинствомъ и крещены по обряду своего прежняго исповѣданія. Интересно обратить вниманіе, какъ смотрятъ на это нѣкоторые изъ западныхъ христіанъ. Въ прошедшемъ году одинъ реформатскій пасторъ повторилъ крещеніе надъ ребенкомъ, получившимъ крещеніе по лютеранскому обряду, ссылаясь на то, что крещеніе было совершено не по установленію Господню, какъ это требуется символическими книгами реформатовъ. Именно: по ученію реформатовъ, крещеніе можетъ быть совершено только спеціально поставленнымъ для совершенія таинствъ т. е. духовнымъ лицомъ. Слѣдовательно, по ученію реформатовъ, когда невозможно пригласить спеціально поставленное лицо къ совершенію таинства, никто другой (въ случаѣ даже крайней нужды) не можетъ совершить его. Но духовное лицо даже всякаго другаго исповѣданія можетъ совершить таинство, и его реформаты признаютъ дѣйствительнымъ. Случай, который вызвалъ столкновеніе реформатовъ и протестантовъ—лютеранъ по вопросу о таинствѣ крещанія былъ таковъ. Въ одной реформатской семьѣ въ Богеміи родился крайне слабый ребенокъ. Родители опасались, что онъ не доживетъ до крещенія. Безпокойству ихъ положилъ конецъ одинъ лютеранинъ, котораго реформатскія газеты называютъ „студіозусъ“. Этотъ молодой человѣкъ согласно практикѣ лютеранства крестилъ ребенка, а мѣстный пасторъ занесъ это крещеніе въ метрическую книгу. Реформатскій пасторъ это лютеранское „крещеніе въ

виду крайней необходимости призналъ недѣйствительнымъ и оставшагося въ живыхъ ребенка крестилъ снова; въ основаніе своего поступка онъ приводилъ то, что онъ въ настоящемъ случаѣ не „повторилъ уже разъ совершеннаго крещенія, а крестилъ не крещенное дитя“. Реформатскія газеты, конечно, выступили съ защитою пастора своего вѣроисповѣданія, ссылаясь на то, что лютеране не знаютъ реформатскаго ученія о крещеніи. Но оказывается, что въ лютеранскомъ и реформатскомъ исповѣданіяхъ вообще нѣтъ на этотъ вопросъ опредѣленныхъ и ясныхъ рѣшеній. Дѣло въ томъ, что реформатскій профессоръ богословія Карлъ Миллеръ, обсуждая данный случай, пишетъ въ „Реформатской церковной газетѣ“ слѣдующее: „Евангелическое ученіе во всякомъ случаѣ не поставляетъ силы таинства въ томъ: посвященъ ли совершавшій его или нѣтъ. Посвященіе и призваніе къ служенію по церковному порядку являются только законнымъ и необходимымъ условіемъ для совершенія таинства, и кто безъ этого условія приступаетъ къ совершенію таинства, тотъ вообще повиненъ въ дѣяніи, болѣе или менѣе наказуемомъ съ точки зрѣнія законосообразности, или дисциплинарныхъ порядковъ. Но, чтобы крещеніа совершенное такимъ лицомъ считалось недѣйствительнымъ, это съ точки евангелико-церковныхъ воззрѣній дѣло неслыханное... Никакое евангелико-церковное (реформатское) судилище не можетъ требовать повторенія крещенія, если, напримѣръ, „кандидатъ“ (на духовныя должности) приметъ участіе въ совершеніи этого недозволеннаго ему дѣйствія“. Естественно, конечно, спросить: виновенъ ли съ точки зрѣнія реформатовъ ихъ пасторъ, повторившій крещеніе или нѣтъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, та же газета пишетъ: „Церковно-организаторскій смыслъ Кальвина сильно настаивалъ на томъ, чтобы совершеніе таинствъ принадлежало въ церкви только призваннымъ къ тому служителямъ Слова. Въ частности крещеніе есть общественное дѣйствіе общины (Gemeinde) и лучше всего выполнять его въ присутствіи собрав-

шагося народа Божія, и никоимъ образомъ не должно унижать его до степени частнаго, личнаго дѣйствія“. Кальвинъ не признавалъ значенія за крещеніемъ, совершеннымъ изъ необходимости согласно съ практикою реформатства, потому что видѣлъ въ этомъ представленіе о крещеніи, какъ о магическомъ дѣйствіи. „Въ особенности не должны совершать крещенія повивальныя бабки: ибо женщинѣ не прилично совершеніе ни одного церковнаго дѣйствія“. Рѣшительныя заявленія Кальвина были приняты въ руководство на практикѣ; но при составленіи символическихъ книгъ, напримѣръ „Швейцарскаго исповѣданія“, составители мало обратили вниманія на то, чтобы отмѣтить ихъ надлежащимъ образомъ. Такъ что, если опредѣленія символическихъ книгъ излагать только примѣнительно къ ихъ первоначальной цѣли, то придется отдѣлать вопросъ о согласіи церковныхъ порядковъ съ Свящ. Писаніемъ или буквою символическихъ книгъ отъ вопроса о дѣйственности или силѣ крещенія, совершеннаго не вполне согласно съ церковными порядками. Не входя въ точное различіе этихъ двухъ вопросовъ, можно прити къ пониманію реформатскаго ученія въ католическомъ смыслѣ“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что даже специалисты въ настоящемъ случаѣ не даютъ прямого и положительнаго отвѣта на вопросъ о дѣйствительности крещенія по нуждѣ. Зависитъ это отъ того, что измѣнивъ древне-христіанское ученіе о таинствахъ примѣнительно къ своей догмѣ, реформаты и лютеране не смогли предусмотрѣть всевозможныхъ случаевъ при примѣненіи ученія къ жизни, и не имѣя твердаго основанія въ древне-христіанскомъ преданіи, запутываются въ противорѣчіяхъ даже по такому важному для христіанъ вопросу, какъ таинство крещенія, вводящее человѣка въ царство благодати. Протестантскія символическія книги о таинствахъ вообще и таинствѣ крещенія въ частности говорятъ очень много; но разсужденія, находящіяся тамъ, сводятся къ ряду общихъ, иногда очень неяс-

ныхъ мѣстъ, изъ которыхъ трудно вывести заключеніе о подлинномъ смыслѣ сказаннаго. Тѣмъ болѣе трудно вывести эти заключенія, что ученіе протестантовъ весьма часто выражается въ отрицательной, — полемической формѣ, — позволяющей весьма часто предполагать нѣсколько положительныхъ заключеній. Такимъ образомъ, спорный вопросъ о крещеніи окончился почти ничѣмъ, и лютеранская газета, сообщающая о немъ, заключаетъ свои разсужденія такъ: „*Намъ кажется, рѣшеніе профессора богословія Миллера (это вышеизложенное рѣшеніе) правильнымъ (scheint uns das Richtige getroffen zu haben).*

Z.

в) отъ 11 минувшаго ноября за № 5893: „По утвержденнымъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 3 текущаго ноября, докладамъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣлены на духовно-учебную службу кандидаты Кіевской духовной Академіи преподавателями въ духовныя семинаріи: Яковъ Горуновичъ въ Смоленскую, по словесности и исторіи русской литературы (въ параллельные классы) и Владиміръ Недѣльскій въ Тифлисскую, по гомилетикѣ, литургиѣ и практическому руководству для пастырей“.

г) отъ 25 того-же ноября за № 6118: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 12 текущаго ноября, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Кіевской духовной Академіи Іустинъ Юзефовичъ помощникомъ инспектора Полтавской духовной семинаріи“.

Сообщая о семъ Совѣту Академіи для зависящаго распоряженія, Канцелярія Оберъ-Прокурора Св. Синода присообщила, что объ ассигнованіи слѣдующихъ упомянутымъ лицамъ, по положенію, денегъ сообщено ею Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ.

д) Отъ 14 октября сего года за № 5429: „Отношеніемъ отъ 2 минувшаго сентября за № 4634 было сообщено Совѣту Кіевской духовной Академіи, что кандидатъ оной Кесарій Бѣлевичъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ Камышловское духовное училище.

Нынѣ Бѣлевичъ, согласно его прошенію, уволенъ Г. Исполняющимъ обязанности Синодальнаго Оберъ-Прокурора, 6-го текущаго октября, отъ даннаго ему назначенія на службу въ Камышловскомъ духовномъ училищѣ. Канцелярія Оберъ-Прокурора долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для надлежащаго свѣдѣнія“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V а) Прошение окончившаго курсъ Бѣлградской духовной семинаріи, серба, священника Стефана Димитріевича отъ 17 октября текущаго года о допущеніи его къ приѣмнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи. При прошеніи приложены необходимые документы.

б) Акты приѣмныхъ испытаній свящ. Стеф. Димитріевича: „1894 года 19 и 20 октября окончившій курсъ Бѣлградской духовной семинаріи, сербъ, священникъ Стефанъ Димитріевичъ подвергался повѣрочнымъ приѣмнымъ испытаніямъ въ Академіи и выдержалъ ихъ удовлетворительно“.

Постановили: Серба, священника Стефана Димитріевича, сдавшаго повѣрочныя испытанія въ Академіи, зачислить въ число студентовъ I курса.

VI. а) Прошение учителя Шацкаго духовнаго училища, дѣйствительнаго студента Академіи Ивана Понятовскаго отъ 9 октября сего года: „Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство допустить меня къ экзамену по педагогикѣ, каковой требуется отъ меня для утвержденія меня въ степени кандидата богословія“.

б) Актъ испытанія: „1894 года 10 октября подвергнутъ былъ испытанію по педагогикѣ, въ видахъ полученія степени кандидата богословія, дѣйствительный студентъ Академіи, преподаватель Шацкаго духовнаго училища Иванъ Понятовскій и оказалъ на испытаніи очень хорошія познанія“.

Постановили: На основаніи признанной 10 іюня текущаго года удовлетворительности сочиненія И. Понятовскаго, представленнаго имъ для соисканія кандидатской степени, и обнаруженныхъ имъ на испытаніи очень хорошихъ познаній въ педагогикѣ, а равно и оказанныхъ имъ въ теченіе академическаго курса успѣховъ по всѣмъ другимъ наукамъ и поведенію, удостоить Понятовскаго степени кандидата богословія, о чемъ, на основаніи § 81. б. 10 уст. дух. акад.,

и представить на утверждение Его Высочайшего Священства, Митрополита Киевскаго Іоаннікія, а по утвержденіи выдать ему установленный дипломъ, съ сообщеніемъ о семъ Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

VII. Прошеніе лектора Академіи, кандидата богословія Николая Мухина отъ 17 октября текущаго года: „Представляя при семъ рукописный экземпляръ моего сочиненія „Посланіе св. апостола Павла къ Колоссянамъ. Опытъ историко-экзегетическаго изслѣдованія“, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его на разсмотрѣніе въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени магистра богословія“.

Постановили: Сочиненіе Н. Мухина передать на разсмотрѣніе доценту Д. Богдашевскому, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другаго рецензента по его усмотрѣнію.

VIII. Прошеніе преподавателя Кишиневской духовной семинаріи Авксентія Стадницкаго отъ 23 минувшаго ноября: „Представляя при семъ пятьдесятъ (50) экземпляровъ моего сочиненія „Гавріиль Банулеско-Бодони, Молдовлахійскій экзархъ и митрополитъ Кишиневскій“, признаннаго Совѣтомъ Академіи достойнымъ для присужденія мнѣ степени магистра, а также и рукописный оригиналъ, покорнѣйше прошу назначить мнѣ время для прибытія на colloquiumъ. Съ своей стороны я просилъ бы назначить такимъ временемъ одинъ изъ дней между 10 и 18 декабря сего года, о чемъ покорнѣйше прошу Совѣтъ увѣдомить меня“.

Постановили: Допустить А. Стадницкаго къ защитѣ представленнаго имъ магистерскаго сочиненія на colloquiumъ въ вечернемъ засѣданіи Совѣта 19 сего декабря, о чемъ и увѣдомить А. Стадницкаго; официальными же оппонентами ему при защитѣ назначить ординарныхъ профессоровъ И. Малышевскаго и Н. Петрова.

ІХ. Отзывъ заслуженнаго ординари. проф. И. Малышевскаго о сочиненіи доцента А. Дмитріевскаго „Патмосскіе очерки“, представленномъ на соисканіе Макарьевской преміи:

„Научная цѣнность настоящаго труда опредѣляется прежде всего новостію предмета его въ нашей русской литературѣ. Наши древніе паломники говорятъ о Патмосѣ весьма мало и притомъ сообщаютъ о немъ самыя невѣроятныя свѣдѣнія. Знаменитый кіевскій паломникъ Григоровичъ-Барскій, шесть лѣтъ прожившій на Патмосѣ, въ своемъ „Странствованіи по св. мѣстамъ Востока“ посвятилъ Патмосу два солидные и весьма любопытные очерка. Но этимъ въ сущности и ограничивается весь, имѣющійся въ этой литературѣ, запасъ свѣдѣній объ этомъ замѣчательномъ островѣ. Послѣдующіе наши путешественники не жили или даже не бывали на Патмосѣ и потому и не говорили о немъ нарочито, или же сообщали о немъ свѣдѣнія только случайныя, часто ошибочныя, вообще же компилятивныя, каковы даже свѣдѣнія, имѣющіяся въ извѣстномъ „Путешествіи къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ“ А. С. Норова, который лично и не бывалъ на Патмосѣ. Так. образомъ, трудъ доцента г. Дмитріевскаго есть въ полномъ смыслѣ первый въ нашей литературѣ *ученый* трудъ, *спеціально* посвященный острову, столько достопримѣчательному по преданіямъ глубокой хр. древности, связаннымъ съ пребываніемъ здѣсь св. ап. Іоанна Богослова и написаніемъ Апокалипсиса, а также—и по особенностямъ его историческихъ судебъ и церковнаго быта.

Но цѣнность труда возвышается еще особенными условіями и достоинствами выполненія его. Нарочито прибывъ съ Аеона на о. Патмосъ лѣтомъ 1891 г., доцентъ Дмитріевскій прожилъ здѣсь нѣсколько недѣль и непосредственно изучилъ все, что представлялось достопримѣчательнымъ на Патмосѣ въ отношеніяхъ топографическомъ, археологическомъ, археографическомъ, историческомъ и современномъ бытовомъ, отражающемъ наслѣдіе далекой старины. Это непосредствен-

ное и самостоятельное изученіе восполнено широкимъ и основательнымъ знакомствомъ съ тѣми источниками и пособіями къ изученію предмета, какія имѣлись въ изданіяхъ и вообще въ трудахъ ученыхъ и путешественниковъ греческихъ, итальянскихъ, французскихъ и друг., а также и свѣдѣніями, добытыми въ свое время изъ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ. Но вся совокупность упомянутыхъ источниковъ и пособій могли получить свое значеніе только благодаря сильному запасу научныхъ средствъ у автора, знатока Востока, знатока языковъ, опытнаго въ изученіи и изслѣдованіи памятниковъ, и при наличности живыхъ и непосредственныхъ наблюденій по предмету труда, возможность которыхъ авторъ съ немалыми жертвами создалъ для себя чрезъ пребываніе на Патмосѣ. Полагая, что цѣлю настоящаго отъѣзда не требуется входить въ подробный анализъ богатаго содержанія книги „Патмоскіе очерки“, напомнимъ только сюжеты его, обозначенные главами очерковъ. Это—слѣд. главы. I. Иоанно-Богословскій монастырь на о. Патмосѣ по сравненію съ святогорскими монастырями и діоритмами. II. Гротъ Апокалипсиса. III. Патмосская Академія. IV. Важнѣйшіе храмы на о. Патмосѣ, ихъ украшенія и богатства скевофилакій Иоанно-Богословскаго монастыря. V. Описаніе рукописей типикарницы Иоанно-Богословскаго монастыря. VI. Нравы и обычаи патмосскихъ обитателей. Первая глава даетъ превосходную сравнительную характеристику святогорскаго и патмосскаго устройства и бытовыхъ отношеній послѣдняго къ окружающей средѣ, представляющихъ особенности, принадлежащія только Патмосу и обусловленныя во многомъ самой природой острова и исторически сложившимся характеромъ и образомъ жизни его обитателей. Глава обнимаетъ собою и всю несложную, но во многомъ оригинальную и замѣчательную исторію монастыря, въ которую занесены и свѣдѣнія о сношеніяхъ его съ Россією. Въ главѣ, надписываемой „Гротъ Апокалипсиса“, живописно и одушевленно воспроизведены

топографическія данныя о гротѣ, освѣщены преданіями о немъ и сопоставлены съ характеристическими мѣстами изъ Апокалипсиса. Глава о „Патмосской Академіи“ представляетъ рядъ прекрасныхъ характеристикъ ея дѣятелей изъ патмосскихъ иноковъ и болѣе замѣчательныхъ явленій недолгой исторической жизни ея. Чтеніе этой главы способно поддерживать у насъ вѣру въ остатки и задатки духовной нравственной и просвѣтительной силы въ византійскихъ грекахъ, нерѣдко колеблемой неприглядными явленіями въ представительныхъ сферахъ греческой націи и даже іерархіи. На четвертой и пятой главахъ блистательно отразился тотъ упомянутый выше запасъ спеціальныхъ научныхъ знаній, благодаря которому вещественныя сокровища скевофилакій Іоанно-Богословскаго монастыря и рукописныя собранія его типикварницы становятся теперь достояніемъ русской церковной археологіи и византіологіи. Не колеблясь, можно сказать, что автору, въ числѣ очень немногихъ археологовъ и византистовъ, доступны были самое прочтеніе, переводы и разъясненія (хотя бы иногда и гипотетическія) разнаго рода надписей на памятникахъ, рукописей и приписокъ, выдержками изъ которыхъ обилуютъ эти главы. Глава шестая, трактующая о „нравахъ и обычаяхъ патмосскихъ обитателей“ привлекаетъ новыми описаніями ихъ со многими любопытными разъясненіями и сближеніями. Слѣдуетъ упомянуть, что въ этой, а часто и въ предыдущихъ главахъ, авторъ, дѣлая ссылки на описанія и сообщенія Григоровича-Барскаго, даетъ высокое представленіе какъ о наблюдательности и знаніяхъ этого представителя старой науки нашей, такъ и его возвышенномъ нравственномъ настроеніи. Заключительная VII глава „Очерковъ“, надписываемая „Дополненія и поправки“, восполняетъ въ читателѣ чувство уваженія къ добросовѣстности автора, который не опускаетъ здѣсь оговариваться относительно и тѣхъ случаевъ, когда ему позже приходилось от-

казаться отъ какого-либо своего мнѣнія или вывода въ пользу мнѣнія и вывода другихъ.

Въ виду интереса сочиненія, отвѣчающаго общему усиливающемуся теперь у насъ интересу къ изученію Востока и въ частности къ византизму, въ виду свѣжести предмета сочиненія, въ виду научныхъ достоинствъ его, обусловленныхъ нелегко собраннымъ и выработаннымъ запасомъ спеціальной учености автора, количествомъ и качествомъ труда и жертвъ, затраченныхъ имъ на превосходное выполненіе свободно и по внутреннему призванію принятой задачи сочиненія, считаю долгомъ предложить Совѣту удостоить сочиненіе доцента г. Дмитріевскаго полной Макарьевской преміи^а.

Постановили: Сочиненіе А. Дмитріевскаго „Патмосскіе очерки“ удостоить полной Макарьевской преміи въ 800 р.,^а чемъ, на основаніи 7 § положенія о ней, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Іоаннікія, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи по принадлежности.

ХІ. а) Прошеніе доцента С. Голубева отъ 9 ноября сего года: „Имѣю честь представить Вашему Преосвященству программу чтеній по исторіи и обличенію раскола, не доставленную мною своевременно вслѣдствіе болѣзни“.

б) Отзывъ комиссіи изъ профессоровъ Ив. Малышевскаго и А. Розова: „Долгъ имѣемъ донести Совѣту Академіи, что рассмотрѣнная нами программа по исторіи русскаго раскола на 189⁴/₅ учебный годъ найдена нами отвѣчающею требованіямъ академическаго устава“.

Постановили: Программу по исторіи русскаго раскола на 189⁴/₅ учебн. годъ утвердить.

ХІІ. Отношеніе Правленія Кіевской духовной семинаріи отъ 10-го минувшаго ноября за № 1456: „Въ дополненіе къ

отношенію своему отъ 1 сего ноября за № 1421, Правленіе Кіевской духовной семинаріи честь имѣетъ препроводить при семъ въ Совѣтъ Кіевской духовной Академіи собственноручное заявленіе надзирателя Черкаскаго училища Тимоѣя Мироновича о желаніи его поступить на службу въ Пекинскую миссію“.

Справка: Надзиратель Черкаскаго духовнаго училища Тимоѣй Мироновичъ, изъявившій желаніе поступить на службу въ Пекинскую миссію, окончилъ курсъ Кіевской духовной семинаріи въ 1885 году съ званіемъ студента семинаріи.

Постановили: О желаніи Т. Мироновича поступить на службу въ Пекинскую миссію представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду.

XVI. Предложеніе Ректора Академіи: „По 91 § уст. духовн. акад., Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія Академіи, въ которомъ произносится однимъ изъ наставниковъ ея рѣчь, а также читается извлеченіе изъ отчета, составленнаго однимъ изъ членовъ Правленія. Такъ какъ это дѣло требуетъ не мало времени и труда, то предлагаю нынѣ Совѣту избрать лицъ для составленія актовой рѣчи и отчета за текущій учебный годъ, а равно назначить день для торжественнаго собранія Академіи въ 1895 году“.

Постановили: Для торжественнаго собранія Академіи въ будущемъ 1895 году назначить 26 сентября. Составленіе къ этому времени годичнаго отчета возложить на члена Правленія В. Пѣвницкаго, а составленіе рѣчи поручить доценту Н. Маккавейскому, которому и объявить объ этомъ съ поясненіемъ, что онъ какъ тему, которую изберетъ для своей рѣчи, такъ и самую рѣчь, по изготовленіи ея, заблаговременно долженъ представить Ректору Академіи.

XVII. Докладъ секретаря Совѣта: „Въ виду окончанія текущаго 1894 года и сдѣланнаго со стороны редакцій періодическихъ изданій объявленія о подпискѣ на журналы и газеты для наступающаго 1895 года, имѣю честь доложить Совѣту Академіи для зависящаго распоряженія касательно выписки тѣхъ или другихъ періодическихъ изданій для академической бібліотеки на 1895 годъ“.

Постановили: Принимая во вниманіе заявленія г.г. наставниковъ Академіи относительно получаемыхъ академической бібліотекъ и предполагаемыхъ ими къ выпискѣ въ оную періодическихъ изданій, а также и предназначенную для нихъ опредѣленную сумму, назначить къ выпискѣ для бібліотеки на 1895 годъ слѣдующіе журналы и газеты:

1. Theologische Studien und Kritiken.
2. Theologische Literaturzeitung (hrsg. von A. Harnack).
3. Allgemeine Evangelische-Lutherische Kirchenzeitung.
4. Zeitschrift für die Philosophie und philosophische Kritik.
5. Berliner philologische Wochenschrift.
6. Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie.
7. Византійскій журналъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ.
8. Revue des deux mondes.
9. Revue archeologique.
10. Revue internationale de Theologie (edit. Michaud).
11. Revue philosophique.
12. The critical Review of theological and philosophical literature.
13. Bibliotheca sacra.
14. Πανασός.
15. Ἀρχαιολογικὸν καὶ ἐθνολογικὸν Δελτίον.
16. Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей российскихъ (за 1894 и 1895 годъ).
17. Византійскій Временникъ (съ начала изданія въ 1894 году).

18. Живая Старина (изд. Ламанскаго).
19. Археологическія извѣстія и замѣтки.
20. Семья и школа.
21. Вѣстникъ воспитанія.
22. Вопросы философіи и психологіи.
23. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
24. Братское Слово.
25. Русская Старина.
26. Русскій Архивъ.
27. Филологическія записки (изд. Хованскаго).
28. Книжный Вѣстникъ.
29. Историческій Вѣстникъ.
30. Русское Обозрѣніе.
31. Вѣстникъ Европы.
32. Русскій Вѣстникъ.
33. Церковныя Вѣдомости.
34. Московскія Вѣдомости.
35. Новое Время.
36. Кіевлянинъ.
37. Кіевское Слово.
38. Жизнь и искусство.

XIX. Внесениую въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о чистѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи:

1. въ октябрѣ сего года:

А) *По болѣзни*: а) по психологіи заслуж. орд. проф. Д. В. Поспѣховымъ 4 л. (4, 25, 27 и 29 ч. ч.); б) по логикѣ и метафизикѣ заслуж. орд. проф. П. И. Линицкимъ 1 л. (29 ч.); в) по догматикѣ экстраорд. проф. М. Ф. Ястребовымъ 3 л. (10, 12 и 14 ч. ч.); г) по нравственному богословію экстраорд. проф. М. А. Олесницкимъ 3 л. (13, 14 и 15 ч. ч.); д) по латинскому языку экстраорд. проф. Н. М. Дроздовымъ 2

л. (18 ч.); е) по исторіи и обличенію русскаго раскола доцентомъ С. Т. Голубевымъ 1 л. (14 ч.); ж) по нѣмецкому яз. лекторомъ Г. М. Кульманомъ 14 л. (3, 6, 10, 20, 24, 27 и 30 ч. ч.); з) по французскому яз. лекторомъ А. Г. Тарасевичемъ 2 л. (27 ч.); и) по англійскому языку лекторомъ Н. О. Мухинимъ 1 л. (25 ч.). Б) *По вызову въ окружной судъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя: по древней общей гражд. исторіи* доцентомъ О. И. Титовымъ 2 л. (5 и 7 ч. ч.).

II. въ ноябрѣ:

А) *По болѣзни:* а) заслуж. ордин. профес. Д. В. Поспѣховымъ по психологіи 4 л. (3, 5, 10 и 12 ч. ч.); б) засл. орд. профессор. П. И. Линицкимъ по логикѣ и метафизикѣ 3 л. (1 и 2 ч. ч.); в) экстраорд. проф. М. А. Олесницкимъ по нравственному богословію 3 л. (10, 11 и 12 ч. ч.); г) доцентомъ Д. И. Богдашевскимъ по исторіи философіи 4 л. (9, 11, 18 и 30 ч. ч.); д) лекторомъ Г. М. Кульманомъ по нѣмецкому языку 4 л. (3 и 24 ч. ч.). Б) *По вызову въ окружной судъ въ качествѣ эксперта:* доцентомъ С. Т. Голубевымъ по исторіи и обличенію русскаго раскола 1 л. (11 ч.). В) *По нахожденію въ отпуску:* заслуж. орд. проф. С. М. Сольскимъ по свящ. писанію нов. зав. 5 л. (1, 2, 5, 9 и 12 ч. ч.).

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго засѣданія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

На семъ журналѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанніемъ, Митрополитомъ Киевскимъ, положена резолюція: „1894 г. Дек. 22. Утверждается“.

1894 года 19 декабря.

Въ собраніи Совѣта Киевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Сильвестра, при-

существовали ординарные и экстраординарные профессора, кроме заслуж. ординарн. профессоровъ Д. Поспѣхова и П. Лилицкаго, не бывшихъ по неизвѣстной причинѣ.

Слушали: I. Докладъ секретаря Совѣта: „Окончившій въ 1885 году курсъ наукъ Кіевской духовной Академіи со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе печатной диссертациі и публичное защищеніе ея, а нынѣ состоящій преподавателемъ Кишиневской духовной семинаріи Авксентій Стадницкій (уроженецъ Кишиневской епархіи, изъ воспитанниковъ Кишиневской дух. семинаріи) представилъ въ Совѣтъ Академіи въ мартѣ текущаго года на соисканіе степени магистра богословія свое рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ „Гавріиль Банулеско-Бодони, экзархъ Молдовлахійскій и митрополитъ Кишиневскій“. Сочиненіе это, разсмотрѣнное ординарными профессорами Ив. Малышевскимъ и Н. Петровымъ, Совѣтомъ Академіи 10 іюня текущаго года, согласно съ представленными о немъ отзывами, было признано удовлетворительнымъ для степени магистра богословія, но окончательное сужденіе объ удостоеніи автора его этой степени отложено было до напечатанія сочиненія и удовлетворительной защиты его на коллоквиумѣ въ одномъ изъ собраній Совѣта Академіи. По напечатаніи же авторомъ означеннаго сочиненія, Совѣтъ Академіи 2-го текущаго декабря постановилъ допустить магистранта къ защитѣ своего сочиненія на коллоквиумѣ въ вечернемъ засѣданіи Совѣта 19 декабря 1894 года, назначивъ официальными оппонентами для сего ординарныхъ профессоровъ И. Малышевскаго и Н. Петрова.

На семъ, состоявшемся нынѣ отъ 6^{1/2} до 8^{1/4} часовъ вечера, коллоквиумѣ, кромѣ доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи, приглашенныхъ Ректоромъ ея на основаніи примѣчанія къ 79 § уст. дух. акад., присутствовали и другія лица, не принадлежащія къ составу Академіи, но приглашенные Совѣ-

томъ ея согласно 136 § уст. дух. акад.: преосвященные Іаковъ, епископъ Чигиринскій, и Іоанникій, епископъ Уманскій, викаріи Кіевской епархіи, намѣстникъ Кіево-Печерской лавры о. архимандритъ Сергій, кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, начальники и наставники мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучители свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священники кіевскихъ приходскихъ церквей и нѣкоторые любители духовнаго просвѣщенія. Сначала А. Стадницкій далъ въ рѣчи своей краткое поясненіе задачи представленнаго имъ на степень магистра сочиненія, а затѣмъ слѣдовали возраженія со стороны назначенныхъ Совѣтомъ оппонентовъ. Кромѣ офіціальныхъ оппонентовъ возражалъ магистранту экстра-орд. профес. В. Малининъ. По окончаніи возраженій и данныхъ магистрантомъ на нихъ отвѣтовъ или разъясненій, предсѣдателемъ Совѣта предложень былъ членамъ Совѣта вопросъ: удовлетворительна ли защита? и полученъ отъ нихъ отвѣтъ утвердительный“.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительною состоявшейся защиты кандидатомъ А. Стадницкимъ сочиненія его „Гавріиль Банулеско-Бодони, экзархъ Молдовлахійскій и митрополитъ Кишиневскій“ и на основаніи признанной 10 іюня текущаго года удовлетворительности самаго сочиненія для степени магистра богословія, удостоить автора его этой степени и просить Архипастырскаго ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевского и Галицкаго Іоанникія предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи А. Стадницкаго въ степени магистра богословія, согласно § 81. в. 6. уст. дух. акад.

По удаленіи приглашенныхъ на волюкъіумъ постороннихъ лицъ, въ присутствіи однихъ членовъ Совѣта слушали:

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Іоанникіемъ въ Совѣтъ Академіи, 6-го теку-

щаго декабря, указъ Святѣйшаго Синода отъ 30 минувшаго ноября за № 5372: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27 минувшаго октября за № 826, по ходатайству Совѣта Кіевской духовной Академіи объ утвержденіи помощника смотрителя Каменецкаго духовнаго училища, кандидата богословія Ивана Олесницкаго въ степени магистра богословія, за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ „Символическое ученіе лютеранъ о таинствахъ евхаристіи и несостоятельность этого ученія“. Каменецъ-Подольскъ, 1894 г. *Приказали:* Помощника смотрителя Каменецкаго духовнаго училища, кандидата богословія Ивана Олесницкаго, удостоеннаго академическимъ Совѣтомъ за сочиненіе „Символическое ученіе лютеранъ о таинствахъ евхаристіи и несостоятельность этого ученія“ степени магистра богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву преосвященнаго Германа, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: И. Олесницкому выдать установленный дипломъ на степень магистра богословія.

III. Отзывы о печатномъ сочиненіи преподавателя Калужскаго духовнаго училища, кандидата богословія Димитрія Смирнова подъ заглавіемъ „Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе)“, представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.

а) Экстраорд. профессора Марк. Олесницкаго:

„Сочиненіе свое г. Смирновъ раздѣлилъ на три части: въ первой изложилъ исторію празднованія воскреснаго дня, во второй показалъ, въ чемъ должно состоять истинно-христіанское празднованіе этого дня, въ третьей объяснилъ значеніе празднованія воскреснаго дня въ жизни человѣка. Въ первой части говоритъ о происхожденіи и празднованіи седьмаго дня

до появленія христіанства въ мірѣ, о началѣ празднованія этого дня у христіанъ, о празднованіи его въ древней церкви, въ средніе вѣка на западѣ и въ Россіи—древней и новой. Во второй части говорятъ о сущности христіанскаго празднованія и христіанскомъ поведеніи въ праздничные дни. Въ третьей части—о значеніи празднованія воскреснаго дня для душевной жизни человѣка, тѣлесной и экономической.

Авторъ сдѣлалъ первую попытку обнять предметъ, избранный имъ для изслѣдованія, всесторонне,—и не только съ систематической точки зрѣнія, но и съ исторической. И ему удалось выполнить эту задачу. Ознакомившись тщательно съ литературою предмета, онъ успѣлъ въ достаточной степени и равномерно раскрыть всѣ стороны предмета и изложить ихъ въ гармоническомъ отношеніи другъ къ другу и въ правильной формѣ. Историческая часть и систематическая отнюдь не разрознены; первая составляетъ фундаментъ, на которомъ произведена постройка второй части. Къ пособіямъ авторъ относится не рабски. Достаточно обратить вниманіе на отношеніе его къ послѣднему по времени и лучшему сочиненію по вопросу о воскресномъ днѣ—проф. Бѣляева. Слогъ сочиненія довольно легкій, языкъ правильный.

Но противъ взгляда автора на воскресный и вообще праздничный день могутъ быть сдѣланы возраженія. Современная наука о нравственности успѣла выработать довольно опредѣленное представленіе о праздничномъ днѣ. Онъ есть, во первыхъ, день покоя (въ силу древней божественной заповѣди), во вторыхъ, день радости (въ силу воскресенія Христового, какъ и другихъ событій, имѣющихъ отношеніе къ нашему искупленію), въ третьихъ, день предвкушенія вѣчнаго блаженства (въ силу ученія ап. Павла о вѣчномъ субботаствованіи, Евр. 4, 9 и дал.). Центръ тяжести празднованія лежитъ въ богослуженіи. Но празднованіе имѣетъ и периферическую сторону. Въ ветхомъ завѣтѣ праздничный день былъ главнымъ образомъ днемъ покоя; въ новомъ завѣтѣ онъ есть

главнымъ образомъ день радости. Такъ что на вопросъ: что такое праздничный день? можно кратко отвѣтить: онъ есть день святой радости.

Что праздничный день есть день богослуженія и молитвы,—это истина древняя, общепризнанная и общеизвѣстная. Но что праздничный день есть день покоя, день радости и день предвкушенія небснаго блаженства,—это требуетъ у насъ раскрытія и объясненія. Поэтому, естественно, если богословы нашихъ дней начали обращать вниманіе на эти стороны праздничнаго дня и выставять ихъ на видъ. Послѣднее требуется и существомъ дѣла, къ этому данъ поводъ и нѣкоторыми обстоятельствами нашего времени. Важную попытку въ этомъ отношеніи сдѣлалъ проф. Бѣляевъ. Въ обширномъ и цѣнномъ трудѣ, озаглавленномъ „О покой воскреснаго дня“, онъ поставилъ себѣ задачу—выяснить, что воскресный день есть день покоя,—что покой есть нравственная и религиозная обязанность. Это первый и важный шагъ впередъ. Дальнѣйшіе шаги сдѣлаютъ тѣ лица, которыя выяснятъ, что праздничный день есть день радости, день предвкушенія небснаго блаженства, и которыя произведутъ правильную организацію центральной стороны празднованія, состоящей въ чисто-религіозной радости, и периферической стороны, состоящей въ общенравственной или общечеловѣческой радости. Г. Смирновъ не пошелъ по пути прогресса и открытій,—хотя, тѣмъ не менѣе, онъ привнесъ въ рѣшеніе вопроса свою долю оригинальности.

Взглядъ автора на воскресный и вообще праздничный день таковъ. Празднованіе тождественно съ богослуженіемъ или молитвою. Эти два слова онъ употребляетъ безразлично. Или, выразившись—„празднованіе“, онъ нерѣдко поясняетъ это слово, прибавляя—„т. е. богослуженіе“. Поэтому, цѣлодневное богослуженіе или молитва—вотъ идеалъ празднованія, по его представленію. Но онъ нашелъ, что въ древнее время благотворили въ воскресные дни; и самъ Спаситель исцѣлялъ

больныхъ въ субботу. Потому къ богослуженію авторъ присоединилъ благотвореніе бѣднымъ. Такъ что на вопросъ: что такое праздничный день? у него получается такой отвѣтъ: это день богослуженія или молитвы и благотворенія. Только эти дѣла онъ назвалъ „духовными и святыми“; а „въ воскресный день“, говоритъ онъ, „могутъ быть совершаемы только духовныя и святыя дѣла“. Все остальное исключено, какъ „мірское“, какъ недуховное и несвятое, и потому не приличествующее празднику. Одно только допустилъ еще авторъ въ праздникъ, по примѣру, какъ говоритъ онъ, древней церкви, именно улучшение пищи. Покой праздничнаго дня рѣшительно отвергнуть. Авторъ то и дѣло ведетъ борьбу съ проф. Бѣляевымъ, трактующимъ о покой воскреснаго дня. По мнѣнію г. Смирнова, праздничный день не есть день покоя. Покой понимается г. Смирновымъ только въ смыслѣ отдыха. И отдыхъ допустимъ въ праздникъ только вотъ почему. Человѣкъ не въ состояніи весь день молиться; не въ состояніи и благотворить весь день; потому онъ долженъ прерывать молитву и благотвореніе отдыхомъ. Вотъ и все значеніе праздничнаго отдыха. Отдыхъ или покой, очевидно, не требуется, на взглядъ автора, существомъ праздника и не составляетъ характеристической черты его. И потому-то авторъ часто говоритъ о „перерывахъ празднованія“,—разумѣя смѣну богослуженія или молитвы отдыхомъ для восстановленія силъ къ новому богослуженію или молитвѣ. Странное выраженіе! Не долженъ ли весь праздничный день, безъ перерывовъ, быть празднованіемъ? Не есть у автора и радость общій характеристическій признакъ праздника. Авторъ утверждаетъ, что, если мы назовемъ праздничный день днемъ радости и потребуемъ радоваться въ этотъ день, то допустимъ эвдемонизмъ. Радость праздничную онъ понимаетъ лишь вотъ какъ: праздничный день есть день богослуженія; а богослуженіе или молитва имѣетъ слѣдствіемъ своимъ духовную радость; потому въ праздникъ христіанинъ испытываетъ радость. Радость онъ

назвалъ видовымъ признакомъ праздничнаго дня. Что праздничный день самъ по себѣ есть день радости, это не извѣстно автору. А что праздникъ есть предвкушеніе будущаго блаженства праведниковъ, объ этомъ и помину нѣтъ у автора, хотя въ исторической части онъ неизбѣжно встрѣчался съ подобными мыслями нѣкоторыхъ отцевъ церкви, склонныхъ къ аллегоріи. Начинаетъ авторъ празднованіе воскреснаго дня съ вечера субботы и оканчиваетъ къ вечеру воскресенья. И естественно, коль скоро празднованіе онъ отождествилъ съ богослуженіемъ. Такъ какъ вечеръ воскреснаго дня уже не есть праздникъ въ религіозномъ смыслѣ, то вечеромъ онъ дозволяетъ „мірское празднованіе“, какъ выражается,—посѣщеніе знакомыхъ, эстетическія наслажденія и т. д. Раньше же, т. е. пока продолжается „религіозное празднованіе“, они не допустимы, будутъ оскверненіемъ праздника. „Религіозное“ и „мірское“ празднованіе авторъ совершенно раздѣляетъ, какъ не совмѣстимыя.

Неправильность представленій автора о праздничномъ днѣ произошла прежде всего отъ того, что онъ не воспользовался должнымъ образомъ первоисточниками. Авторъ обратилъ вниманіе только на такія мѣста свящ. писанія, въ которыхъ говорится, что Іисусъ Христосъ исцѣлялъ больныхъ въ субботу и обличалъ фарисеевъ, ложно понимавшихъ покой. Но онъ не воспользовался сказаніемъ евангелистовъ о воскресеніи Христовомъ. Онъ коснулся этого сказанія, только говоря о происхожденіи воскреснаго дня; но, опредѣляя сущность его, не обратилъ никакого вниманія на это сказаніе. Между тѣмъ, самъ Іисусъ Христосъ очень ясно высказалъ, что такое воскресный день и что слѣдуетъ дѣлать въ этотъ день, когда сказалъ по воскресеніи своемъ мироносицамъ: „радуйтесь!“ (Матѣ. 28, 9). Не подозрѣвалъ авторъ, что ему могутъ сослужить важную услугу и евангельскія сказанія о рождествѣ Христовомъ, о благовѣщеніи и другихъ событіяхъ, память о которыхъ составляетъ въ нашей церкви содержаніе

особыхъ праздниковъ. Между тѣмъ, напр., въ ночь рождества Христова ангелъ ясно сказалъ виолеемскимъ пастырямъ: „се благовѣствую вамъ *радость велию*, яже будетъ всѣмъ людямъ“ (Лук. 2, 10); и затѣмъ цѣлый сонмъ ангеловъ воспѣвалъ: „слава въ вышнихъ Богу“ и т. д., т. е. выражалъ *торжество*. Не обращено, затѣмъ, никакого вниманія на богослужебныя книги. Въ перечнѣ источниковъ и пособій онѣ не упоминаются; и въ теченіе всего сочиненія существованіе ихъ остается неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, если въ праздникъ мы должны являться въ церковь къ богослуженію, то весьма естественно прислушаться къ содержанію церковныхъ пѣснопѣній. И еслибы авторъ сдѣлалъ это, то онъ услышалъ бы, что не только пасхальный канонъ, но и пѣснопѣнія обыкновеннаго воскреснаго дня, какъ и другихъ христіанскихъ праздниковъ, содержатъ выраженіе торжества и призваніе христіанъ къ радости. Слѣд., торжество, радость—это не „видовой“ признакъ праздника, какъ думаетъ авторъ, а общій, родовый, и проистекаетъ радость не изъ молитвы только, но прежде всего изъ сознанія доставленнаго намъ Іисусомъ Христомъ и празднуемаго нами избавленія отъ вѣчной гибели. И въ храмъ мы идемъ съ торжествующимъ лицомъ, въ радостномъ настроеніи. А отрицая покой праздничнаго дня, авторъ, очевидно, совершенно уничтожаетъ значеніе ветхозавѣтнаго закона для христіанъ. Онъ назвалъ ветхозавѣтный законъ о субботнемъ покоѣ обрядовымъ закономъ, потерявшимъ, подобно другимъ обрядовымъ законамъ, значеніе въ христіанствѣ. Не буду распространяться о томъ, что авторъ, очевидно, держится стараго, оставленнаго современною богословскою наукою механическаго раздѣленія нравственной и обрядовой стороны въ Моисеевомъ законѣ; скажу только, что законъ о субботѣ не есть только обрядовый законъ. Это видно уже изъ того, что онъ находится въ десятисловіи. Напрасно авторъ ссылается для подтвержденія оти́мны праздничнаго покоя у христіанъ на евангельское сказаніе о нарушеніи

Иисусомъ Христомъ еврейскаго субботняго покоя и на обличеніе Имъ по этому поводу фарисеевъ. Иисусъ Христосъ отнесся отрицательно только къ фарисейской практикѣ покоя, но отнюдь не къ идеѣ покоя. „Замѣчательно, прибавляетъ еще авторъ, что Иисусъ Христосъ нигдѣ не говоритъ о значеніи покоя для тѣлесной жизни“. Этимъ замѣчаніемъ авторъ обличилъ въ себѣ не вполне ясное представленіе о задачѣ пришествія Иисуса Христа на землю. Приводитъ, затѣмъ, рядъ свидѣтельствъ изъ сочиненій отцевъ и учителей церкви, отрицавшихъ значеніе праздничнаго покоя и называвшихъ его обрядомъ, отмѣненнымъ въ новозавѣтное время. Но не принята во вниманіе борьба, которую отцы и учителя церкви должны были вести съ остатками іудейства. Не находя возможнымъ понимать покой иначе, какъ чисто отрицательно, въ смыслѣ ничего недѣланія или чисто пассивнаго состоянія (какъ понимали покой фарисеи), авторъ, очевидно, не уяснилъ себѣ понятія самосозвѣтельнаго покоя, имѣющаго положительное нравственное значеніе. Покой въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, которому мы должны предаваться въ праздникъ, есть внутренняя жизнерадостность, душевное наслажденіе не тѣми или другими предметами и сторонами жизни, а всѣмъ въ совокупности бытіемъ и существованіемъ, въ основаніи которыхъ находится Богъ. Это состояніе можетъ быть названо и предвкушеніемъ величія и славы вѣчной жизни, также составляющимъ, какъ сказано выше, характеристическую черту праздника. Праздничный покой составляетъ противоположность разбросанности и разсѣянности человѣка въ мірѣ въ теченіе шести дней рабочихъ. Но авторъ, вообще, рѣшая вопросъ о праздникѣ, не обращаетъ никакого вниманія на категоріи человѣческой жизни; вопросъ о праздникѣ рѣшается имъ чисто объективно. Къ указанному праздничному покою призываетъ христіанъ апостолъ, когда говоритъ: „Богъ упованія да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣрѣ, избыто-

чувствовать вамъ во упованіи, силою Духа Святаго (Римл. 15, 13).

Не могу согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ автора, что праздничный день начинается съ вечера кануна этого дня и оканчивается къ вечеру праздничнаго дня и что, слѣд., вечеромъ кануна праздника должны быть прекращаемы всякія житейскія работы, а вечеромъ праздника онѣ могутъ быть совершаемы (послѣдняя мысль хотя не высказана прямо авторомъ, но она естественно вытекаетъ изъ его разсужденія; и не вправѣ же мы, строго говоря, праздновать болѣе сутокъ; евреи, соблюдающіе этотъ порядокъ, вечеромъ въ субботу могутъ уже заниматься, по закону, обычными работами,—торговать и т. д.). Хотя праздничное богослуженіе начинается у насъ, въ силу ветхозавѣтнаго обычая, основаннаго на словахъ: „бысть вечеръ и бысть утро, день единъ“, съ вечера подъ праздникъ, но Іисусъ Христосъ воскресъ по наступленіи перваго дня недѣли, и пасхальную заутреню никто не вправѣ начать ранѣе 12-ти часовъ ночи.

Напрасно, далѣе, авторъ сдѣлалъ рѣзкое раздѣленіе „религіознаго“ и „мірскаго“ празднованія. „Религіозное“ празднованіе начинается, по его ученію, съ вечера кануна праздника и оканчивается къ вечеру праздника; „мірское“ же празднованіе принадлежитъ вечеру праздника. Производя такое раздѣленіе, авторъ имѣлъ, конечно, самое лучшее намѣреніе. Но на самомъ дѣлѣ онъ повредилъ дѣлу. Оторвавъ „мірское“ празднованіе отъ „религіознаго“ празднованія, слѣд. поставивъ мірское празднованіе внѣ вліянія религіи, авторъ открылъ ворота мірской распущенности. Съ другой стороны, онъ не оцѣнилъ значенія гуманной стороны человѣческой жизни по отношенію къ религіозной сторонѣ. Праздновать долженъ *весь человекъ*, а не одна только сторона его. Коль скоро авторъ допустилъ возможность лучшей пищи въ праздникъ, то на какомъ основаніи онъ исключилъ общежительность, наслажденіе искусствомъ и т. д., какъ не совмѣстимыя съ празд-

нѣкомъ или „религіознымъ“ празднованіемъ, по его выраженію. Неужели насыщеніе чрева лищею выше душевнаго наслажденія дружбой или искусствомъ? Искусство находится въ самомъ близкомъ отношеніи къ религіи. И по этой-то причинѣ мы изобильно разукрашиваемъ храмы и богослуженіе искусствомъ. Ссылка автора на отцевъ церкви, недружелюбно относившихся къ „мірскому“ празднованію, какъ онъ любитъ выражаться, и на нѣкоторыя узаконенія на счетъ этого празднованія древней Россіи не имѣетъ силы, такъ какъ тамъ имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, остатки языческаго празднованія. Соблазняетъ автора, какъ и многихъ другихъ, и обычай англичанъ и американцевъ проводить праздники въ безмолвіи и замкнуто (напр., воспрещается музыка въ паркахъ, даже всемірныя выставки закрывались въ праздничные дни). Но такой порядокъ провозженія праздничнаго дня поддерживается у этихъ народовъ потребностію уравниженія жизни: праздничная тишина и покой составляютъ у нихъ противовѣсъ чрезмѣрно шумной и хлопотливой жизни въ теченіе шести дней рабочихъ.

Вторымъ занятіемъ, приличествующимъ празднику, авторъ называлъ благотворительность. Но можно спросить: составляетъ ли благотворительность характеристическую черту праздника? Прислушиваясь, напр., къ церковнымъ пѣснопѣніямъ праздничнымъ, мы вовсе не слышимъ призванія къ благотворительности. Но если мы и отвѣтимъ на этотъ вопросъ утвердительно, то ужъ непремѣнно должны ограничить праздничную благотворительность,—должны поточнѣе опредѣлить, какого сорта благотворительность приличествуетъ празднику. А приличествуетъ ему только та благотворительность, которая не уничтожаетъ радости и покоя праздничнаго дня,—а напротивъ—возвышаетъ радость униженныхъ и неимущихъ ближнихъ нашихъ. Таковы, наприм., древнія агапы, таково и въ наше время, напр., устроеніе обѣдовъ въ праздники для нищихъ, подаваніе при выходѣ изъ церкви, посѣщеніе опечаленныхъ или больныхъ и т. д. Но авторъ потребовалъ бла-

готовленія въ праздники ближнимъ безъ всякаго ограниченія. Онъ даже прямо сказалъ, что, напр., врачъ долженъ заниматься своимъ дѣломъ, т. е. врачевать, въ особенности въ праздникъ. Съ этимъ положеніемъ никто не согласится.

Вообще, у автора недостаетъ желательной характеристики праздника. Онъ обезразличилъ праздничный день, назвавъ его безъ ограниченія днемъ благотворенія. Онъ обезразличилъ его, и назвавъ его прямо днемъ богослуженія и молитвы. Съ его точки зрѣнія нѣтъ, очевидно, различія между днемъ праздничнымъ и днями, положимъ, говѣнія, въ которые мы также являемся нѣсколько разъ въ храмъ и усиленіе молимся дома. Дни говѣнія отнюдь не праздничные дни, какъ выходитъ однако у автора. Монашествующіе, напр., каждый день бываютъ въ церкви, но отсюда не слѣдуетъ, что у нихъ каждый день праздникъ. Да и каждый христіанинъ можетъ приходить въ церковь и въ будніе дни. Но будній день есть всегда день будній, а праздникъ всегда есть день праздничный. Будніе дни суть дни плача,—независимо отъ того, были мы на богослуженіи въ храмѣ или не были; а праздничный день есть день веселія,—даже независимо, прибавлю, отъ того, были ли мы въ храмѣ въ этотъ день. Возможно, что кака-либо серьезная причина, напр., болѣзнь, воспрепятствуетъ намъ быть въ храмѣ и, быть можетъ, даже помолиться долѣе обыкновеннаго дома; но все-таки мы радуемся въ праздникъ.

Взглядъ автора на праздникъ и его провозженіе—ригористическій. Авторъ знаетъ только трудъ, только дѣятельность. Между тѣмъ, есть и другая категорія человѣческой жизни. Даже одинъ отшельникъ сказалъ ученику своему: „не слишкомъ напрягай лукъ, чтобы онъ не сломился“. Мы знаемъ, что и Самъ Іисусъ Христосъ принималъ по субботамъ приглашенія на обѣды. Бывалъ Онъ и на бракахъ.

Но, тѣмъ не менѣе, сочиненіе г. Смирнова имѣетъ научное значеніе. Взглядъ на праздничные дни проведенъ твердо

и стройно. Не лишень онъ, какъ замѣчено уже выше, и оригинальности. Пишущему о праздничныхъ дняхъ придется считаться съ г. Смирновымъ. Такъ какъ въ наше время можно ожидать появленія сочиненій скорѣе съ либертинистическимъ оттѣнкомъ, чѣмъ съ ригористическимъ, то сочиненіе г. Смирнова будетъ составлять противовѣсъ имъ и потому, по моему мнѣнію, можно примириться съ ригоризмомъ его и присудить автору степень магистра“.

б) Экстраорд. профессора О. Покровскаго:

„Настоящее сочиненіе г. Смирнова представляетъ собою печатное воспроизведеніе его рукописнаго кандидатскаго сочиненія подъ тѣмъ-же самымъ заглавіемъ. Какъ о кандидатскомъ сочиненіи, я давалъ о немъ въ свое время отзывъ. Все, что сказано было мною о немъ тогда, можетъ быть сказано и теперь.

Авторъ обзрѣваетъ свой предметъ со всѣхъ существенныхъ его сторонъ. Послѣ введенія, въ первой части своего сочиненія онъ излагаетъ исторію празднованія воскреснаго дня, начиная съ празднованія седьмаго дня въ ветхомъ завѣтѣ и оканчивая отношеніями къ празднованію его свѣтскаго и духовнаго правительства и различныхъ обществъ и сословій въ Россіи въ наши дни. Это обзрѣніе исторіи празднованія даетъ автору возможность прочно обосновать, во второй части сочиненія, свой взглядъ на истинно-христіанское празднованіе воскреснаго дня, которое должно состоять, по нему, въ посвященіи дня на дѣла служенія Богу, на дѣла святыхъ и духовныхъ, причемъ покой отъ мірскихъ дѣлъ является необходимымъ условіемъ христіанскаго празднованія, а отдыхъ—его естественнымъ слѣдствіемъ. Въ третьей части сочиненія авторъ говоритъ о значеніи празднованія воскреснаго дня для жизни человѣка и именно для жизни а) душевной, б) тѣлесной и в) экономической, проводя ту мысль, что польза празднованія воскреснаго дня для жизни людей несомнѣнна только при устанавливаемомъ имъ христіанскомъ характерѣ празднованія.

Сужденія автора вообще хорошо обоснованы. Прилагая къ сочиненію болѣе строгую мѣрку, можно желать болѣе обоснованнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи празднованія ветхозавѣтной субботы, болѣе яснаго опредѣленія отношенія субботы къ воскресному дню; можно отмѣтить, что историческій очеркъ празднованія воскреснаго дня въ западной Европѣ составленъ по журнальнымъ статьямъ и что авторъ имѣетъ дѣло съ литературою предмета русскою и нѣмецкою, а не вообще иностранною, какъ это видно и изъ встрѣчающихся въ сочиненіи противоположеній: „у насъ въ Россіи“.., „въ нѣмецкой же литературѣ“; „многіе нѣмецкіе изслѣдователи“,—„русскіе же изслѣдователи“; а это, конечно, не говоритъ объ особенной широтѣ знакомства автора съ литературою предмета. Но эти особенныя стороны сочиненія искупаются въ значительной степени общою полнотою разсмотрѣнія предмета, обстоятельностью очерковъ исторіи празднованія воскреснаго дня въ церкви древнехристіанской и русской, здравостию сужденій, истинно-христіанскимъ, до нѣкоторой степени даже аскетическимъ духомъ, хорошимъ литературнымъ языкомъ и тою пользою, какую можетъ оно принести при современномъ интересѣ къ вопросу о празднованіи воскресныхъ и праздничныхъ дней. По всему этому я нахожу возможнымъ, съ своей стороны, признать сочиненіе г. Смирнова и въ настоящемъ его видѣ удовлетворительною магистерскою диссертациею“.

Справка: Д. Смирновъ окончилъ полный курсъ наукъ въ Академіи въ іюнь 1891 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе печатной диссертациі и публичное защищеніе ея.

Постановили: Сочиненіе Д. Смирнова „Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе)“, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ

защитѣ своего сочиненія на коллоквиумѣ, о времени котораго предоставить Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ; официальными же оппонентами при защитѣ назначить экстраорд. профессоровъ М. Олесницкаго и Ѳ. Покровскаго.

IV. Прошеніе заслуж. ордин. профессора П. Ливницкаго отъ 14 текущаго декабря: „Прилагаемое при семъ сочиненіе „Изящная литература и философія“. Харьковъ. 1893 года, представляя для соисканія Макарьевской преміи, выдаваемой наставникамъ и воспитанникамъ Академіи, прошу покорно Совѣтъ Академіи сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе“.

Постановили: Сочиненіе проф. П. Ливницкаго передать на разсмотрѣніе экстраорд. профессору В. Малинину.

V. Представленіе ордин. профессора Н. Петрова отъ 13 текущаго декабря: „Въ 1893 и 1894 годахъ напечатано въ „Трудахъ Киевской духовной Академіи“ и отдѣльными оттисками сочиненіе бывшаго воспитанника Киевской дух. Академіи, кандидата богословія, учителя 2-го Орловскаго духовнаго училища Якова Горожанскаго подъ заглавіемъ „Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, епископъ Нижегородскій (1737—1795), его жизнь и труды“, основанное на первоисточникахъ, которые авторъ тщательно собиралъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ Россіи и даже за границей. Сочиненіе это, представленное авторомъ въ Совѣтъ Киевской духовной Академіи въ качествѣ магистерской диссертациі, заслужило одобрительные отзывы двухъ членовъ Совѣта Киевской духовной Академіи и признано симъ Совѣтомъ заслуживающимъ исковой степени. Честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Совѣта Киевской духовной Академіи, не благоволено ли ему будетъ назначить г. Горожанскому за помянутое сочиненіе Макарьевскую премію въ количествѣ трехсотъ рублей (300 р.)“.

Постановили: Сочиненіе Я. Горожанскаго удостоить боль-

шой студенческой Макарьевской преміи въ 300 руб., о чемъ, на основаніи 10 § положенія о ней, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Іоанникія, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи по принадлежности.

VII. Докладъ секретаря Совѣта: „По 89 § уст. дух. акад., журналы Совѣта по дѣламъ, относящимся до ученой дѣятельности Академіи, могутъ быть печатаемы вполнѣ или въ извлеченіи, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго. По 17 ст. штата дух. акад., назначена и сумма на печатаніе протоколовъ Совѣта. Въ настоящее время извлеченіе изъ протоколовъ за 189³/₄ учебный годъ оканчивается печатаніемъ и канцеляріей Академіи готовится къ печати извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта за 189⁴/₅ учебный годъ. Объ этомъ имѣю честь доложить Совѣту Академіи для зависящихъ съ его стороны распоряженій“.

Постановили: Испросить у Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Іоанникія разрѣшеніе на печатаніе извлеченія изъ протоколовъ Совѣта за текущій 189⁴/₅ учебный годъ.

На семь журналѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, положена резолюція: „1895 г. Япв. 23. Утверждается“.

1895 года 31 января.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Сильвестра, присутствовали: инспекторъ И. Корольковъ, профессоры—ординарные: Д. Поспѣховъ, И. Малышевскій, В. Пѣвницкій, С. Сольскій, Н. Петровъ, П. Ливидкій, Ак. Олесницкій и А.

Розовъ; экстраординарные профессеры: М. Ковальницкій, М. Олесницкій, Н. Дроздовъ, В. Малининъ, К. Поповъ и Ѳ. Покровскій. Не были въ собраніи экстраорд. профессеры П. Лашкаревъ и М. Ястребовъ—по болѣзни.

Слушали: I. Докладъ секретаря Совѣта: „Окончившій въ 1891 году курсъ наукъ Кіевской духовной Академіи со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе печатной диссертации и публичное защищеніе ея, а нынѣ состоящій преподавателемъ Калужскаго духовнаго училища Димитрій Смирновъ въ ноябрѣ 1893 года представилъ въ Совѣтъ Академіи на соисканіе степени магистра богословія свое печатное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Празднованіе воскреснаго дня, его исторія и значеніе“. Сочиненіе это, разсмотрѣнное экстраординарными проф. М. Олесницкимъ и Ѳ. Покровскимъ, Совѣтомъ Академіи 19 декабря 1894 года, согласно съ представленными рецензентами отзывами, было признано удовлетворительнымъ для степени магистра богословія, причемъ постановлено допустить магистранта къ защитѣ означеннаго сочиненія на коллоквиумѣ въ одномъ изъ ближайшихъ собраній Совѣта Академіи, назначивъ официальными оппонентами при защитѣ экстраорд. проф. М. Олесницкаго и Ѳ. Покровскаго.

На семь, состоявшемся нынѣ отъ 6^{1/2} до 9 часовъ вечера, коллоквиумѣ, кромѣ доцентовъ и другихъ преподавателей Академіи, приглашенныхъ Ректоромъ ея на основаніи примѣчанія къ 79 § уст. дух. акад., присутствовали и постороннія лица, приглашенные Совѣтомъ согласно 136 § уст. дух. акад.: преосвященный Іаковъ, епископъ Чигиринскій, кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, начальники и наставники мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, законоучители свѣтскихъ учебныхъ заведеній, священники кіевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторые любители духовнаго про-

свѣщеніи. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе задачи представленнаго имъ на степень магистра сочиненія, слѣдовали возраженія со стороны назначенныхъ Совѣтомъ официальныхъ оппонентовъ и выступившаго въ качествѣ неофициальнаго оппонента—чиновника особыхъ порученій канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода по штундистскимъ дѣламъ В. Скворцова. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ Академіи почти единогласно призналъ удовлетворительною“.

Постановили: Вслѣдствіе признанія удовлетворительными для степени магистра богословія какъ представленнаго Д. Смирновымъ сочиненія его „Празднованіе воскреснаго дня, его исторія и значеніе“, такъ и состоявшейся нынѣ защиты его авторомъ, удостоить кандидата Д. Смирнова степени магистра богословія, почему и просить ходатайства Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Іоанникія, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи Смирнова въ этой степени, согласно § 81. в. 6. уст. дух. акад.

По удаленіи приглашенныхъ на colloquiumъ постороннихъ лицъ, въ присутствіи однихъ членовъ Совѣта *слушали:*

II. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Іоанникіемъ, 30 декабря минувшаго года, указъ Святѣйшаго Синода отъ 22 того-же декабря за № 5716: „По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе преосвященнаго митрополита Московскаго, отъ 23 октября сего года за № 588, по ходатайству Совѣта Московской духовной Академіи объ отгнѣи распредѣленія вакансій ординарнаго профессора по 8 группамъ и предоставленіи занимать таковыя вакансии наставникамъ независимо отъ принадлежности преподаваемаго предмета къ той или другой группѣ. *Приказали:* Предварительно разрѣшенія изъясненнаго ходатайства Совѣта Московской духовной Академіи, поручить Вашему Преосвя-

щенству предложить Совѣту ввѣренной Вамъ Академіи съ своей стороны обсудить, желательно ли въ интересахъ богословской науки измѣненіе § 106 академическаго устава въ предлагаемомъ Совѣтомъ Московской духовной Академіи смыслѣ, для чего и послать Вашему Преосвященству указъ, съ приложеніемъ копіи съ соображеній Совѣта Московской духовной Академіи по означенному вопросу“.

б) Копію представленія Совѣта Московской духовной Академіи высокопреосвященному митрополиту Московскому Сергію съ соображеніями о существующемъ и желательномъ порядкѣ замѣщенія ординатуръ: „Въ настоящее время академическій уставъ всѣхъ преподавателей наукъ академическаго курса раздѣляетъ на 8 группъ, причемъ на каждой группѣ полагается по одному ординарному профессору, такъ что причисленный къ извѣстной группѣ никакъ не можетъ сдѣлаться ординарнымъ профессоромъ на другой, хотя бы тамъ мѣсто ординарнаго профессора и оставалось незанятымъ. Такой порядокъ, какъ разъясняетъ объяснительная записка къ уставу 1884 года, введенъ былъ въ тѣхъ лишь видахъ, чтобы предоставить побольше ординатуръ преподавателямъ спеціально-богословскихъ наукъ и нѣсколько поддержать преподавателей историческихъ наукъ, которые по преимуществу заняли въ академіяхъ ординарныя вакансіи.

Десятилѣтнее существованіе введеннаго уставомъ 1884 года порядка замѣщенія въ академіяхъ ординарныхъ вакансій показало, однако, что, съ одной стороны, этотъ порядокъ не достигъ предположенной цѣли, а съ другой—повелъ къ нежелательнымъ для академій послѣдствіямъ.

Практика дальнѣйшихъ лѣтъ вовсе не осуществила вполнѣ разумнаго стремленія устава къ равномѣрному развитію различныхъ отраслей богословія. Дѣйствительно, мы видимъ, что докторскія диссертациі въ академіи за послѣднія 20 лѣтъ пишутся почти всѣми профессорами на темы историко-археологическія и въ общемъ очень рѣдко имѣютъ пря-

мое отношеніе къ учебному предмету, преподаваемому докторантомъ, и если этотъ предметъ чисто - богословскій, то всегда черпаются изъ области исторіи; напротивъ того извѣстенъ примѣръ, что профессоръ церковной исторіи написалъ докторскую диссертацию на тему о древнихъ символахъ, болѣе близкую къ предмету догматическаго богословія. Далѣе, при разсмотрѣніи тѣхъ практическихъ неудобствъ, которыя возникли вслѣдствіе распредѣленія ординатуръ по группамъ, окажется, что одной изъ причинъ преимущественной разработки историческихъ матерій въ докторскихъ диссертацияхъ является именно это распредѣленіе ординатуръ, хотя и созданное съ противоположною цѣлью.

Помянутое неудобство начинается съ того, что съ раздѣленіемъ ординарныхъ вакансій на 8 группъ получается въ академіяхъ такое ненормальное положеніе дѣлъ: на нѣкоторыхъ группахъ наукъ академическаго курса всегда могутъ быть такіе преподаватели, которые по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ не будутъ имѣть ученой степени доктора, почему на такихъ группахъ званіе ординарнаго профессора будетъ оставаться незанятымъ. Наоборотъ на другихъ группахъ можетъ оказаться по нѣскольку преподавателей, имѣющихъ ученую степень доктора, которые, однако, никакъ не могутъ сдѣлаться ординарными профессорами только потому, что ординатура на ихъ группѣ уже занята однимъ изъ нихъ ранѣе. Эти преподаватели-доктора осуждены оставаться экстраординарными профессорами, хотя бы они служили въ академіи до глубокой старости и выдавались своими преподавательскими и учеными заслугами. Только смерть товарища, занимающаго на ихъ группѣ ординатуру, или его выходъ въ отставку можетъ измѣнить незавидное положеніе и то только одного изъ нихъ. И въ то время, какъ одни—старые заслуженные преподаватели, уже давно имѣющіе ученую степень доктора, по поступившіе на одну группу, будутъ оставаться экстраординарными профессорами, другіе сравнительно еще

очень молодые сослуживцы, находящіеся на такихъ группахъ, гдѣ ординарныя вакансіи свободны, поспѣшатъ занять ихъ. Тогда въ академіяхъ можетъ получиться такое положеніе дѣлъ: молодые преподаватели будутъ занимать большинство ординарныхъ мѣстъ, они сдѣлаются членами академическихъ правленій и будутъ пользоваться высшимъ денежнымъ окладомъ и почетнымъ положеніемъ въ академіи; а старые заслуженные профессора - доктора будутъ по необходимости занимать второстепенное, менѣе вліятельное и выгодное положеніе экстраординарныхъ профессоровъ.

Далѣе, указанное ненормальное положеніе дѣлъ не можетъ не оказать очень неблагопріятнаго вліянія и на развитіе академической науки въ томъ смыслѣ, что у однихъ преподавателей оно можетъ ослабить энергію въ ихъ ученой дѣятельности, другихъ же побудитъ перемѣнять каведру, чтобы попасть въ болѣе выгодную группу, и, наконецъ, едва ли не всѣхъ заставляетъ, въ виду такой нежелательной для академіи, но почти неизбежной, борьбы за ординатуру, заботиться въ своихъ диссертацияхъ не столько о широтѣ и глубинѣ ученыхъ предпріятій, сколько о соблюденіи формальныхъ требованій такъ называемой научности изъ опасенія придирчивой требовательности со стороны сотоварищей—ученыхъ судей. Въ послѣднемъ-то обстоятельствѣ и заключается прямая причина того, что почти исключительнымъ предметомъ докторскихъ диссертаций являются самые спеціальныя вопросы изъ области точнаго знанія, т. е. историческія монографіи и археологическія изслѣдованія, и обѣгаются богословско-философскіе трактаты или труды библейски-истолковательные, всегда открытые для неблагопріятныхъ отзывовъ со стороны не расположеннаго рецензента. Понятно отсюда, что одни изъ преподавателей чисто-богословскихъ наукъ въ виду этого воздерживались отъ писанія докторскихъ диссертаций, а другіе разрабатывали въ нихъ историко-археологическія темы. Если къ этому присовокупить и то обстоятельство, что во всѣ бого-

ИЗВѢСТІЯ

Церковно-Археологическаго Общества при Киевской Духов-
ной Академіи.

ЗА НОЯБРЬ 1894 г.

22 Ноября было очередное засѣданіе Церковно-Археологическаго Общества, на которомъ избраны въ почетные члены Общества настоятель Русской посольской церкви въ Вѣнѣ, протоіерей Александръ Васильевичъ Николаевскій, и протоіерей Николаевского собора Херсонской епархіи Іоаннъ Васильевичъ Воскресенскій, и членомъ, доцентомъ А. А. Дмитріевскимъ сдѣлано сообщеніе „О пещномъ дѣйствіи“.

Въ теченіи ноября мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество, музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Императорской Археологической Коммисіи: половина гипсового лѣпнаго надъоконнаго наличника съ разводами, найденная въ 1894 году въ усадьбѣ Киевской Десятинной церкви, по Десятинной улицѣ, на глубинѣ не болѣе вершка отъ поверхности земли, первой половины XVII вѣка, и десять вещей изъ числа найденныхъ въ 1885 году въ Киевѣ, въ усадьбѣ г. Есикорскаго, вмѣстѣ съ золотыми эма-левыми вещами, и имѣющихъ значеніе, какъ сопровождавшихъ означенную находку, а именно: желѣзный наконечникъ, три стеклянные поддона отъ сосудовъ и горлышко, глиняная игрушка, не большая кафельная плитка, два желѣзныхъ ратовища, глиняный горшокъ и разбитый глиняный сосудъ.

А) Отъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба— „Каталогъ Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба. Выпускъ VI. С.-Петербургъ. 1893 8-о.

В) Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества IV-й выпускъ „Матеріаловъ по археологіи Кавказа“. Москва. 1894.

Г) Отъ Далматскаго Археологическаго Музея въ Сплѣтъ—*Bulletino* сего музея за 1894 годъ, № 7. *Spalato*. 1894 8-о.

Д) Отъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества „Записки“ сего отдѣла, книжка XVII, выпускъ 2. Омскъ. 1894. 8-о.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, Преосвященнаго Петра, Епископа Сухумскаго, пять руб. (5 р.) серебромъ на нужды Общества.

Ж) Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Томской Духовной Семинаріи Архимандрита Никанора; „Отчетъ Томскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта о церковныхъ школахъ епархіи за 1892—93 уч. годъ“. Томскъ 1894 8-о.

З) Отъ дѣйствительнаго члена, совѣтника Курскаго Губернскаго Правленія Т. I. Вержбицкаго 1) *Biblia das ist die ganze Schrift altes und neues Testaments teutsch* D. Martin Luthers auff gnädige verordnung dess Durchteuchtigen hochgebornen Fürsten und Herrn Ernst Herzogen zu Sachsen, Iulich, Cleve und Berg et c. Nurnberg, 1662, in fol., 2) двѣ гравюры изъ житія св. Женевиѣвы, in 4-о.

И) Отъ члена—корреспондента, чиновника Канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора, А. Ф. Новицкаго: талеръ города Казале, 1617 г., съ изображеніями на одной сторонѣ Фердинанда Мантуанскаго и Монферратскаго, а на другой—великомученика Георгія на конѣ, поражающаго копьемъ дракона.

І) Отъ намѣстника Корсунскаго монастыря, Таврической епархіи, игумена Маркіана, чрезъ члена общества В. И. Гошкевича,—шелковый воздухъ, съ нашитымъ на немъ гравированнымъ на шелку видомъ Тихвинскаго монастыря и подписью: „Изображеніе Тихвинскаго монастыря. Усердіемъ архимандрита и кавалера Герасима 1800 года“.

К) Отъ настоятеля церкви села Роденска, Дніпровскаго уѣзда, Таврической губерніи протоіерея Василя Виноградова, чрезъ того же члена Гошкевича,—мѣдный позолоченный дукъ XVIII вѣка. На лицевой сторонѣ его—погрудное изоб-

раженіе императрицы, а на оборотной—Крсту твоему покланяемся Влоко и стое вокресеніе твое славимъ“, подъ короною и въ гирляндѣ изъ цвѣтовъ.

Л) Отъ законоучителя Кіево-подольской женской гимназіи священника Ар. Дашкіева—мѣдная печать съ гербомъ изъ шестиконечнаго креста безъ одного праваго рога въ нижней перекладинѣ и съ инициалами: Х. W. Сб.

М) Отъ М. М. Золотова: 1) мѣдный образокъ, съ изображеніями мученицъ Пераскевіи, Варвары и Екатерины, святителей Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и мучениковъ Кирика и Іулитты, XVIII вѣка; 2) серебряный чепскій грошъ Карла I (1346—1378); 3) мѣдный пятакъ 1770 года.

ЗА ДЕКАБРЬ 1894 г.

12 Декабря было очередное засѣданіе Церковно-Археологическаго Общества, на которомъ сдѣлано сообщеніе членомъ и секретаремъ Общества Н. Петровымъ о древней Кіево-подольской Борисоглѣбской церкви, замѣненной впослѣдствіи Рождество-Предтеченскою.

Въ теченіи декабря мѣсяца въ Церковно-Археологическое Общество, музей и библіотеку его поступили слѣдующія пожертвованія:

А) Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: 1) 38-й выпускъ „Православнаго Палестинскаго сборника“, заключающій древнія греческія сказанія о схожденіи въ Іерусалимѣ святаго огня въ великую субботу, и 2) „Сообщенія“ сего Общества, октябрь, 1894 года.

Б) Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи—„Труды“ сей Коммисіи, томъ VIII, выпускъ 2. Рязань 1894 4-о.

В) Отъ почетнаго члена, д. с. с. Н. А. Леопардова: 1) ефимокъ белгійскаго города Гельке, со штемпелемъ царя Алексѣя Михайловича, и 2) гравюра въ память освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ изобра-

женіемъ императора Александра II и его сподвижниковъ въ этомъ историческомъ дѣлѣ.

Г) Отъ членовъ Общества изъ состава академической корпорации тридцать пять рублей (35 р.) серебромъ на нужды Общества.

Д) Отъ дѣйствительнаго члена, секретаря Совѣта Кіевскаго Университета И. П. Исаева пять руб. (5 р.) серебромъ на нужды Общества.

Е) Отъ дѣйствительнаго члена, бывшаго профессора С.-Петербургской Дух. Академіи Н. И. Барсова: 1) письмо редактора „Радуги“ Андрея Бюргера, изъ Ревеля, отъ 7 февраля 1833 года, къ какому-то духовному лицу, съ благодарностью за присылку слова, которое Бюргеръ обѣщаетъ помѣстить во второй книжкѣ журнала; 2) письмо редактора „Домашней Бесѣды“ В. И. Асоченскаго, отъ 26 сентября 1856 года, къ архіепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентію, съ представленіемъ ему сочиненія „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академію“ и просьбою содѣйствовать распространенію сего сочиненія по епархіи, а также съ проектомъ касательно введенія въ нашихъ академіяхъ и семинаріяхъ класса Законовѣдѣнія, и 3) брошюра жертвователя „св. Григорія Неокесарійскаго слово на Рождество Христово“, С.-Петербургъ, 1894 года.

Ж) Отъ профессора Кіевскаго Университета св. Владимира П. В. Владимірова: „слово о полку Игоревѣ. Выпускъ I. Изъ лекцій П. В. Владимірова, Кіевъ, 1894 8-о.

З) Отъ члена - корреспондента, преподавателя Елсаветградскаго Реального училища В. П. Ястребова „сонъ ученика предъ экзаменомъ“, Комарницкаго, — рукопись нынѣшняго вѣка въ стихахъ, in 8-о, на 11-ти листкахъ.

И) Отъ священника села Медовки, Липовецкаго у., Кіевской губерніи, А. Шеремецинскаго метрическая выпись, выданная 11-го ноября 1823 года вицедеканомъ Липовецкаго уѣзда, униатскимъ священникомъ села Павловки Іосифомъ Сѣмашко, отцомъ литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашко.

І) Отъ псаломщика села Васильковецъ, Бердичевскаго у., Кіевской губерніи, С. Боярскаго — мѣдная монета временъ Латинской имперіи въ Константинополь (1204—1261 г.г.), найденная въ этомъ селѣ на огородѣ.

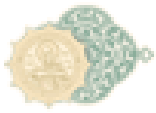
Секретарь *Н. Петровъ.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Новое ежемѣс. литературно-политическое изданіе

РУССКАЯ БЕСѢДА.

Въ первыхъ трехъ книгахъ (январьской, февральской и мартовской, напечатаны: *Ал. Васильева*. О задачахъ и направленіи „Рус. Бесѣды“.—*Ф. Одарченка*. Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права.—*Н. Аксакова*. Свобода, любовь и вѣра.—*К. Толстого*. О значеніи характера въ жизни народовъ.—*Арс. Введенскаго*. Евгений Онѣгинъ въ историческомъ значеніи типа.—*Его же*. Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова.—*П. А. Гейсмана*. Объ отношеніяхъ политики въ стратегіи.—*Д. Иловайскаго*. Ближайшія задачи нашего покровительства.—*Его же*. Къ вопросу о китайско-японскомъ столкновеніи. *С. Θ. Шарпова*. По садамъ и огородамъ.—*Рцы*. Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи.—*Лео*. Армянскій вопросъ.—*Черноморца*. Россія, Китай и Японія.—*Его же*. Предстоящее открытіе Нордъ-Остзейскаго канала.—*П. Ровинскаго*. Праздникъ „Славы“ черногорцевъ.—*Герис—ва*. Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.—*Проф. Гусева*. О необходимости измѣненія дух.-академическаго устава.—*В. И. Семеновича*.—Моск. город. кредитное общество въ наст., буд. и прошломъ.—Положеніе дѣлъ въ прикарпатской Руси.—Сербія.—Вселенскій патріархъ Анфимъ VII.—*И. Д. Бѣляевъ* (біографическій очеркъ).—*Θ. Четыркина*. Георгій Конисскій, архіеп. бѣлорусскій.—Забайкальскіе волки. Разсказъ. *В Вельскаго*.—Страшная казнь.—Герцеговинская быль.—Черные дни.—Изъ разсказа фельдшерицы.—Селяне женили монаха. Разсказъ. *В. Врчевича*.—Личное счастье.—*Панова*.—Дитя. Стихотвореніе. *Я. Верхлицкаго*.—Политическое обозрѣніе.—*Вопросы внутренней жизни*.—Библіографія, и т. д.

Въ безплатномъ приложеніи къ „Русской Бесѣдѣ“— „Благовѣстѣ“ помѣщена статья *Е. Апостолиди*: „Взглядъ о.о. церкви на изученіе греческихъ классиковъ“.

Подписная цѣна: съ доставкою на годъ 6 р., на полгода 3 р. Допускается разсрочка. Цѣна одной книги—одинъ рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Троицкая ул., № 18, а также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Гороховая ул. № 16.

Издатели: *А. В. Васильевъ, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомирецкій.*

Редакторъ *В. Драгомирецкій.*

Амфитеатровъ. Яковъ Космыичъ, орд. проф. Кіев. д. Академія.
Аскоченскаго. В. 1857 г. Ц. 1 р. съ перес.

Кіево-Подольская Успенская соборная церковь. Историко-статистич.
изслѣдованіе (Писано на Евгеніе-Румянц. премію) *Антонина іерод.* 1891.
Ц. 1 р. съ перес.

Бесѣды с. священника съ прихожанамя, 25 бесѣдъ. Ц. 50 к. съ перес.

О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи
ея отъ православной. *Бобровницкаго И. М.* Ц. 80 к. съ перес.

Древне-еврейскія монеты (съ рисунками). *Булатова С. А.* Ц. 3 р.
съ перес.

Очерки исторіи методизма, 1—2 тома. *Булакова А. И.* Ц. 1-го
т. (1887 г.) 2 р. 50 к., а 2-го (1887 г.) 1 р. 50 к. съ перес.

Безбрачіе духовенства. *Елюже.* 1891 г. Ц. 30 к. съ пер.

Когда нужно креститься (противъ перекрещенцевъ). *Елюже.* Ц. 25 к.

Стремленія англиканъ къ возстановленію древне-вселенской церков-
ности въ Англіи въ послѣднія 60 лѣтъ. Рѣчь, произнесенная на торжеств.
актѣ Кіев. д. Акад. 26 сент. 1893 г. *Елюже.* Ц. 25 к.

Пророческое служеніе въ израильскомъ (десятикольномъ) царствѣ.
Верехоловича М. 1891. Ц. 2 р. съ перес.

Храмы, построенные св. Владиміромъ и другими въ его время. *Гла-
зунова П.* 1888 г. Ц. 60 к.

Историческій характеръ книги Іудиев. *Дроздова Н. М.* Ц. 50 к.
съ перес

Археологія исторія страданій Господа І. Хр. *Маккавейскаго П. К.*
Ц. 2 р. съ перес.

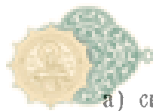
Проповѣди св. Кипрілла Александрійскаго. *Миролюбова А.* 1889.
Ц. 2 р. съ перес.

Кіево-Братскій училищный монастырь. Историческій очеркъ (съ
приложеніями и 9-ю фототипическими рисунками). *Мухина Н. Ѳ.* Ц. 2 р.
50 коп. съ перес.

Братскій совѣтъ новорукположенному въ сельскій приходъ священ-
нику. *Недѣльскаго А.* (свят.). 1883 г. Ц. 1 р. съ перес.

Некрологъ Высокопреосвященнаго Платона, митрополита кіевского
и галицкаго. 1891. Ц. 30 к. съ перес.

Синагоги іудейскія, какъ мѣста общественнаго богослуженія. *Ники-
тина А.* 1891 г. Ц. 2 р. съ перес.

Библиотека творений св. отцев и учителей церкви западных:

а) св. *Киприана карфаг.*, ч. 1—2 (письма и трактаты); б) *бл. Иеронима стридонского*: 1—3 части (письма); 4 ч. (Жизнь Павла пустыльника, св. Иларіона и монаха Малха; предисловіе къ лат. переводу правилъ св. Пахомія; разговоръ противъ люциферіанъ; о приснодѣствѣ бл. Маріи; книги противъ Елвдія, Іовіана, Вигиланція и Іоанна іерус.); 5 ч. (Апология противъ Руфина, разговоръ противъ нелагіанъ, книга о знаменитыхъ мужахъ; изложеніе хроникъ Евсевія Памфила, хроника самого бл. Иеронима; переводъ книги Дидима о Св. Духѣ); ч. 6 (Толкованіе на кн. Екклесіастъ и прор. Іереміи; переводъ двухъ бесѣдъ Оригена на кн. Пѣснь Пѣсней); 7—9 части (толков. на кн. пророка Ісаія); 10—11 части (толк. на кн. прор. Іезекиіля) и 12 ч. (толков. на кн. пророковъ Даниіла, Осіи и Іоіиля); в) *бл. Августина*, 1 ч. (Исповѣдь), 2 ч. (Противъ академикова; о жизни блаженной; о порядкѣ; о безсмертіи души; о количествѣ души; объ учителяхъ), 3—6 части (О градѣ Божіемъ) и 7 ч. (объ истинной религіи; о книгѣ Бытія). Цѣна каждой части—2 р. съ перес., кромѣ 9-й ч. твор. бл. Иеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ пер.

„Книга для назидательнаго чтенія. 4-е изд. (Одобрена Особ. Отдѣломъ Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для *ученическихъ народныхъ библиотекъ и другихъ учебныхъ заведеній* и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ *церк.-приход. школахъ въ качества книги для внѣкласснаго чтенія*). Цѣна 1 р. съ перес.; при требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для епархіальныхъ училищ. Совѣтовъ—40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ правосл. догматическаго богословія (съ историч. изложеніемъ догматовъ). *Еписк. Симеонъ Сильвестръ*. Т. 1 (изд. 3-е), л. 1 р. 70 к.; т. 2 (изд. 3-е). Ц. 3 р. 30 к.; томы 3, 4 и 5 по 3 р. за каждый съ перес.

Съ требованіями относительно какъ журнала „Труды К. д. Академіи“, такъ и всѣхъ вышеуказанныхъ изданій и книгъ, редакція проситъ обращаться **непосредственно** къ ней по слѣдующему адресу: **Въ Редакцію журнала «Труды Киевской духовной Академіи» въ Кіевѣ.**

Въ случаѣ не полученія какой-либо книги журнала слѣдуетъ заявлять объ этомъ не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги и по наведеніи справки въ мѣстной почтовой конторѣ или станціи.

Редакторъ профессоръ *В. Пивницкій*.

Печатать дозволяется. 26 апрѣля 1895 г.

Ректоръ Академіи *Епископъ Симеонъ Сильвестръ*.